

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

39
2022
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 39 (434) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахронов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Энрико Ферми (1901–1954)* — итальянский и американский физик, наиболее известный благодаря созданию первого в мире ядерного реактора. Считается одним из отцов атомной бомбы наряду с Робертом Оппенгеймером и Альбертом Эйнштейном. Лауреат Нобелевской премии по физике 1938 года «за доказательство существования новых радиоактивных элементов, полученных при облучении нейтронами, и связанное с этим открытие ядерных реакций, вызываемых медленными нейтронами».

Ферми родился в 1901 году в Риме в итальянской семье. Отец — железнодорожный служащий Альберто Ферми, потомок крестьян из Пьяченцы, мать — учительница из семьи военных из Бари. У Энрико были старшая сестра и старший брат Джулио, с которым Энрико был очень дружен. Всё своё свободное время мальчик посвящал чтению книг по физике и математике. Коллега отца заметил глубокий интерес молодого Ферми к науке и стал помогать ему в выборе литературы для обучения. Энрико проводил разнообразные физические опыты, в частности пытался определить точную плотность питьевой воды.

В ноябре 1918 года Ферми поступил в Высшую нормальную школу в Пизе. Через четыре года он успешно её закончил и получил степень в Пизанском университете за свои эксперименты с рентгеновскими лучами. Ферми принял участие в конкурсах на должность профессора физики в Пизанском и Флорентийском университетах, в последнем из которых выиграл. До начала работы во Флоренции Ферми принял приглашение Пауля Эренфеста, переданное ему Георгом Уленбеком, стажироваться в Лейденском университете. Способности Ферми были высоко оценены Эренфестом. Это стало поворотным моментом в карьере Ферми и заставило его поверить в свои силы. В 1925 году он стал преподавать во Флорентийском и Римском университетах. А в декабре 1925 года он независимо от Поля Дирака разработал статистику частиц с полуцелым спином, подчиняющихся принципу Паули, которые позднее назвали фермионами.

Восемнадцатого марта 1929 года 27-летнего Ферми избрали членом Королевской академии Италии, организованной Муссолини. Академия требовала, чтобы все её члены клялись в верности фашизму и Италии. Двадцать седьмого апреля 1929 года Ферми, как и многие итальянские учёные того времени, вступил в фашистскую партию. Позже он выступил против фашизма, когда Муссолини в 1938 году обнародовал расовые законы, чтобы идеологически приблизить итальянский фашизм к германскому национал-социализму.

В 1931 году Ферми был избран член-корреспондентом АН СССР.

После 1932 года Ферми сконцентрировался на проблемах ядерной физики. В 1934 году он создал первую количественную теорию бета-распада, известную также как четырёхфермионная теория слабого взаимодействия.

За серию работ по получению радиоактивных элементов путём бомбардировки нейтронами и за открытие ядерных реакций под действием медленных нейтронов в 1938 году Энрико Ферми была присуждена Нобелевская премия по физике. Выехав в 1939 году для её получения в Стокгольм вместе с семьёй, Ферми не вернулся в Италию, так как в то время итальянскими властями были приняты законы, существенно ужесточившие положение евреев (жена Ферми Лаура происходила из еврейской семьи). Он переехал в США, где пять университетов предложили ему место профессора физики. Ферми выбрал Колумбийский университет в Нью-Йорке, где и работал с 1939 по 1942 год.

В январе 1939 года Ферми высказал мысль, что при делении ядра урана следует ожидать испускания быстрых нейтронов и что, если число вылетевших нейтронов будет больше, чем число поглощенных, то тогда путь к цепной реакции будет открыт (до него это теоретически предсказал, но не смог получить Лео Силард). Проведённый эксперимент подтвердил наличие быстрых нейтронов, хотя их число на один акт деления осталось не очень определённым.

В июне 1942 года был получен коэффициент размножения нейтронов больше единицы. Это и послужило началом разработки конструкции ядерного реактора. Постройка его началась в металлургической лаборатории Чикагского университета в октябре, а закончилась 2 декабря 1942 года. В самодельной лаборатории под стадионом Stagg Field Stadium на этом реакторе был проведен эксперимент, продемонстрировавший первую самоподдерживающуюся цепную реакцию.

В 1944 году Ферми со своей женой Лаурой принял американское гражданство. Он наблюдал за многими экспериментами Манхэттенского проекта, в частности за первым испытанием бомбы в Аламогордо.

С 1950 года он стал одним из первых членов Комитета советников при Комиссии по атомной энергии.

В возрасте около 50 лет он изменил направление своей научной деятельности и начал заниматься физикой частиц высоких энергий и астрофизикой. И здесь он совершил множество открытий: создал теорию происхождения космических лучей и раскрыл механизм ускорения частиц в них (1949 год), разработал статистическую теорию множественного рождения мезонов (1950 год), открыл изотопический квадруплет, ставший первым адронным резонансом (1952 год), изучал взаимодействие протонов с пи-мезонами.

Энрико Ферми умер во сне в возрасте 53 лет и был похоронен на кладбище Oak Woods в Чикаго.

В его честь названы распределение Ферми — Дирака, модель Томаса — Ферми, парадокс Ферми, химический элемент фермий и др.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алипова К. А.

Особенности перехода от традиционного правового регулирования к экспериментальному в области цифровых технологий..... 81

Алипова К. А.

Анализ нормативных правовых актов и документов стратегического планирования, определяющих повестку цифровой трансформации в Российской Федерации84

Альжанов Е. К.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление 90

Беляева И. И.

Основные направления внедрения компьютерных технологий в почерковедение и в судебную почерковедческую экспертизу 91

Гайстер Н. А., Беляева А. А.

Сущность, цели и принципы государственного управления в Российской Федерации.....93

Гайстер Н. А., Беляева А. А.

Оценка эффективности государственного и муниципального управления96

Гамидова Т. Т.

Проблемы квалификации необходимой обороны 97

Гражданкина К. С.

Факты, не подлежащие доказыванию в гражданском процессе99

Губина Г. В.

Проблемы правового статуса службы в органах прокуратуры РФ101

Данилова К. А.

К вопросу о расторжении и изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств 104

Еремеева Д. А., Юзефович Ж. Ю.

Сущность административных правонарушений в области защиты государственной границы Российской Федерации: общая характеристика и квалификация правонарушений 106

Еремеева Д. А., Юзефович Ж. Ю.

Некоторые особенности применения административной ответственности за нарушения в области защиты государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России 108

Ершова И. В.

Виды учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы 111

Кадыров Д. У.

Ошибки, допускаемые судом при вынесении приговора. Вопросы теории и практики..... 113

Кирса А. С.

Проблемные аспекты определения терминологии экономических преступлений115

Козлова Ю. С.

Разграничение преступлений, связанных с банкротством, от смежных составов преступлений 117

Кузнецова С. С.

Соотношение компетенции арбитража и арбитражных судов 120

Купцова А. С.

Современное состояние государственной охраны объектов археологического наследия на территории Иркутской области 123

Миллер В. И. Пытки как квалифицирующий признак превышения должностных полномочий.....	128	Осипова А. М. Суд присяжных: современные проблемы и перспективы их решения	142
Мильчаков А. А. Принцип добросовестности: сущность и назначение	130	Рябинина М. К. Цифровая трансформация налогового контроля	143
Митин С. Н. Некоторые проблемы института недостойных наследников.....	133	Рябинина М. К. Практическое применение положений пункта 4.3 статьи 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках принудительного исполнения требований исполнительных документов службой ФССП	145
Митин С. Н. Механизм наследования по закону	135	Синицына Д. А. Проблемы применения института особого порядка принятия судебного решения: преимущества и недостатки	147
Мортяков Е. Е. Особенности лишения специального права управления транспортными средствами в соответствии с проектом КоАП	138	Скиданова А. А. К вопросу о взаимосвязи предмета доказывания и стандартов доказывания в гражданском процессе.....	151
Нестерова М. А. Административно-правовой статус федеральных государственных служащих и государственных служащих субъектов Российской Федерации ..	140		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности перехода от традиционного правового регулирования к экспериментальному в области цифровых технологий

Алипова Ксения Александровна, студент магистратуры
Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Статья содержит анализ механизмов экспериментального правового регулирования отношений, возникающих в результате внедрения инновационных технологий, а также предложения по масштабированию гибкого регулирования на иные сферы деятельности. В статье приводится анализ правовых актов, а также мнения российских и зарубежных экспертов.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, инновационные технологии, апробация, цифровая трансформация, регуляторная «песочница».

Правовое регулирование общественных отношений в любой сфере деятельности является инструментом обеспечения их легитимности. Официальной классификации правового регулирования на традиционное и экспериментальное, на жесткое и гибкое не принято. Однако исследование причинно-следственных связей между процессами изменения общественных отношений и адаптации норм права в связи с такими изменениями свидетельствует о том, что правовое регулирование за последние несколько лет стало более гибким. Разумеется, речь идет не о таких правовых актах, как Конституция Российской Федерации или федеральные законы, речь идет о подзаконных актах, в частности актах Правительства Российской Федерации.

Особенно заметна «гибкость» норм права в сфере внедрения информационных технологий, и в особенности, инновационной деятельности. Это связано с тем, что рынок инновационной технологической продукции чрезвычайно динамичен. В качестве примера по последним данным аналитиков Gartner (ноябрь 2021 года), объем мирового рынка информационных технологий по итогам 2021 года составил 4,24 трлн долл., в 2022 году — 4,47 трлн долларов. По сведениям Tadviser [1] динамика мирового рынка информационных технологий за период 2007-2018 гг. достаточно хорошо коррелирована с динамикой темпов роста ВВП. Однако в последние годы рынок ИКТ растет примерно в 2 раза быстрее ВВП.

Пандемия 2020 года привела к повсеместному и, в некотором роде, вынужденному переходу к цифровому формату организации процессов жизнедеятельности. Эта ситуация значительно повысила важность использования цифровых технологий и переориентировала поль-

зователей на удаленный формат работы и использование дистанционных технологий. Такие изменения повлияли как на жизнь людей, так и на устройство экономики в целом. При этом органы публичной власти также стали искать механизмы стимулирования внедрения информационных технологий путем изменения подхода в правовом регулировании.

Однако еще задолго до пандемии, как отмечает А. В. Лапин, в 2017 г. генеральный секретарь ОЭСР Хосе Анхель Гурриа назвал в качестве конфликтных ситуаций, часто возникающих в цифровой экономике, отсутствие ясных подходов к ее правовому регулированию и предположил, что правовые основы цифровизации быстро устаревают [2]. Х. А. Гурриа предлагает в современных условиях стремительных цифровых инноваций и с учетом широкого применения цифровых технологий в экономике следующее: «предоставить экспериментальное пространство для законодательства и рассмотреть саморегулирование отрасли — это два варианта поиска путей достижения устойчивого баланса между «мягким юридическим вмешательством в регулирование цифровизации экономики и жестким юридическим вмешательством» [2].

Переводя процитированное на понятийный аппарат российского регулирования речь идет о так называемых регуляторных песочницах — экспериментальных правовых режимах, позволяющих апробировать тот или иной подход в рамках эксперимента до момента его запуска в тираж. Необходимо отметить, что такой подход начал применяться в России уже в 2016 году с момента выпуска постановления Правительства Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 787 «О реализации пи-

лотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 235», постановления Правительства Российской Федерации от 30 мая 2018 г. № 620 «О проведении эксперимента по маркировке средствами идентификации обувных товаров на территории Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 224 «Об утверждении Правил маркировки табачной и никотинсодержащей продукции средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении табачной и никотинсодержащей продукции», постановления Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» и иных.

Только в 2020 году был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который закрепил особенности применения специальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, круг участников экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, а также порядок установления, реализации, изменения, приостановления, прекращения, мониторинга, оценкой эффективности и результативности таких режимов.

Рассматриваемый федеральный закон также определил ключевые направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций:

- 1) медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность;
- 2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания;
- 3) сельское хозяйство;
- 4) финансовый рынок;
- 5) продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом;
- 6) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений;
- 7) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, осуществ-

ление иных полномочий и функций государственными органами и органами местного самоуправления;

- 8) промышленное производство (промышленность);
- 9) иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, установленные Правительством Российской Федерации.

Главная особенность указанного федерального закона — предоставление возможности законного обхода действующих норм права, которым противоречит подход, сформулированный экспериментом. Говоря простым языком, порядок движения беспилотных транспортных средств (без участия водителя) вступает в противоречие с действующим законодательством, однако в рамках эксперимента законодатель как бы «закрывает глаза» на этот нюанс и разрешает тестировать такие беспилотники на территории региона. И это становится абсолютно законным.

Во исполнение указанного Федерального закона были приняты постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций», постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 1979 «Об утверждении Правил ведения реестра экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций и доступа к нему» и иные правовые акты, дополняющие новую регуляторику в том числе в области экспериментов в области лицензирования, маркировки биологически активных добавок к пище и т. д.

Общий смысл такого экспериментального подхода — «пощупать» новую технологию, понять, как она работает, апробировать ее в разрез с действующими правовыми нормами в целях получения вывода о том, насколько целесообразна такая технология к внедрению и соответствующему финансированию из федерального бюджета. Апробация осуществляется, как правило, в условиях ограниченного времени.

Для получения статуса участника регуляторной песочницы, субъект предпринимательской деятельности должен представить программу экспериментального режима. Программа должна предусматривать описание инновационной бизнес-модели (сервиса или продукта), основанной на цифровой инновации, должны быть проанализированы ее потенциал и возможные риски, определены способы их минимизации. В случае одобрения представленной программы участник экспериментального правового режима получает возможность протестировать в условиях реального рынка с реальными потребителями, но с применением определенных регуляторных послаблений (специального регулирования), в определенный программой срок [3]. Как правило, такой срок составляет от 3 до 12 месяцев (Великобритания, Китай, Индия, Австралия), однако законодательством отдельных стран, например, ОАЭ, устанавливается срок до двух лет, России — до пяти лет [3].

Представляется, что такие эксперименты имеют эффективность, что особенно видно на примере активного использования системы маркировки разных видов товаров в целях их идентификации цифровыми способами. Кроме того, представляется, что применение экспериментального (временного) подхода позволит минимизировать как социальные, так и экономические риски от возможного массового внедрения бесполезной технологии.

При этом, как отмечает Баракина Е. Ю., важно сбалансировать данную систему таким образом, чтобы одновременно и стимулировать их развитие, и предупредить негативные последствия в условиях формирования новых общественных отношений, складывающихся в сфере использования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники [4]. Автор на основе материалов международного опыта применения регуляторных «песочниц» имеет ввиду, в частности, следующие негативные последствия:

- нарушение конкурентной среды по причине предоставления доступа к «песочнице», например, лицензированных и нелицензированных (то есть изначально не равноправных);
- ограниченность тестирования в трансграничной среде — бизнес в «песочнице» не получает выгод от важной функции регулирования — стандартизации деятельности, которая позволяет осуществлять трансграничный обмен;
- отсутствие выгод от тестирования.

Минимизации негативных последствий может служить прямой диалог между регулятором и участниками эксперимента, а также предварительно проведенная оценка рисков эксперимента. Причем, по мнению Баракиной Е. Ю., специальное регулирование со стороны инициатора (регулятора) должно включать следующие основные составляющие: регламент взаимодействия регулятора и субъектов; процедуры приобретения, приостановления и прекращения статуса субъекта площадки; введение обязательных условий участия (например, по-

лучение лицензий, разрешений и т. д.); регламент проведения мониторинга деятельности субъекта площадки; формирование обязательной системы защиты от негативных последствий применения ИИ, роботов и объектов робототехники [4].

В продолжение следует отметить, что гибкое правовое регулирование может быть распространено помимо инновационной деятельности на иные сферы регулирования общественных отношений. В частности, в области поддержки развития промышленного производства, машиностроения, образования, социального обеспечения представляется возможным внедрить аналогичные инструменты апробации, не связанные с применением цифровых технологий.

Таким образом справедливым является вывод о том, что в Российской Федерации, как и за рубежом поддерживается тенденция правового регулирования отношений с использованием цифровой технологии в рамках экспериментального правового режима в виде последовательных шагов:

- определение определенной сферы эксперимента;
- определение состава участников на добровольных условиях;
- определение сроков и границ проведения эксперимента;
- обязательная оценка результатов его проведения;
- принятие на основе оценки результатов эксперимента решения об успешности или неуспешности эксперимента, а также о возможности его закрепления в виде постоянного (традиционного) регулирования и распространения на всех участников сферы.

Справедливым также является и вывод о том, что такой подход имеет как положительные, так и отрицательные стороны, однако выявление негативных результатов на этапе апробации технологии бесспорно влечет меньше рисков, чем их выявление после массового внедрения в ходе устранения последствий таких результатов.

Литература:

1. IT-отрасль в России и мире: как растет рынок информационных технологий. — 2022. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-otrasl-v-rossii-i-v-mire-kak-rastet-rynok-informatsionnykh-tekhnologiy/> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Лапин, А. В. Развитие национальной инновационной системы как обязательное условие технологических изменений и роста производства // Административное и муниципальное право. 2018. № 4. с. 26-41.
3. Громова, Е. А. О роли специальных и экспериментальных режимов в развитии конкурентоспособных цифровых технологий // Юрист. 2021. № 11. с. 34-38.
4. Баракина, Е. Ю. К вопросу об установлении экспериментального правового режима в области применения искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2021. № 2. с. 64-67.

Анализ нормативных правовых актов и документов стратегического планирования, определяющих повестку цифровой трансформации в Российской Федерации

Алипова Ксения Александровна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

Статья содержит анализ нормативных правовых актов и документов стратегического планирования, определяющих поэтапный переход к цифровой трансформации в Российской Федерации. В статье приводится анализ правовых актов, а также мнения независимых источников информации.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, цифровая трансформация, экспериментальные правовые режимы, инновационные технологии.

Путь от автоматизации к цифровой трансформации в Российской Федерации пролегал поэтапно, основные принципы и механизмы реализации которого нашли отражение в ключевых правовых актах.

В первую очередь необходимо обратиться к Конституции Российской Федерации. Конституция Российской Федерации не содержит прямого указания на право или обязанность органов государственной власти использовать информационные технологии в своей деятельности, однако содержит общие требования, предполагающие свободу различных способов использования информации согласно части 4 статьи 29 («каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом» [1]), части 5 статьи 29 («гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» [1]), части 1 статьи 24 («Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [1]).

Кроме того, Конституция Российской Федерации закрепляет подведомственность вопросов информационных технологий и обеспечения безопасности при их использовании в статье 71 [1]:

«В ведении Российской Федерации находятся:

и) федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральные транспорт, пути сообщения, информация, информационные технологии и связь; космическая деятельность <*>;

м) оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования; обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных <*>;».

Примером использования информационных технологий на уровне государства безотносительно к конкретным органам государственной власти может служить возможность использования Интернет-ресурсов для опу-

бликования нормативных правовых актов Российской Федерации.

На основании статьи 4 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П разъяснено, что включение в перечень официальных изданий соответствующего интернет-портала (www.pravo.gov.ru), обусловленное объективным изменением структуры информационного пространства в современных условиях, позволяет осуществлять функцию всеобщего оповещения о принятии тех или иных нормативных правовых актов и ознакомления с ними в целях их обнародования в контексте требования Конституции Российской Федерации с использованием новых информационных технологий [2]. Аналогичным образом крайние изменения Конституции Российской Федерации также были опубликованы на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г. и с момента этого опубликования вступили в силу.

Особенности использования информационных технологий с точки зрения отнесения программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) к объектам интеллектуальной собственности регулируются четвертой частью Гражданского кодекса Российской Федерации. Таким программам для ЭВМ предоставляется правовая охрана в порядке, аналогичном использованию произведений литературы [3].

Вопросы непосредственного использования информационных технологий изложены в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. Ука-

занный Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при:

- 1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации;
- 2) применении информационных технологий;
- 3) обеспечении защиты информации.

В частности, дается понятие информации, информационных технологий, информационной системы, государственной (муниципальной) информационной системы и других, относящихся к вопросам использования информационных технологий. Кроме того, закрепляются общие требования к созданию, развитию и эксплуатации государственных (муниципальных) информационных систем, правовой статус информации, содержащейся в таких системах с отсылкой к требованиям о порядке закупке товаров, работ и услуг в отношении государственных (муниципальных) информационных систем, в частности в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5].

Более конкретные шаги по внедрению в правовое пространство механизмов функционирования цифровых технологий в Российской Федерации отражены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 (далее — Стратегия), правовую основу которой составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденные Президентом Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, определяющие направления применения информационных и коммуникационных технологий в Российской Федерации.

Стратегия не использует понятие «цифровая трансформация», однако содержит описание подхода по перестройке процессов осуществления функций органов власти в целях достижения повышения качества оказания государственных услуг и исполнения государственных функций.

При этом предпосылками перехода экономики в цифровую среду в Стратегии определены результаты развития информационного общества на предыдущем этапе. Так в рамках создания и развития информационного общества в качестве приоритетных направлений были выбраны популяризация использования и распространения мобильных устройств, а также беспроводных технологий, сетей связи, обеспечение их доступности для населения. Кроме того, отмечалась важность внедрения информационных технологий в современные управленческие системы во всех отраслях экономики, включая государственное управление, вопросы обороны и безопасности,

обеспечения контрольно-надзорных функций и правопорядка.

В частности, согласно Стратегии успешно реализованная система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме стала основой и стимулом для оптимизации как процесса получения услуг, так и временных и трудовых издержек органов власти на ведение бумажного документооборота, осуществления межведомственного взаимодействия, работы с большим объемом сведений, в том числе персональных данных, а также обеспечила повышение доступности результатов деятельности органов власти для граждан, позволила значительно сократить очное посещение органов власти, включая срок ожидания получения результатов услуг. Предоставление услуг в электронной форме стало основой для повторного использования данных, полученных в результате оказания услуг, в цифровом виде.

Таким образом, анализ Стратегии позволяет сделать вывод о понимании государством ценности обеспечения своевременной трансформации механизмов всех сфер общественной жизни под изменяющиеся условия внешней среды, включая мировую экономику, производство, кадровую политику в целях устойчивого развития страны, в том числе с применением информационных технологий.

Стратегия еще не оперирует понятием «цифровая трансформация», но создает правовую и идеологическую основу для перехода к существенному изменению процесса осуществления государственных услуг и функций с применением цифровых технологий.

Далее следует рассмотреть положения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Документ формирует ряд поручений Правительству Российской Федерации в области совершенствования деятельности органов власти, в том числе за счет внедрения цифровых технологий. В частности, установлено требование о достижении ряда показателей, предусматривающих, в частности, [6]:

- обеспечения формирования единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения;
- обеспечения формирования единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения;
- обеспечения доступа граждан и организаций к открытым данным, содержащимся в информационных системах органов государственной власти Российской Федерации;
- обеспечение совершенствования системы публикации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» решений суда и обеспечение доступа к этим решениям;
- повышение доли граждан, воспользовавшихся получением государственных и муниципальных услуг до 70 процентов к 2018 г.

Большинство перечисленных показателей отражают цель в повышении открытости и доступности информации, находящейся в распоряжении органов власти, для граждан и организаций за счет использования информационных технологий, а также поручения о нормативном закреплении взаимодействия граждан и организаций с органами власти в электронной форме.

Продолжение рассмотрения вопроса использования цифровых технологий связывается с федеральным проектом «Цифровое государственное управление» (далее — федеральный проект), включенным в состав национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [7].

В рамках федерального проекта основные требования к цифровой трансформации раскрыты через трансформацию государственных и муниципальных услуг, где в числе прочих, определены следующие мероприятия:

- использование реестровой модели оказания государственных и муниципальных услуг;
- проактивности при оказании государственных и муниципальных услуг (т.е. услуги оказываются автоматически без лишних действий со стороны заявителя);
- реализация требований многоканальности (использование различных средств информирования и получения результата (мобильные приложения, банковские сайты, сайты органов власти, МФЦ) и экстерриториальности (независимости от места нахождения заявителя) при оказании государственных и муниципальных услуг.

При этом, «в отличие от многих зарубежных стран (например, Австралии, Дании, Великобритании и др.) в российском федеральном проекте не реализован принцип внедрения цифровых по умолчанию государственных услуг, даже для наиболее массовых их видов [8]. Другими словами, речь идет о способе получения услуг полностью в цифровом виде, включая результат, без получения бумажного документа (лицензии, свидетельства, разрешения, выписки и др.).

Следующим этапом ознаменовано определение цифровой трансформации национальной целью развития государства до 2024 и 2030 года в рамках Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года и Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В рамках национальной цели «Цифровая трансформация» документом установлены следующие целевые показатели ее достижения:

- достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;
- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов;
- рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информацион-

но-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97 процентов;

— увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года.

Отдельно необходимо рассмотреть показатель «цифровой зрелости» государственного управления. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915» установлена методика расчета показателя «Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений», согласно которой показатель рассчитывается на уровне субъектов Российской Федерации как доля достижения органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, а также государственного управления целевых значений индикаторов, характеризующих достижение показателя указанных отраслей и государственного управления. В числе целевых значений таких индикаторов в сфере государственного управления законодатель заявляет следующие:

- определение доли видов сведений в информационных системах органов власти, необходимых для оказания массовых социально значимых услуг в электронной форме;
- определение доли юридически значимого документооборота между органами власти, и их подведомственными организациями в электронной форме;
- достижение сокращения времени оказания государственных и муниципальных услуг на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) и (или) региональном портале государственных услуг в 3 раза;
- определение доли государственных и муниципальных услуг, по которым не зафиксировано нарушения регламентного срока при их получении с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) и (или) региональном портале государственных услуг;
- определение доли произведенных контрольно-надзорных проверок в электронном виде;
- определение количества государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти в ре-

естровой модели (использование сведений о реквизитах реестровой записи без необходимости получения свидетельства или оригинала выписки из государственного реестра) и (или) в проактивном режиме с предоставлением результата в электронном виде на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций);

— определение доли обращений за получением массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), без необходимости личного посещения органов государственной власти, органов местного самоуправления и многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, в общем количестве таких услуг.

Как видно из указанных выше сведений, с цифровой зрелостью, как одним из показателей цифровой трансформации государственного управления, законодатель связывает обеспечение максимального перевода государственных услуг для населения в цифровой вид, а также обеспечение подтверждения юридически значимых действий в цифровом виде. Также важным признаком цифровой зрелости законодатель определяет дистанционный формат получения государственных и муниципальных услуг, т.е. без необходимости вообще приходить в ведомство, в том числе за оригиналом результата оказания таких услуг. И важно отметить, что указанные требования распространяются в том числе на контрольно-надзорную деятельность, потенциально снижая при этом риск коррупционной составляющей при проведении таких проверок на местах.

В этом отношении вектор цифровой трансформации государственного управления в России не отстает от аналогичных мер, принимаемых в зарубежных странах. В зарубежной практике цифровая трансформация в государственном управлении не сводится только к изменениям при предоставлении госуслуг. Значительными являются возможности современных цифровых технологий для трансформации выработки государственной политики и нормотворчества, администрирования доходов, управления государственным имуществом, контрольно-надзорной деятельности [8, с. 8]. При этом такие технологии используются в качестве инструментов планирования, контроля реализации на каждом этапе и оценки результатов деятельности органов власти, а эффект от внедрения цифровых технологий определяется на основе оценки их влияния на результаты деятельности органов власти.

Например, в Германии в рамках концепции «Индустрия 4.0» цифровая трансформация рассматривается в качестве уникального явления, отождествляющего переход на цифровую экономику, перестройкой способа производства в традиционных отраслях с использованием цифровых технологий, в том числе с масштабным применением киберфизических систем. Среди ключевых технологий «Индустрии 4.0» (ее также называют чет-

вертой промышленной революцией) в Германии принято рассматривать интернет вещей, интеллектуальные системы, включая технологии машинного обучения и распознавания естественного языка, а также большие данные, биометрию и др.

В Японии на первый план выходит влияние цифровизации на общество в целом. Так, в соответствии с предложенной ассоциацией бизнеса Японии концепцией «Общество 5.0» цифровая трансформация должна привести к новому (пятому) этапу развития человеческого общества (после первобытного общества, аграрного общества, промышленного (индустриального) общества и информационного (постиндустриального) общества) [8, с. 15].

Во Франции популярно такое явление, как «уберизация», то есть трансформация секторов производства при помощи инноваций, основанных на цифровых технологиях [8, с. 16]. Толкование термина «уберизация» применяется в разных вариантах, однако в широком смысле под этим понимается замена посредников между сторонами цифровыми платформами. Термин заимствован от одноименной компании Uber, которая разработала мобильное приложение, позволяющее клиентам заказывать услуги перевозки (аналог такси) неопределенному кругу перевозчиков на личном автотранспорте. Платформа адресует заказ тому или иному перевозчику самостоятельно. Другими словами, платформа является посредником по сделке об оказании услуг перевозки.

И наконец, цифровая трансформация упоминается в контексте мер по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в рамках постановления Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами». Согласно документу, цифровая трансформация — совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в следующих целях:

- а) повышение удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг в цифровом виде,
- б) снижение издержек коммерческого сектора при взаимодействии с органами власти;
- в) снижение издержек государственного управления;
- г) создание условий для сокращения незаконных экономических операций;
- д) повышение уровня надежности и безопасности информационных систем, а также импортозамещения иностранного программного обеспечения информацион-

но-технологической инфраструктурой российского производства;

е) снижение административной нагрузки на сферу предпринимательства деятельности в рамках осуществления контрольно-надзорной деятельности.

Теперь такое явление, как «цифровая трансформация» начинает «обрастать» функциональной структурой, представляющей собой конкретные подразделения или организации, отвечающие за цифровую трансформацию ведомства, а также осуществляющие функции технического заказчика в области создания, развития, эксплуатации цифровых продуктов во главе с руководителем цифровой трансформации, на которого возлагается ответственность за результаты реализации проектов цифровой трансформации. Также более конкретно сформулированы требования к правовым актам, закрепляющим перечень мероприятий каждого органа власти в области управления и реализации проектов цифровой трансформации.

И наконец распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 3277-р «Об утверждении плана мероприятий по проведению инвентаризации ИТ-ресурсов» сформулированы поручения как для федеральных органов государственной власти, так и для высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации организовать и обеспечить в установленные сроки выполнение мероприятий плана в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации, в том числе проведение инвентаризации ИТ-ресурсов в находящихся в ведении органов власти подведомственных учреждениях и предприятиях. План мероприятий, в частности, предполагает назначение уполномоченных должностных лиц за проведение инвентаризации ИТ-ресурсов, формирование перечня информационных ресурсов, необходимых для решения тематических задач инвентаризации ИТ-ресурсов, в том числе:

— для выявления незарегистрированного в национальном фонде алгоритмов и программ программного обеспечения;

— для выявления неаттестованных по требованиям информационной безопасности государственных информационных систем;

— для выявления незарегистрированных в реестре федерального имущества компонентах государственных информационных систем.

Указанные требования позволяют сделать вывод о принятии на уровне Правительства мер не только в отношении определения ключевых направлений цифровой трансформации, но и мер по контролю за достижением результатов такой трансформации.

Принимая во внимание изложенное, цифровую трансформацию в широком смысле следует понимать, как существенное изменение бизнес-процессов с использованием цифровых технологий, в результате чего удастся достичь повышение качества производственной деятельности. В узком смысле суть и назначение цифровой трансформации определяется для каждого конкретного

бизнес-процесса, в отношении которого такая трансформация проводится.

Таким образом, актуальными ключевыми направлениями цифровой трансформации на уровне Правительства Российской Федерации обозначены:

— отрасли экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования;

— государственное управление;

— перевод массовых социально значимых услуг в электронный вид;

— проведение широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

— увеличение количества отечественных решений в сфере информационных технологий.

В области государственного управления направления цифровой трансформации в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» определяется органами исходя из собственных полномочий и оформляются в виде ведомственных программ цифровой трансформации.

Как следует из изложенного, можно выделить объект цифровой трансформации органов государственной власти — конкретные «бизнес-процессы» по осуществлению той или иной функций органа. Условно такие «бизнес-процессы» можно разделить на внутренние и внешние в зависимости от направленности деятельности органа власти и конечного получателя результата такой деятельности.

В качестве примера внутренних процессов можно привести исполнение функций по обеспечению «работоспособности» органа власти.

Речь идет, например, о типовых функциях по нормативному правовому обеспечению деятельности органа власти, включая процессы по разработке правовых актов, соглашений, участию в судебном представительстве и т. д. Аналогично, к типовой функции можно отнести деятельность органа власти по осуществлению закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», по реализации мероприятий по защите информации, документообороту, кадровому делопроизводству, финансовому обеспечению деятельности и т. д. Общим для указанных функций будет то, что они характерны (типичны) для любого органа власти, независимо от его направления деятельности. Конечным потребителем результатов исполнения типовых функций, как правило, являются сотрудники органа власти.

Примером внешних «бизнес-процессов» могут выступать процессы в рамках исполнения уникальных

функций для так называемого «внешнего пользователя» (граждане, бизнес, общественные организации), которые напрямую зависят от направления деятельности органа власти. В качестве примера можно привести функции по оказанию мер поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства, социально-ориентированным некоммерческим организациям, которые являются одним из основных направлений деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации [9] на федеральном уровне, и, соответственно, отраслевых органов власти субъектов Российской Федерации — на региональном уровне. Аналогично уникальной функцией по осуществлению, например, государственной политики в области контроля за транспортной отраслью является функция Министерства транспорта Российской Федерации [10] и подведомственных ему органов, организаций. Конечным потребителем результатов исполнения уникальных

функций, как правило, являются граждане и организации, то есть те субъекты, на которые направлена та или иная государственная функция (субъекты малого и среднего предпринимательства, организации транспортной отрасли и т. д.).

Независимо от того, является ли объектом цифровой трансформации внутренняя деятельность органа власти или деятельность по обеспечению предоставления услуг и исполнения функций, благополучателями которых являются граждане и организации, меры, которые предпринимает государство сконцентрированы на планомерном переосмыслении всех процессов во взаимосвязке с потребностями и вызовами, которые встают перед государством и во многом обуславливают потребность необходимости соответствия им. В следующей главе будут рассмотрены результаты сравнительного анализа опыта внедрения инструментов цифровой трансформации в Российской Федерации и в зарубежных странах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П // Собрание законодательства Российской Федерации, 09.04.2012, № 15, ст. 1810
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Собрание законодательства Российской Федерации», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 // «Собрание законодательства Российской Федерации», 07.05.2012, № 19, ст. 2338.
7. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» одобрен 17 сентября 2018 г. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (<http://government.ru/news/34001/>) (Дата обращения: 11.02.2022).
8. Доклад «Цифровое будущее государственного управления по результатам» Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 2019, с. 9-10.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.06.2008, № 24, ст. 2867.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 395 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 09.08.2004, № 32, ст. 3342.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

Альжанов Ерлан Канадович, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Среди различных видов убийств законодательство выделяет убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)).

Данный состав преступления в уголовно-правовой доктрине именуется привилегированным видом убийства или убийством, совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, так же, как и в других видах убийств, является человеческая жизнь. [2]

Следовательно, объективная сторона превышения пределов необходимой обороны характеризуется следующими признаками: деянием, последствиями в виде причинения смерти, наличием связи между деянием и наступившими последствиями. Превышение пределов необходимой обороны — действие, направленное на отражение посягательства.

По-моему, мнению следует строго разграничивать субъект необходимой обороны и субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Субъектом необходимой обороны может быть любой человек, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения (ч. 3 ст. 37 УК РФ).

Часть вторая вышеуказанной статьи рассматривает уголовную ответственность за убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Превышение мер, которые необходимы для задержания лица, совершившего правонарушение, заключается в их явном несоответствии характеру и степени общественной опасности правонарушения, совершенного задерживаемым лицом, и обстановке самого задержания, когда задерживаемому лицу без нужды причиняется чрезмерно, не вызываемый обстановкой вред. [3]

Безусловно, как и любого вида убийства объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ явля-

ется человеческая жизнь. В данном случае это человек, совершивший преступления, но уклоняющийся от задержания или активно ему препятствуя. Субъектом преступления является любое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, субъективная сторона предусматривает наличие прямого или косвенного умысла. [2]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимая оборона будет признаваться правомерной лишь в то время, когда будут соблюдены все условия ее правомерности. К условиям правомерности необходимой обороны относятся:

- вред причинен только посягающему, а не третьим лицам;
- своевременная защита;
- отсутствие превышения пределов необходимой обороны;
- наличие цели отразить общественно опасное деяние.

В соответствии с официальными данными Верховного суда Российской Федерации в 2015 году за убийство при превышении пределов необходимой обороны по части 1 статьи 108 УК РФ было осуждено 349 лиц в 2016 году — 294 лица, в 2017 году — 274 лица, в 2018 году — 228 лиц, а за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, по части 2 статьи 108 УК РФ в 2015 году было осуждено 5 лиц, в 2016 году — 2 лица, в 2017 году — 1 лицо, в 2018 году — 1 лицо. [13]

Аналогичная судебная практика подтверждается приговорами Шилкинского районного суда Забайкальского края от 30 июля 2021 г. по делу № 1-243/2021, Ленинского районного суда г. Тюмени от 10 ноября 2017 г. по делу № 1-963/2017, Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 октября 2017 г. по делу № 1-567/2017, Краснокамского городского суда Пермского края от 3 мая 2011 г. по делу № 1-192/2011 и др.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022)/«Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954, <http://pravo.gov.ru> — 14.07.2022.
3. Казакова, В. А. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник/Казакова В. А., Коралева С. Ю. — Москва: Юстиция, 2021. — 236 с. — ISBN 978-5-4365-5488-4. — URL: <https://book.ru/book/936852>.

4. Карягина, А. В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие/Карягина А. В. — Москва: Русайнс, 2018. — 252 с. — ISBN 978-5-4365-2357-6. — URL: <https://book.ru/book/929793>.
5. Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края от 30 июля 2021 г. по делу № 1-243/2021// <https://sudact.ru/regular/doc/95aCzSw> (дата обращения 22.09.2022).
6. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 10 ноября 2017 г. по делу № 1-963/2017// <https://sudact.ru/regular/doc/pvnTNqP5xBZR> (дата обращения 22.09.2022).
7. Приговор Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 октября 2017 г. по делу № 1-567/2017// <https://sudact.ru/regular/doc/ef7XCOa> (дата обращения 22.09.2022).
8. Приговор Краснокамского городского суда Пермского края от 3 мая 2011 г. по делу № 1-192/2011// <https://sudact.ru/regular/doc/FfgXd9TT7> (дата обращения 22.09.2022).
9. Справочно-правовая система «ГАРАНТ» (онлайн версия справочно-правовой системы «Гарант» — нормативные акты, судебная практика, комментарии к законодательству, научные статьи по основам управления в правоохранительных органах) — URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 22.09.2022).
10. Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search>
11. МВД России: официальный сайт. — Москва. — Обновляется в течение суток. — URL: <https://мвд.рф/>(дата обращения 22.09.2022)
12. BOOK. RU — современная электронная библиотека для вузов и ссузов от правообладателя: [сайт]. — 2019. — URL: <https://www.book.ru/>(дата обращения: 22.09.2022).
13. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Москва. Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.cdep.ru/>(дата обращения 22.09.2022)

Основные направления внедрения компьютерных технологий в почерковедение и в судебную почерковедческую экспертизу

Беляева Инна Игоревна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В настоящее время в современной юридической практике, несмотря на быстрое развитие информационных технологий и повсеместное внедрение биометрических методов идентификации личности, цифровые подписи для подтверждения юридических фактов, рукописные подписи и рукописные тексты документов, имеющих юридическую значимость, по-прежнему широко используются. Поэтому в уголовном и гражданском судопроизводстве очень часто бывает, что письменные документы используются во время судебного рассмотрения или предварительного следствия, а также доказательства, основанные на мнении эксперта по почерку.

Согласно информации, имеющейся в доступной литературе, многочисленные работы были посвящены составлению эталонного банка рукописных образцов (несколько тысяч экземпляров), на основе которого были определены общие и конкретные оценки их опознавательных знаков, значимость и основные исследования на основе качественного описательного метода [2, с. 41].

Особенно универсальным способом идентификации почерка является специалист, выполняющий последовательность действий.

Проводится сравнительное исследование представленных материалов, в ходе которого были выявлены все совпадения и различия между общими признаками

и частными признаками, выявленными на первом этапе. При оценке совпадений и различий специалист полагается на существенность, стабильность и важность выявленных совпадающих и расходящихся признаков, а также на их универсальное количество. По результатам оценки, завершение основывается на результатах опроса экспертов. Одновременно, используя один и тот же метод для определения навыков письма, разные специалисты могут оценивать совпадения и различия, выявленные по-разному. Следовательно, допустимо производить абсолютно противоположные (редко категоричные) результаты для одного и того же исследуемого объекта. Во многом это связано с тем, что используемые идентификационные знаки имеют в основном хороший оценочный характер (например, «четко выраженный», «слабо выраженный» и т.д.) и формируются на основе субъективной оценки «специалиста».

Субъективизм также присутствует в оценке существенности, важности и стабильности выявленных признаков. Даже если знак имеет количественную классификацию (скажем, размер письма), он не применяется в «очищенной» форме (с точки зрения геометрического, числового размера) для решения проблемы идентификации, но сводится к хорошему значению полученного набора (например, размер написания будет «огромный», «средний» или «маленький»).

Например, Верховный Суд РФ, рассматривая дело о неправомерности отказа гражданину С. в регистрации его кандидатом в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, указал, что «повреждение руки повлекло изменения почерка» [4], поэтому доводы окружной избирательной комиссии о том, что представленные С. подписные листы незаконны, были признаны недостоверными.

Наличие существенной субъективности присутствует практически на каждом этапе поиска почерка.

Таким образом, на этапе отдельного расследования различные специалисты могут неоднозначно оценить общие и особые характеристики включенных рукописных документов. Например, допустимо дать неоднозначную оценку таких признаков, как истощение, координация движений и степень их выполнения, преобладающая форма движений и связность. В пограничных случаях один специалист может определить один уровень владения языком как средний, а другой — как высокий или средний уровень.

Оценивая существенность, важность и стабильность выявленных признаков, устанавливая совпадения и различия, эксперты сосредотачивают внимание, главным образом, на личных навыках, поскольку формальной (нормативной) информации о важности выявления признаков частного письма практически нет.

В целях повышения объективности и достоверности результатов работы эксперта по почерку, в дополнение к основному описательному методу высокого качества, были разработаны и внедрены определенные количественные методы. В качестве примера можно привести позицию суда, которая «переоценила» составы экспертов, ранее сформулированные: «подписи..., на которых были найдены произведения художника, которых не было в письменной форме и подписание примеров, ранее представленных специалистам».

Возможность использования результатов таких «проверок» в судебном акте является точной и порождает аналогичные процессуальные, необоснованные и методологические уроки.

Разнообразие действующего процессуального законодательства налагает на эксперта, что желание предоставить необходимые объяснения сотруднику правоохранительных органов усложняет проблему, необоснованно, единственного соучастника, участвующего в предложении урока, выплачивающего специальный вклад (часто предвзятый, потому что он не уважает типы, выполняет реальные экспертные проверки) суждения. В контексте вышеизложенного клиент чаще всего использует другой тип соглашения о ситуации. Критика уровня подготовки специалистов зачастую лучше. Для целей этой задачи намного легче соответствовать юридически установленным критериям оценки.

Например, квалификация исследователя, подтверждаемая наличием дипломов, университетских степеней и эссе, доказательство реконверсии в уважаемом учебном

заведении и аккредитованом и действующем по соответствующему сертификату и т. д. [1, с. 52].

В результате, игнорируя саму суть ноу-хау эксперта, сотрудники правоохранительных органов неосознанно верят в данные эксперта с широким спектром этих юридически известных особенностей.

В результате они намерены сознательно передать важность определенных доказательств (закключение, подготовленное более опытным экспертом), которые непосредственно уважают применимое процессуальное право. Практика судов также не начинает реагировать на возникающие трудности [3, с. 74].

Сосредоточим интерес на том факте, что разговор не о возможности «редактирования документов» с использованием различных частей, в том числе живопись, печать и фактический документ. Такие методы имитации нынешней степени обучения технологии и информационных технологий кажутся очень простыми и не похожими друг на друга. Сегодня этот период основан на полном наборе высококачественных компьютеров и технических специалистов.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что вероятность использования информационных технологий для целей промышленной фальсификации письменных элементов (в этом числе подписей) в науке практически неясна. Тем не менее, широкое использование законных инструментов цивилизованной власти (например, клише) гарантирует очень широкий спектр злоупотреблений. Но, в том числе и в специализированной литературе, эти проблемы не получают необходимого интереса.

В качестве демонстрации реальности существующих технических и технологических возможностей было создано устройство (любительское, а не профессионального уровня) на основе программируемого микроконтроллера Arduino Nano v^{3.0} и базового набора конструктора по робототехнике для детей возрастной категории «12+», позволяющее формировать почерковые объекты с использованием пишущего узла гелевой авторучки. В данном устройстве воспроизводимая подпись представлена в виде массива координат опорных точек образующих подпись линий. Данные из этого массива последовательно считываются и используются для задания направления перемещения пишущего узла.

Мы отмечаем, что соответствующий специальный материал использовался для воссоздания почерка в течение относительно длительного периода времени и на законных основаниях, например, при поддержке бота, чтобы разрешить трудности, связанные с авторизацией подписи снимка книги для своих поклонников.

Для обеспечения экспертов методическими рекомендациями по установлению фактов компьютерной технологии подделки рукописного почерка и подписей необходимо проведение полномасштабных исследований, требующих определенных финансовых затрат на приобретение современных плоттеров, 3D-принтеров, роботизированной руки.

В заключение необходимо подчеркнуть тот факт, что отсутствие конкретных алгоритмических методов для изучения письменности, использование только качественных идентификационных символов (или в больших количествах), специфичных для базы индивидуальной оценки специалиста, вызывают сомнения об их координации. В результате их использование в юридической практике колеблется. Приобретенный уровень подготовки в области информационных технологий и компьютерных технологий позволяет воссоздать всевозможные примеры письменных предметов с очень значительным качеством.

Это определяет вероятность решения проблем. Для качественных способов идентификации полностью обосновано многостороннее изучение предмета письменного вклада с использованием других видов навыков (судебная и судебная экспертиза документов, био-медико-правовая экспертиза, био-медико-правовая экспертиза и т. д.).

Литература:

1. Егоров, Н. Н. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособие/Е. П. Ищенко, Н. Н. Егоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2018. — 862 с
2. Корнеева, И. Л. Общие и частные признаки почерка. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1975. — 584 с.
3. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование малообъемных почерковых объектов/под науч. ред. В. Ф. Орловой. М., 2018. — 751 с.
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.12.1999 № 83-Г99-7 // СПС Гарант

Сущность, цели и принципы государственного управления в Российской Федерации

Гайстер Надежда Александровна, студент магистратуры;
Беляева Ая Абильманатовна, кандидат юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье определяется сущность, выделяются цели, а также обозначаются основные принципы и признаки государственного управления в Российской Федерации. Представлены основы теоретических аспектов государственного управления в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительная власть, Конституция Российской Федерации, управленческий процесс.

Само по себе понятие «управление», от которого и исходит понятие «администрация», предполагает деятельность, направленную на руководство чем-либо. Управление является естественным и обязательным элементом организованных систем различной природы. В это же время, оно является и функцией таких систем [7, С. 47].

Управленческий процесс призван обеспечивать сохранность и функционирование определенной структуры, поддержание режима ее деятельности, а также реализацию их целей и программ.

Сегодня существует настоятельная необходимость изменить преобладающую важность подписи лица, а также универсальные ресурсы регистрации индивидуальной роли в важных действиях де-юре (подпись важного документа, соглашения, завещания и т. д.), что, в свою очередь потребует интенсивных исследований по выбору активов и важности для целей этого воздействия аутентификации и идентификации.

Трудности, возникающие на практике, требуют нового набора задач данного вида исследования.

Например, возможность определить подпись лица, установленного в важном де-юре акте такого лица (с использованием контроля над почерком), но исключить его физическое состояние. (при поддержке судебно-медицинской и судебно-медицинской экспертизы). Это, в свою очередь, опровергнет роль типа «истинной» подписи, а также процесс, который является результатом появления, изменения или завершения важных результатов де-юре.

Существует такое понятие, как «социальное управление». Это объективно важный вид деятельности, даже необходимый, который предполагает обеспечение логически связанных, последовательных и системных действий людей для достижения целей и решения задач, представляющих собой общественное значение [5, С. 50].

Социальное управление — это понятие родовое. Оно представлено совокупностью целого ряда элементов, в числе которых государственное управление, муниципальное управление, управление в организациях, а также управление общественными явлениями и процессами [3, С. 51].

В рамках представленного исследования наибольший интерес для нас представляет именно государственное управление.

Обращаясь к словарному толкованию термина «государственное управление», отметим, что под таковым понимается «управление делами государства». Само понятие государственного управления широко применяется в национальных законодательствах большого количества государств. Например, во времена существования СССР это понятие официально применялось на конституционном и законодательном уровнях. Однако, при принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году ссылка на данный термин «исчезла». Ему на замену на конституционном, а потом на научном уровне стали использовать термин «исполнительная власть» [2, С. 223].

Теория разделения властей, используемая в целом ряде современных государств демократического строя, исходит их принципиальной позиции, в соответствии с которой государственная власть не может принадлежать одному лицу либо одному государственному органу. Иначе, существует угроза возникновения антидемократического режима.

В каждой отдельной ветви власти формируются обладающие официальными полномочиями субъекты в лице органов государственной власти. Их деятельность направлена на практическую реализацию задач, поставленных государством.

Государственная власть в Российской Федерации согласно статье 10 Конституции Российской Федерации [1] осуществляется на основе принципа разделения. Выделяют законодательную, исполнительную и судебную власть. При этом, органы законодательной, исполнительной и судебной власти являются самостоятельными.

Характеристика исполнительной власти предполагает два ключевых момента: власть и исполнение. Причем, исполнительная власть рассматривается в качестве государственной власти, которая связана с функционированием особых звеньев государственного аппарата, в лице органов государственного управления, а также с прямой направленностью деятельности органов государственного управления на обеспечение практической реализации общих норм, установленных субъектами представительной, президентской и исполнительной власти для урегулирования различных сторон общественной жизни.

В широком смысле государственное управление в Российской Федерации реализуется Президентом Российской Федерации, Правительством и другими органами исполнительной власти, а также законодательными судебными органами и органами местного самоуправления. В это время, в качестве субъектов управления выступает вся совокупность государственных и муниципальных органов [4, С. 257].

В узком смысле государственное управление является внутриорганизационной деятельностью, которая осуществляется в органах государственной власти

для успешного решения поставленных задач, в числе которых, например, решение кадровых, финансовых, материально-технических и других вопросов [6, С. 71].

Наконец, в своем собственном смысле слова государственное управление является видом государственной деятельности, в пределах которой практически реализуется исполнительная власть специальными субъектами в лице органов исполнительной власти.

Государственное управление, которое осуществляется органами исполнительной власти, обладает рядом характерных признаков, позволяющих отличать ее от деятельности представительных и судебных органов.

Первым признаком является выполнение общезначимых функций, в числе которых следующие:

- 1) прогнозирование, предполагающее обеспечение научности и рациональности деятельности;
- 2) планирование, направленное на определение целей, задач на грядущий период деятельности, а также средства их достижения и выполнения;
- 3) организация, направленная на упорядочение состояния определенных социальных образований;
- 4) координирование, в процессе которого осуществляется подстройка уже организованной системы к изменяющимся внешним и внутренним условиям ее функционирования;
- 5) надзор, представляющий собой метод государственного управления, используемый для выявления возможных недостатков в деятельности государственных и негосударственных структур;
- 6) контроль, представленный методом государственного управления, сущность которого состоит в постоянной проверке результатов деятельности государственных и негосударственных структур для устранения недостатков и повышения эффективности этой деятельности [4, С. 256].

Среди еще одних признаков государственного управления выделяются также нормативно-распорядительное регулирование, осуществляемое с помощью законов, постановлений и иных нормативно-правовых актов, а также подзаконный характер деятельности органов исполнительной власти.

Общими специфическими чертами государственного управления являются также:

- использование в ходе осуществления своей деятельности властных полномочий;
- непрерывный и оперативный характер государственной деятельности;
- реализация специализированных функций;
- применение в случае необходимости мер административной ответственности;
- иерархически выстроенный, логически завершённый и системный характер аппарата управления;
- высокий профессионализм государственных служащих.

Отметим, что к числу основных критериев эффективности государственного управления традиционно от-

носят эффективность экономики государства и уровень жизни населения.

В рамках данного исследования отметим, что государственное управление обладает рядом принципов, разделенных на общие и организационные. Принципы государственного управления характеризуют его основополагающие черты и сущностные характеристики. Они дают возможность для определения оснований, содержания и значения самого государственного управления, а также юридических характеристик данного вида государственной деятельности.

Общие принципы представлены исходными положениями, имеющими общесоциальный характер. Они реализовываются вне зависимости от статуса субъекта государственно-управленческой деятельности. К числу таких принципов относятся законность, объективность, конкретность, эффективность, а также сочетание централизации и децентрализации государственного управления [2, С. 222].

Организационные принципы позволяют определить системы государственного управления, компетенцию и порядок взаимодействия ее звеньев. Они бывают общими организационными и внутриорганизационными

К числу общим организационных принципов относятся отраслевой, территориальный, линейный, функциональный и принцип двойного подчинения.

К числу внутриорганизационных принципов государственного управления относятся рациональное распределение полномочий между субъектами исполнительной власти, ответственность субъектов исполнительной деятельности за результаты работы, а также сочетание единоначалия и коллегиальности [5, С. 49].

В завершении исследования отметим, что согласно мнению Л. Л. Попова, сущностное предназначение исполнительной власти, равно как и государственного управления, заключается в двух основных словах: «практически организовать». Это подразумевает, что важно практически организовать проведение законов в жизнь, достижение поставленной цели, определенного положительного результата. Такая работа органами исполнительной власти осуществляется повседневно, непрерывно в рамках государственного управления.

Таким образом, можно сказать, что вопрос относительно сущности, принципов и признаков государственного управления представляется очень обширным, требующим подробного исследования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 27.03.2019 г. № 130, от 01.07.2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31.
2. Андриенко, И. Р., Семина Л. А. Формы и методы государственного управления // Актуальные исследования. 2021. № 1 (10). с. 221-224.
3. Алямкин, А. Н. Исполнительная ветвь власти в системе государственного управления России и зарубежных стран // Интерактивная наука. 2021. № 5 (60). с. 50-52.
4. Братченко, С. А. Качество управления и результативность в практике государственного управления (на примере управления государственными программами) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 10-1. с. 247-260.
5. Головная, А. М. Государственное управление: понятие и сущность // NovaUm. Ru. 2022. № 37. с. 48-51.
6. Конджакулян, К. М., Кадиев Г. А. Понятие и сущность государственного контроля в системе государственного управления // Закон и право. 2022. № 1. с. 69-72.
7. Морозов, В. И. Сущность и содержание взаимодействия органов государственного и муниципального управления // Студенческий. 2021. № 31-1 (159). с. 47-48.

Оценка эффективности государственного и муниципального управления

Гайстер Надежда Александровна, студент магистратуры;
Беляева Ая Абильтанатовна, кандидат юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье обозначена нормативно-правовая основа оценки эффективности государственного и муниципального управления, важность исследования которой обуславливается современным периодом становления и развития местного самоуправления. Практическое развитие местного самоуправления предполагает постановку и решение вопросов совершенствования правовых, территориальных и организационных основ местного самоуправления. При этом, проблемы организации и практической деятельности органов местного самоуправления необходимо исследовать для выработки предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование организационных и территориальных моделей местного самоуправления.

Ключевые слова: государственное управление, исполнительная власть, Конституция Российской Федерации, управленческий процесс, местное самоуправление.

Оценка эффективности государственного и муниципального управления представляет собой комплекс мероприятий, которые регламентированы нормами федерального и регионального законодательства, а также нормативными актами местного самоуправления, в части установления соответствия функционирования органов публичного управления федерального, регионального и местного уровней и деятельности государственных и муниципальных должностных лиц и служащих запросам общества, целям и задачам социально-экономического развития и так далее [2, С. 30].

Процесс оценки эффективности государственного и муниципального управления — это исследование степени соответствия функционирования органов публичного управления и деятельности государственных, муниципальных служащих стандартам и требованиям, которые установлены законодателем в качестве соответствующих критериев.

Нормативно-правовая основа оценки эффективности государственного и муниципального управления представлена рядом актов федерального законодательства. В их числе следующие:

- федеральный закон по вопросам государственной гражданской службы в Российской Федерации;
- федеральный закон, направленный на регламентацию вопросов дополнительного специального образования государственных служащих;
- закон федерального уровня, который определяет приоритетные направления оптимизации функционирования системы государственного управления;
- федеральный закон, который регулирует вопросы оценки эффективности функционирования региональных исполнительных органов и другие [5, С. 244].

Федеральный подзаконные акты устанавливают методики и основные параметры с целью выведения оценки деятельности руководителей и служащих федеральных исполнительных органов и государственных организаций, включая параметры для определения оценки качества предоставления государственных услуг.

Такие же вопросы, но по отношению к региональным органам власти и предоставлению государственных услуг

на региональном уровне, регулируются актами регионального законодательства и нормотворчества [1, С. 75].

В практической деятельности понятие «эффективность государственного и муниципального управления» включает в себя соответствие функционирования органов публичного управления и деятельности должностных лиц, государственных и муниципальных служащих определенным параметрам, которыми являются следующие:

— соответствие функционирования органов публичного управления и деятельности государственных и муниципальных служащих целям и задачам, поставленным перед системой публичного управления в целом, а также перед конкретным органом либо подразделением, в пределах которого служащий осуществляет свои полномочия;

— обеспечение запланированного в долгосрочной и краткосрочной перспективе социально полезного эффекта от деятельности органа, структурного подразделения и в отдельности взятого служащего;

— осуществления наиболее оптимальных с экономической, социальной, финансовой и прочих точки зрения методов государственного и муниципального управления;

— применение специальных знания, навыков и умений, которые необходимы и достаточны для эффективного решения управленческих задач [4].

Обозначены некоторые параметры оценки эффективности государственного и муниципального управления, которые должны рассматриваться с учетом соответствия функционирования системы государственного и муниципального управления целям и задачам социально-экономического развития, поставленные в долгосрочной перспективе перед государством [3, С. 97].

Для определения оперативной деятельности систем государственного и муниципального управления используют определенные критерии. К последним относятся следующие:

— объем решенных задач публичного управления за единицу времени: то есть, объем оказанных служащим государственных или муниципальных услуг, выполненных работ и прочее;

— результаты деятельности должностного лица за конкретный долгосрочный период: соответствие эффективности деятельности должностного лица целям и задачам, возложенным на структурное подразделение органа государственного или муниципального управления либо непосредственно на орган власти;

— качество деятельности государственных и муниципальных служащих.

Необходимо также обозначить, что оценка деятельности должностных лиц государственных и муниципальных органов предполагает проведение следующих мероприятий:

— проведение оценки профессиональной квалификации работника;

— проведение оценки специальных познаний, умений и навыков, применяемых им в рамках реализации своих должностных обязанностей;

— определение морально-нравственных характеристик личности работника, его деловых качества, позволяющих ему эффективно реализовывать функции публичного управления и представлять органы власти [1, С. 73].

Таким образом, в завершении можно отметить, что эффективность деятельности государственных и муниципальных служащих, в большинстве своем, оценивается сложившейся в государственном органе целой системой взаимоотношений между служащими и их руководителями, а также мотивацией работников и кадровой работы органа власти.

Литература:

1. Букетова, А. В., Четверикова Н. А. оценка эффективности государственного управления // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 5. с. 71-78.
2. Должников, В. А. оценка эффективности государственного управления молодежной политикой // Энигма. 2021. № 29-2. с. 28-31.
3. Кузнецова, И. В. Методики оценки эффективности применения цифровых технологий в системе государственного управления // Новые технологии. 2021. Т. 17. № 2. с. 93-100.
4. Пятов, А. А. Оценка эффективности «управления по результатам» в государственном управлении // Московский экономический журнал. 2021. № 4.
5. Шевчуков, Н. В. Классические и современные подходы к оценке эффективности и результативности механизмов государственного управления // Менеджер. 2021. № 1 (95). с. 240-247.

Проблемы квалификации необходимой обороны

Гамидова Тамила Тимурлановна, студент магистратуры
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Необходимая оборона выступает одним из способов обеспечения гарантированной конституцией Российской Федерации права на защиту человеком и гражданином своих прав и свобод. На сегодняшний день отмечается, что на практике возникают серьезные проблемы при квалификации данного вида деяния. Практикам сложно отграничить необходимую и мнимую оборону, чем подрывается уровень доверия к правоохранительным органам. В статье проанализированы такие проблемы, а также предложены пути решения.

Ключевые слова: необходимая оборона, квалификация, мнимая оборона, правоохранительные органы.

Как уже было сказано ранее, Конституция РФ гарантирует каждому право на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом. Это же положение подчеркивается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, где указано, что необходимая оборона является одним из гарантов реализации конституционного права на защиту [2].

Необходимая оборона имеет свои корни глубоко в истории. Еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года присутствовал институт ошибки. Там был приведен перечень причин, по которым нельзя было вменять вину лицу, совершившему какое-либо деяние.

Введение такого института в нормы законодательство всегда исходило из такой логики: несмотря на то, что основной функцией государства являлось обеспечение общественного порядка, а также прав и свобод граждан, происходят случаи, когда людям приходится рассчитывать только на себя.

Согласно исследованиям, в правоприменительной практике по уголовным делам, за последние несколько лет свыше чем в 50% случаях действия лиц, которые соответствовали критериям правомерности необходимой обороны или относились по признакам превышения пределов необходимой обороны, органы предварительного следствия квалифицировали по ст. 105 или 111 УК РФ [3,

с. 535]. Такая статистика еще раз отражает сложность данного института и то, что большинство практиков не умеют с ним нормально работать и применять.

Для того, чтобы начать исследование и выявлять проблемы, необходимо дать общую характеристику необходимой обороны и выявить условия, при которых она будет правомерна.

Итак, право на необходимую оборону не абсолютно, поскольку существуют пределы ее осуществления, которые указаны в ст. 37 УК РФ [1]. Превышение необходимой обороны заключается в том, что обороняющееся лицо, использует такие действия, которые явно не соответствуют характеру, а также опасности посягательства. Как уже было сказано ранее, во исполнение данной статьи, Верховный суд РФ создал Постановление № 19, в котором разъясняются основные моменты такого деяния.

К сожалению, стоит сказать о том, что Постановление № 19 до конца не регулирует все важные вопросы относительно применения данного института. При его анализе возникает масса вопросов, требующих разрешения.

Во-первых, в постановлении не раскрыт момент «неожиданного» действия посягавшего. Например, стоит ли привлекать к ответственности лицо, в жилище которого в ночное время суток пробрался вор и он, не оценив точно характер и степень опасности причинил ему тяжкий вред здоровью? Некоторые исследователи, например, С. А. Румянцев указывает, что необходимо квалифицировать любое деяние как необходимая оборона в случае незаконного проникновения преступника в жилище [5, с. 33].

Во-вторых, постановление не слишком полно отражает необходимую оборону при посягательстве группы лиц. Например, если он в процессе своей защиты от вооруженных грабителей, отбирает у одного оружие и наносит тяжкий вред тому, у кого изначально не было оружия, то как решать этот вопрос?

В-третьих, не совсем ясен факт, когда оборонявшийся использует оружие и предметы, которые используются в их качестве. Нет четких граней определения правомерности использования оружия. Также возникает вопрос относительно применения специальных устройств и механизмов, предназначенных для защиты имущества от посягательства. Их использование допустимо, однако как квалифицировать физический вред, причиненный преступнику?

Стоит сказать о том, что само государство признает проблему данного института. Такой вывод можно сде-

лать из того, что в самой Государственной думе РФ не раз создавались законопроекты, которые предполагали расширение права на необходимую оборону, вплоть до абсолютного исключения ее пределов.

Возможно, исключение пределов в принципе является достаточно радикальным шагом, что может допустить большие риски злоупотребления правом. Более действенным вариантом решения данной проблемы будет издание официальных рекомендаций или поручений Верховным Судом РФ или Генеральной Прокуратуры РФ, на предмет более активного анализа материалов уголовного дела на предмет наличия основания применения института необходимой обороны.

Среди теоретиков выдвигается большое количество предложений, которые можно применить на практике. Например, Т. Г. Шавгулидзе, И. С. Тишкевич, В. А. Блиников говорят о необходимости введения в качестве предела таких понятий, как «интенсивность посягательства», «интенсивность средств защиты» [4, с. 421]. Также интересным положением стало создание «формальных» пределов самообороны для того, чтобы избежать различных проблем при определении пределов исходя из оценочных понятий, которые по большому счету носят субъективный характер.

Очевидным становится следующее. В любом случае, решить данную проблему можно путем выработки четких критериев, для определения пределов необходимой обороны, с указанием на возможность причинения максимального допустимого вреда, когда будут защищаться конкретные объекты, которые охраняются уголовным законом.

Таким образом, проанализировав законы и научную литературу, можно сделать определенные выводы. На сегодняшний день институт необходимой обороны содержит в себе достаточно большое количество оценочных понятий и определений, что затрудняет судебную практику, ведь определение явности или неявности и их несоответствия требует достаточно высокого профессионализма. Во-вторых, отсутствуют какие-либо точные границы данного деяния, относительно некоторых моментов, используется слишком узкая трактовка.

Таким образом, институт необходимой обороны нуждается в дальнейшем совершенствовании для того, чтобы граждане были уверены в своих правах и не боялись применять их на практике во избежания допущения более серьезных последствий.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 14.07.2022 № 345-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. № 227
3. Веселова, Д. Е. Нюансы развития института необходимой обороны в Российской Федерации / Д. Е. Веселова // Аллея науки. — 2022. — Т. 1. — № 2 (65). — с. 533-536

4. Комиссарова, А. А. Актуальные проблемы применения норм необходимой обороны в теории и на практике / А. А. Комиссарова // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 11. — с. 420-425.
5. Румянцев, С. А. Институт необходимой обороны: некоторые аспекты // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 6. с. 407-412.

Факты, не подлежащие доказыванию в гражданском процессе

Гражданкина Кристина Сергеевна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье раскрыты обстоятельства, которые признаются при рассмотрении гражданского дела, не нуждающиеся в доказывании. Они признаются судом без применения специальных процедур доказывания. Их установление учитывается при принятии решения по делу.

Ключевые слова: доказывание, предмет, общеизвестные, преюдициально установленные, приговор, решение суда общей юрисдикции, арбитражного суда.

Действующее процессуальное законодательство придает важную роль доказыванию. По общему правилу обстоятельства, имеющие значение для дела, подлежат доказыванию. В соответствии со статьей 55 ГПК, доказывание по гражданскому делу представляет собой сбор юридических фактов и анализ обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. Эти обстоятельства именуется предметом доказывания.

В любом гражданском деле не обойтись без доказательственных фактов, представляющих собой такие обстоятельства, которые, будучи установленными в суде, позволяют прийти к выводу о наличии или отсутствии юридически значимых фактов. Например, по делу о признании гражданина отцом ребенка ответчик может представить документ о невозможности иметь детей ввиду перенесенного заболевания. Он и будет основанием для принятия решения по делу.

Суд, определяя предмет доказывания по конкретному делу, не связан полностью фактами, указанными сторонами. В теории и практике гражданского процесса имеется примерный комплекс фактов, которые могут быть предоставлены сторонами.

Статья 61 ГПК устанавливает исключения из общего правила, указывая две категории фактов, не подлежащих доказыванию: общеизвестные (*factum notorium*) и преюдициально установленные (*factum praejudicialis*). Указанные факты исключают необходимость их обоснования участниками спора и исследования судом. Они принимаются судом без специального обоснования сторонами.

Понятие «общеизвестные факты» и их роль в доказывании отражено ч. 1 ст. 61 ГПК РФ, согласно которой обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. В. Б. Юзefович, отдавая исключительный приоритет субъективному признаку в понятии общеизвестности, прямо подчеркивал решающую роль суда: «...под общеизвестным должен пониматься тот

имеющий широкую известность факт, от доказывания которого суд по признаку общеизвестности освобождает». [1]

Общеизвестный факт признается законом основанием для освобождения сторон от доказывания, так как это обстоятельство истинно и широко известно. Осведомленность только судьи о каком-либо факте не является основанием для признания факта общеизвестным. Истинность обстоятельства выступает причиной, а его широкая известность — следствием, а не наоборот. Например, общеизвестным фактом суд признал дату установления запрета на авиасообщения с зарубежными странами в связи с началом распространения коронавирусной инфекции. Признание этого факта было необходимым для решения спора между туристом и туристической компанией. [2]

Приняв факт общеизвестности, суд обязан указать в решении не только на то, какие обстоятельства он считает общеизвестными, но и почему он так считает. Для этого суд должен обозначить тот способ проверки, которым он пользовался, и, соответственно, источники таких сведений. Это не только ответит от суда подозрение в использовании фактической информации, не являющейся общеизвестной и полученной вне процессуальным путем, но и даст возможность суду второй инстанции эффективно провести проверку утверждения об общеизвестности конкретного обстоятельства, что особенно важно в отношении локальных фактов. [3]

Часть 2 ст. 61 ГПК РФ определяют правило, согласно которому факты и обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом суда, не требуют повторного доказывания при условии, что в рассматриваемом деле участвуют те же лица, в отношении которых вынесено вступившее в законную силу решение суда — правило преюдициальности.

Преюдиция как неотъемлемая часть процесса доказывания присутствует в гражданском процессе. Ее можно признать результатом доказательственной деятельности суда и лиц, участвующих в деле.

В силу преюдиции обстоятельства, установленные судом при разрешении гражданского дела, являются обязательными для суда, который рассматривает другое дело с участием тех же лиц. Поэтому эти обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию. Таким образом, обязательность установленных судом обстоятельств в ч. 2 ст. 61 ГПК РФ должна подразумеваться, ибо иное не соответствовало бы самой сути преюдиции.

Цель применения преюдиции в гражданском процессе состоит в обеспечении стабильности судебных актов, так как обстоятельства, единожды установленные во вступившем в законную силу судебном акте, не могут передоказываться или опровергаться при рассмотрении взаимосвязанных дел при наличии в совокупности объективных и субъективных пределов преюдиции. [4]

Преюдициальность определяется объективными и субъективными критериями в совокупности, отсутствие какого-либо из них лишает судебный акт данного свойства.

Объективные критерии касаются обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу. По общему правилу все обстоятельства, установленные судом, обладают преюдициальностью. Необходимо, чтобы в определенной части обстоятельства, устанавливаемые судом, совпадали с обстоятельствами, установленными вступившим в законную силу судебным актом.

Субъективный фактор указывает на состав лиц, участвующих в деле, данные лица должны совпадать в предыдущем деле, по которому вступил в законную силу судебный акт, и в рассматриваемом деле. Часть 2 ст. 61 ГПК РФ закрепляет действие преюдициальности судебных актов, принятых судом той же подсистемы, при рассмотрении дела, в котором участвуют те же лица. Данные нормы предполагают распространение преюдициальности только в том случае, если те же лица, которые участвуют в производстве по данному делу, также принимали участие в производстве по предыдущему. [5]

ГПК РФ не случайно указывает именно на судебный акт как основание применения правила преюдициальности. К судебным актам в данном случае относятся любые решения, постановления, определения. Судебные акты, принятые судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций разных ветвей судебной системы, а также в порядке пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, могут признаваться преюдициальными, если они приняты по ранее рассмотренному судом делу, вступили в законную силу, а также имеют отношение к лицам, участвующим в деле.

Интересен вопрос о преюдициальности приговора для гражданских процессуальных отношений и арбитражных решений для гражданского дела. В ГПК РФ установлено правило о преюдициальности постановлений суда по уголовному делу и арбитражным процессуальным отношениям. В статье 61 ГПК РФ установлено, что приговор и постановления суда актуальны для суда общей юрисдикции только по вопросам о том,

имели ли место определенные действия и совершены ли они этим лицом.

Конституционный Суд РФ не раз отмечал, что «отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание лица виновным или невиновным в совершении преступления. Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации. Подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания виновности лица несмотря на то, что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются». [6]

Действительно, имеются основания утверждать, что постановление суда о прекращении производства по уголовному делу по нереабилитирующему основанию «предполагает основанную на материалах расследования констатацию того, что лицо совершило деяние, содержащее все признаки состава преступления». [7] Однако неокончательный характер выводов, содержащихся в таком судебном решении, не позволяет ставить знак равенства между этой констатацией и окончательным установлением обстоятельств, а за самими выводами о совершении деяния признавать преюдициальное значение.

Именно поэтому Конституционный Суд РФ, а также арбитражные суды и суды общей юрисдикции в большинстве случаев толковали действующие положения ч. 4 ст. 61 ГПК РФ (о преюдициальности приговора) буквально, не признавая за судебными постановлениями о прекращении производства по уголовному делу преюдициального значения. В то же время, поскольку полностью пренебрегать выводами, содержащимися в таких постановлениях, также было бы неверным, суды принимали эти постановления в качестве письменных доказательств и давали им соответствующую оценку.

Представляется, что сложившаяся судебная практика вполне разумна. С одной стороны, постановление, содержащее неокончательные выводы, не является преюдициальным, не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами. С другой стороны, риск вынесения противоречащих друг другу актов сводится к минимуму. Суд в случае несогласия с выводами судебного постановления должен привести соответствующие доводы, почему им были отданы предпочтения иным доказательствам, а не судебному постановлению.

По этой причине закрепление нормы о преюдициальности иных, кроме приговора, судебных постановлений по уголовному делу в ГПК РФ не имеет под собой достаточных оснований. Предлагается данную норму из ГПК РФ удалить.

Таким образом, в некоторых случаях участники рассмотрения дела в суде освобождаются от доказывания. Одним

из таких случаев является установление общеизвестных фактов. Они могут носить как общероссийских, так и локальный характер. Они должны быть хорошо известны судье и участникам слушаний. Другим обстоятельством, освобождающим от доказывания, являются обстоятельства, уста-

новленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу (преюдициальные факты), суда общей юрисдикции и приговора суда не доказываются вновь при рассмотрении судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Литература:

1. Юзефович, В. Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста. — М.:Инфотропик Медиа, 2012. — 120 с.
2. Решение Мытищинского городского суда Московской области № 2-5147/2020-5147/2020-М-3007/2020 М-3007/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 2-5147/2020 [Электронный ресурс]: Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения 15.09.2022).
3. Ильин, А. В. Установление судами первой и апелляционной инстанций общеизвестности обстоятельства/А. В. Ильин // Закон. — 2017. — № 7. — с. 137-145.
4. Чушенко, Д. Н. Развитие института преюдиции в отечественном законодательстве/Д. Н. Чушенко // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2015. — № 4. — с. 101-108.
5. Мацкевич, П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве России: дисс. канд. юрид. наук. — М., 2017. — 219 с.
6. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2017 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 11. — Ст. 1621.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соколовой Ольги Семеновны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой и частью второй статьи 27, статьями 212 и 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 501-О-О // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. — 2008. — № 21.

Проблемы правового статуса службы в органах прокуратуры РФ

Губина Галина Валерьевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье анализируется специфика правового статуса службы в органах Прокуратуры Российской Федерации. Исследование правового статуса службы в органах Прокуратуры РФ касается, в том числе, законодательного регулирования данной службы. В статье раскрывается специфика правового регулирования статуса лиц, служащих в органах прокуратуры РФ.

Ключевые слова: прокуратура РФ, правовой статус, прокурорские работники.

Problems of legal status service in bodies prosecutor's office of the Russian Federation

This article analyzes the specifics of the legal status of the service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The study of the legal status of the service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation concerns, among other things, the legislative regulation of this service. The article reveals the specifics of the legal regulation of the status of persons serving in the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation, legal status, prosecutorial staff.

Правовой статус службы в органах прокуратуры РФ регулирует, преимущественно, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». В частности,

заслуживает внимания статья данного закона под номером 40 «Служба в органах и организациях прокуратуры» [3].

Чтобы раскрыть проблемы правового статуса службы в органах Прокуратуры Российской Федерации, следует учитывать, что в системе Прокуратуры РФ задействованы различные категории служащих. Так, прокурорские работники действуют в рамках федеральной государственной службы. В то же время государственные гражданские служащие прокуратуры РФ, соответственно, находятся в рамках государственной гражданской службы [5], при этом военные прокуроры относятся одновременно и к прокурорским работникам, и к лицам, находящимся на военной службе и обладающим, соответственно, правовым статусом военнослужащего. Следует учитывать, что данные лица должны иметь офицерское звание. Пункт 3 статьи 40 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» гласит, что порядок прохождения службы военными прокурорами регулируется настоящим Федеральным законом (статья 48 «Кадры органов военной прокуратуры») [3], Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» [7] и Федеральным законом «О статусе военнослужащих» [8]. Также в прокуратуре Российской Федерации работают лица на основании трудового договора, это граждане, не имеющие классовых чинов, и, соответственно, не входящие в категорию прокурорских работников [3].

Служба в органах прокуратуры РФ обладает особым статусом, утвержденным на уровне Конституции РФ. Напомним, в основном законе Российской Федерации правовой статус прокуратуры регламентирован статьей 129, содержащейся в главе 7, это статья под названием «Судебная власть и прокуратура» [1].

Следует учитывать, что в 2020 году по инициативе Президента Российской Федерации, по итогам голосования, состоявшегося на территории всего государства, в Конституцию РФ были внесены определенные поправки, в том числе, в статью, посвященную службе в органах прокуратуры [6].

Хотя, как уже упоминалось, прокурорские работники действуют в рамках федеральной государственной службы, в регламентировании их деятельности есть определенные исключения из норм, касающихся данной службы. Так, прокурорские работники при поступлении на службу в прокуратуру РФ заключают не государственный контракт, как это принято на федеральной государственной службе, а трудовой договор, и их деятельность регламентируют не столько специальные нормативные правовые акты, сколько Трудовой кодекс РФ. Так, например, именно Трудовой кодекс РФ регламентирует порядок заключения трудового договора с прокурорскими работниками, рабочее (служебное) время, время отдыха (кроме отпусков), трудовой распорядок; охрану труда; материальную ответственность прокурорских работников [2].

Хотя деятельность лиц, осуществляющих трудовую деятельность в органах прокуратуры, как правило, называется «службой», в разнообразных нормативных актах в частности, в своде законов нашего государства в целом,

не имеется федерального закона о «службе» в прокуратуре РФ.

Субъекты службы в прокуратуре РФ — это государственные служащие, нанимателями которых являются Российская Федерация или субъекты РФ в лице их представителей. Соответственно, поскольку государственные служащие служат в государственных органах, прокуратура РФ также относится к государственным органам. Прокурорские работники действуют от имени государства и представляют Российскую Федерацию, это специфическая характеристика правового статуса службы в органах прокуратуры РФ. Поскольку служба в органах прокуратуры является, по сути своей, государственной службой [10], правовой статус работников прокуратуры также основывается на законодательно утвержденной государством системе ограничений, запретов и гарантий [3].

С. П. Матвеев в статье «Организация государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации» подчеркивает, что служба в органах прокуратуры определяется в качестве «государственной службы иных видов» [13, с. 195].

Подобное выражение присутствует в тексте статьи 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», согласно которой государственная служба как таковая может быть государственной гражданской службой, военной службой либо вышеупомянутой государственной службой иных видов [4].

А. С. Каинов отмечает, что прокуратура представляет собой специфический правоохранительный орган [12, с. 102]. При этом, по утверждению Ю. С. Забудько, в то же время, государство возлагает на прокуратуру функции защиты прав, свобод и законных интересов, как отдельных граждан, так и прочих субъектов права вне зависимости от их подчиненности [11, с. 116].

Правовой статус службы в органах прокуратуры РФ детерминирует также закрепленный на уровне основного закона государства (то есть, Конституции РФ) особый вид деятельности. Это надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, который осуществляется лицами, находящимися на службе в органах прокуратуры РФ, от имени государства [1].

В общем и целом, правовой статус службы в органах прокуратуры РФ регламентируется Конституцией РФ [1], Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [3], и прочими федеральными законами и международными договорами Российской Федерации, в частности, Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9]. Правовой статус службы в органах прокуратуры РФ также детерминируют указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации. Игруют роль также, что закономерно, ведомственные нормативные акты Генеральной прокуратуры РФ.

В то же время ряд исследователей в области права придерживаются мнения, что в настоящее время существуют определенные проблемы, касающиеся правового статуса службы в органах прокуратуры РФ, соответственно, для решения данных проблем необходимо усовершенствовать законодательную базу. Так, С. П. Матвеев указывает на чрезмерно широкий диапазон нормативных актов, которые одновременно регулируют службу в органах прокуратуры нашего государства [13, с. 200].

В. Ю. Шобухин предлагает свести к минимуму количество подобных нормативных актов и выдвигает предложение о принятии специального закона относительно правового статуса лиц, служащих в органах прокуратуры. В подобном законе предлагается утвердить ограничения, запреты и обязанности, установленные для прокурорских работников, при этом исключить из Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» существующую в данный момент отсылку к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [14].

При этом статус Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» исследователь предлагает повысить до статуса федерального конституционного закона либо ввести в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» новую норму, утверждающую службу в органах прокуратуры РФ в качестве именно федеральной государственной службы [14].

Таким образом, можно прийти к выводу, что правовой статус службы в органах прокуратуры РФ регулирует, преимущественно, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». При этом в настоящее время существуют определенные проблемы, касающиеся правового статуса службы в органах прокуратуры РФ. Чтобы эффективно решить вышеуказанные проблемы, предлагается модернизировать законодательную базу: сократить количество разнообразных нормативных актов, регулирующих службу в органах прокуратуры РФ, и принять отдельный федеральный закон, регламентирующий правовой статус лиц, служащих в органах прокуратуры.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 14.07. 2022) // // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп. от 11.06. 2022) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
4. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 238-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07. 2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01. 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
6. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
7. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с изм. и доп. от 25.07. 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.
8. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (с изм. и доп. от 14.07. 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.
9. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
10. О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: Указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 (с изм. и доп. от 22.08. 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 118.
11. Забудько, Ю. С. Участие органов прокуратуры в обеспечении защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2014. № 5. с. 114-118.
12. Каинов, А. С. Прокуратура как особый правоохранительный орган // Юридическая наука. 2016. № 3. с. 101-105.
13. Матвеев, С. П. Организация государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 4 (47). с. 193-204.
14. Шобухин, В. Ю. Служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации: учебное пособие для вузов. М: Юрайт, 2022. 117 с.

К вопросу о расторжении и изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств

Данилова Ксения Александровна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматриваются актуальные проблемы применения участниками гражданского оборота института существенного изменения обстоятельств при расторжении и изменении договора, отмечается сложность преодоления критерия «предвидимости» субъектами, являющимися профессиональными участниками хозяйственного рынка.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, существенное изменение обстоятельств, расторжение договора.*

Принципы гражданского права, такие, как принцип добросовестности, свободы договора, необходимости соблюдения договорных обязательств, обеспечивают экономическую стабильность гражданского оборота. Каждая из сторон договора, которая добровольно в него вступила, обязана исполнить возложенные на нее обязанности, в противном случае, кредитор может воспользоваться установленными законом средствами защиты (требования о взыскании убытков, об исполнении в натуре и т.д.). Вместе с тем, указанное выше правило имеет исключения: в случае, если исполнение стало невозможно по независящим от сторон причинам, должник может быть освобожден от ответственности. Препятствие к исполнению также может быть вызвано обстоятельствами, за которые ни одна из сторон не отвечает, однако это препятствие не приведет к невозможности исполнения (ни к постоянной, ни к временной), но только увеличит те затраты, которые потребуются от должника для исполнения обязательства.

Для урегулирования приведенной выше ситуации, когда обстоятельства, при которых заключался договор, могут измениться до такой степени, что стороны, зная о таких изменениях, никогда бы не совершили данную сделку, законодатель предусмотрел институт существенного изменения обстоятельств, предусмотренный ст. 451 Гражданского Кодекса РФ.

В юридической доктрине неоднозначно относятся к применению указанного института российскими судами. Так, кандидат юридических наук, доцент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Громов А.А. отмечает негативный подход российских судов к применению ст. 451 ГК РФ, обосновывая это тем, что в большинстве случаев высшая инстанция отказывает в квалификации обстоятельств как достаточных для изменения и расторжения договора [1].

Действительно, судами не признается существенным изменением обстоятельств, которые стороны не могли предвидеть при заключении сделки, изменение курса валюты, как в деле «Вымпелком — Тизприбор» N А40-83845/2015. В частности, был отклонен довод истца, взявшего валютный кредит в 2013 году, о том, что в 2014 году

существенно повысился курс валюты долга по отношению к национальной валюте Российской Федерации, и это повышение значительно выходит за пределы обычных колебаний курса. Также, повышение на рынке размера арендных ставок в 2008 году не позволило должникам применить положения ст. 451 ГК РФ. Суд отметил, что инфляция не является тем изменившимся обстоятельством, с которым закон связывает возникновение права на изменение договора аренды в судебном порядке [2].

Также стоит отметить дело по иску банка к арендодателю о расторжении договора аренды нежилого помещения. Арендатор был включен в санкционные списки Министерства финансов США, Канады и стран ЕС, что суды первой инстанции посчитали обстоятельствами, подпадающими под положения ст. 451 ГК РФ. Однако, определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 года, решения предыдущих судебных инстанций были отменены, с мотивировкой о том, что Банк, принимая решение о закрытии офиса по спорному помещению, исходил из экономической обоснованности своей деятельности. Предпринимательская деятельность носит рискованный характер, что Банк не мог не учитывать при заключении договора аренды, являясь профессиональным участником рынка финансовых услуг. При должной степени осмотрительности Банк, вступая в договорные отношения по своей инициативе, должен был предусмотреть и возможную экономическую ситуацию [3].

Так, в Постановлении Пятого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2018 N 05АП-9015/2017 по делу N А59-1454/2017 было рассмотрено требование покупателя нежилого помещения (аптеки), который просил расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств, поскольку его здание уже имевшейся по другому адресу аптеки было снесено, в результате чего он лишился дохода для оплаты приобретаемого по договору помещения. Кроме того, специалисты, обучение которых им оплачено, нарушили свои обязательства, уволившись по собственному желанию. Таким образом, у него отпала необходимость в покупке помещения для аптеки по договору. Суд отказал в удовлетворении требования о расторжении договора, указав,

что в силу ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск.

Таким образом, судебная практика исходит из того, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, являющиеся профессиональными участниками рынка финансовых услуг, при заключении договора, должны предвидеть практически любую значимую ситуацию, включить условия ее урегулирования в договор, либо предусмотреть в условиях договора отказ от его исполнения или расторжения, при наступлении указанных обстоятельств.

Как отмечает Нам К.В., критерий «предвидимости» критикуется юридической доктриной, так как предвидеть в таком ключе можно все что угодно [4]. В связи с этим, исследователем Громовым А.А. предлагается оценивать, могли ли стороны договора при его заключении разумно предполагать, что то или иное событие произойдет, так как, например, вполне возможно предположить колебание курса валюты в пределах 3-5 рублей, что нельзя сказать о ее изменении на 20-30 рублей в рамках периода I года.

Стоит отметить, что практика применения положений ст. 541 ГК РФ значительно возросла в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и наложением на население страны ограничительных мер.

Вместе с тем, даже пандемия не всегда признается судами высших инстанций существенным изменением обстоятельств. Так, суд первой инстанции удовлетворил иск АО «ТД Перекресток» к ИП о расторжении договора аренды нежилого помещения. Арбитражный суд города Москвы решением от 06.11.2020 иск удовлетворил. Десятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 20.01.2021 отменил решение от 06.11.2020 и отказал в иске. Арбитражный суд Московского округа постановлением от 30.04.2021 отменил постановление апел-

ляционного суда и оставил в силе решение суда первой инстанции. ВС РФ отказал в удовлетворении исковых требований, мотивирован решение тем, что ограничительные меры в связи с распространением новой коронавирусной инфекции в Российской Федерации и в Москве были введены в конце марта 2020 года. При этом, как пояснил в судебном заседании Судебной коллегии представитель Общества, арендатор обратился к арендодателю с предложением о снижении размера арендной платы еще в январе 2020 года, ссылаясь на то, что предусмотренный договором размер платы выше рыночной, а 26.03.2020 направил предпринимателю претензию о снижении арендной платы или расторжении договора аренды со ссылкой на ограничения вследствие распространения новой коронавирусной инфекции. Кроме того, ВС РФ указал, что «когда обе стороны договора осуществляют предпринимательскую деятельность на началах риска, исходя из принципов свободы договора, равенства субъектов оборота, требований разумности и справедливости представляется недопустимым расторжение договора и отнесение всех негативных последствий изменения обстоятельств лишь на сторону арендодателя» [5].

Таким образом, субъекты гражданского права, являющиеся профессиональными участниками хозяйственного рынка, либо занимающиеся предпринимательской деятельностью практически лишены возможности защиты своих прав и интересов при существенном изменении обстоятельств, что может повлечь нарушение экономического баланса страны. Именно поэтому в юридической науке обсуждается вопрос о необходимости осторожного и взвешенного подхода к применению положений ст. 451 УК РФ, в случаях, когда такое изменение стало результатом действительно серьезных катаклизмов, и может повлечь серьезное нарушение интересов участников договорных отношений.

Литература:

1. Громов, А.А. Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора/А.А. Громов. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=142977&dst=0&demo=1> (дата обращения: 28.09.2022).
2. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017). — Текст: электронный // СПС «КосультантПлюс»: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/(дата обращения: 28.09.2022).
3. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. N 301-ЭС16-18586 по делу N А39-5782/2015. — Текст: электронный // Гарант. ру: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/ia/aggregator/?tag_id=5322 (дата обращения: 28.09.2022).
4. Нам, К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств/К.В. Нам. — Текст: непосредственный // Вестник гражданского права.. — 2019. — № 6. — с. 69.
5. Определение от 23 декабря 2021 г. по делу № А40-100692/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/xblDdi1GJcof/?vsrf-txt=%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+451.+%D0%98%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B8+%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B0+%D0%B2+%D1%81%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D0%B8+%D1%81+%D1%81%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%81

82%D0%B2%D0%B5%D0%BD %D0%BD %D1%8B %D0%BC+ %D0%B8%D0%B7%D0%BC %D0%B5%D0%BD %D0%B5%D0%BD %D0%B8%D0%B5%D0%BC+ %D0%BE %D0%B1%D1%81%D1%82%D0%BE %D1%8F %D1%82%D0%B5%D0%BB %D1%8C %D1%81%D1%82%D0%B2%28%D0%93%D0%9A+ %D0%A0%D0%A4%29&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1663675583889&snippet_pos=4570#snippet (дата обращения: 28.09.2022).

Сущность административных правонарушений в области защиты государственной границы Российской Федерации: общая характеристика и квалификация правонарушений

Еремеева Дарья Алексеевна, студент магистратуры;
Юзефович Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется обеспечение механизм привлечения к административной ответственности за правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации. Также, выявляются и анализируются проблемы механизма и предлагаются способы их решения.

Цель исследования — проведение комплексного исследования административных правонарушений в области защиты государственной граница Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, государственная граница, российское законодательство, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

За последние несколько лет наблюдаются изменения административного законодательства в части привлечения к ответственности за правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации. Данный факт связан с ужесточением миграционного законодательства. В частности, речь идет об увеличении размеров штрафов и введением более тяжелых административных наказаний в санкции статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1] и введением новых составов административных правонарушений, особенно в сфере борьбы с незаконной трудовой миграцией. Например, это касается административного приостановления деятельности.

Действующее до недавнего времени, российское законодательство не предусматривало ответственности за совершение ряда административных правонарушений, которые связаны с нарушением порядка привлечения и использования иностранной рабочей силы, поскольку массовая трудовая миграция иностранных граждан и лиц без гражданства стала относительно новым явлением для нашего государства [5, С. 298].

В современных условиях нормы главы 18 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1] включают в себя 17 составов административных правонарушений. Исследование содержания составов административных правонарушений, как родового объекта, позволяет выделить режим Государственной границы Российской Федерации и режим пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Нужно обозначить, что важно, что режим пребывания

иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации — это составляющие общего понятия административно-правового миграционного режима.

В ходе реализации механизма административной ответственности в области защиты государственной границы Российской Федерации, необходимо отметить действенные меры, применяемые широким кругом государственных органов, в числе которых органы внутренних дел, Федеральная миграционная служба и пограничные органы [7, С. 229].

В научной литературе и в рамках законодательства правонарушения, посягающие на пограничную безопасность Российской Федерации, представляют собой такие деяния, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях Российской Федерации, которые сопряжены с нарушением правил, установленных с целью обеспечения безопасности жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничном безопасности России [2, С. 87].

Административные правонарушения в сфере обеспечения правового режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства подразумевают собой такие противоправные виновные деяния, в форме действий или бездействия, со стороны специальных субъектов, которыми выступают иностранные граждане, лица без гражданства, граждане Российской Федерации, физические и юридические лица, выступающие как принимающая сторона, которые направлены на нарушение предписаний административно-правовых норм, регламентирующих миграционные отношения, сформиро-

ванные в течение режима пребывания указанных субъектов на территории Российской Федерации, режима трудоустройства граждан России за рубежом и внешней трудовой миграции.

Общественная вредность административных правонарушений, которые посягают на безопасность государственной границы России, выражена в том, что их совершение создает угрозу причинения вреда охраняемым законом жизненно важным интересам личности, общества и государства в пограничном пространстве [4, С. 285].

С учетом наличия определенного непосредственного объекта правовой охраны, исследуемая глава устанавливает три группы административных правонарушений [6, С. 89].

Первая группа — это такие правонарушения, которые посягают на установленный режим государственной границы. Такими являются, в частности, «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации», предусмотренное статьей 18.1 Кодекса об административных правонарушениях; «Нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации», предусмотренное статьей 18.4 Кодекса; «Нарушение правил, которые относятся к мирному проходу через территориальную морю Российской Федерации или к транзитному пролету через воздушное пространство Российской Федерации», предусмотренное статьей 18.5 Кодекса; «Нарушение порядка прохождения установленных контрольных пунктов при пересечении внешней границы исключительной экономической зоны Российской Федерации», предусмотренное статьей 18.6 Кодекса; а также «Незаконный провоз лиц через Государственную границу Российской Федерации», ответственность за который предусмотрена нормами статьи 18.14 Кодекса.

Вторая группа правонарушений представляется собой такие противоправные деяния, которые посягают на пограничный режим. Такими являются «Нарушения пограничного режима в пограничной зоне» (статья 18.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации); «Нарушение пограничного режима в территориальном море и во внутренних морских водах Российской Федерации» (статья 18.3 Кодекса); «Неповиновение законному распоряжению или требованию военнослужащих в связи с исполнением им обязанностей по охране Государственной границы Российской Федерации» (статья 18.7 Кодекса) [3, С. 73].

Третья группа исследуемых правонарушений представляется самой большой. Сюда включены те правонарушения в области миграционного законодательства, которые посягают на установленный режим пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, правила транзитного проезда через российскую территорию. Данная группа представлена следующими правонарушениями:

— статья 18.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, нормы которой уста-

навливают ответственность за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания на территории Российской Федерации;

— статья 18.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, которая предусматривает ответственность за нарушение должностным лицом организации, принимающей в России иностранного гражданина или лицо без гражданства, или гражданином Российской Федерации правил пребывания иностранных граждан, или лиц без гражданства в Российской Федерации;

— статья 18.10 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающая ответственность за нарушение правил привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей силы;

— статья 18.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, нормы которой устанавливают ответственность за нарушение иммиграционных правил;

— статья 18.12 Кодекса, которая предусматривает нарушение беженцем или вынужденным переселенцем правил проживания;

— статья 18.13 Кодекса, предусматривающая ответственность за незаконную деятельность по трудоустройству граждан Российской Федерации за границей;

— статья 18.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающая ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности в России иностранного гражданина или лица без гражданства;

— статья 18.16 Кодекса, нормы которой устанавливают ответственность за нарушение правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах;

— статья 18.17 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, которая предусматривает несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности [3, С. 74].

Таким образом, как видно из проведенного исследования поставленной проблематики, можно сделать вывод, что правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и ответственность за их совершение представляются очень важным сегментом российского административного законодательства, что подтверждается, в частности, повышенным вниманием к проблематике привлечения виновных лиц к ответственности и разнообразием существующих правовых норм. Это обуславливает необходимость проведения более глубокого и качественного анализа в заявленной теме, что позволит определить наибольшее трудности в данной области и разработать рекомендации по их решению.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Андропова, О. В., Сайбель К. В. Административная ответственность за нарушения миграционного законодательства РФ // Студенческий форум. 2021. № 41-3 (177). с. 85-88.
3. Вакулов, В. И. Административная ответственность за нарушение миграционного законодательства // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). с. 73-75.
4. Кошелева, А. Д., Недосекова Е. С. Административно-правовой режим защиты государственной границы. Особенности квалификации правонарушений // Modern Science. 2020. № 12-1. с. 281-284.
5. Недосекова, Е. С., Кошелева А. Д. Особенности административно-правового регулирования защиты государственной границы и квалификации правонарушений в данной сфере // Проблемы развития правовой системы России: история и современность. 2021. с. 295-299.
6. Пичугин, Д. Г. Модернизация института административной ответственности за правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). с. 87-96.
7. Сосновская, Ю. Н., Маркина Э. В. Проблемы реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области защиты государственной границы // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. с. 226-230.

Некоторые особенности применения административной ответственности за нарушения в области защиты государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России

Еремеева Дарья Алексеевна, студент магистратуры;
Юзефович Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье выявляются и анализируются особенности применения административной ответственности к виновным лицам за нарушения в области защиты государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Приводятся мнения исследователей и нормы законодательства Российской Федерации.

Цель исследования — анализ административной ответственности за нарушения в области государственной границы и обеспечения режима пребывания на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, государственная граница, российское законодательство, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, режим пребывания.

Административная ответственность за правонарушения в области защиты государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации является явлением сложным, многогранным с правовой точки зрения. Это явление направлено на обеспечение защиты широкого круга общественных отношений в указанной области.

Здесь выделяется ряд важнейших задач, к числу которых относится защита личности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, а также общества и государства от административных правонарушений в обозначенной области, охрана прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Каждый год в России за совершение миграционных правонарушений привлекаются к ответственности тысячи лиц, коими являются не только граждане Российской Федерации и российские юридические лица, но также и иностранные граждане, и лица без гражданства.

Анализ поставленного вопроса позволил предположить, что основными факторами, обуславливающими совершение такого рода административных правонарушений, являются следующие:

— отсутствие комплексной государственной системы, призванной обеспечивать предупреждение административных правонарушений, что приводит к отсутствию продуктивности разрозненных мероприятий по их предупреждению;

— неэффективность системы наказания за совершенные в данной области правонарушения;

— слабая осведомленность населения относительно вопросов, касающихся правил режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации [2, С. 87].

Стоит подчеркнуть важнейшую роль в укреплении законности и правопорядка в данной сфере и правовой охране миграционных отношений мер административной ответственности. Так, за совершение правонарушений в этой области применяется ряд административно-правовых санкций.

Одной из таковых является предупреждение, которое представляет собой меру административного наказания, выраженную в официальном порицании физического или юридического лица в письменной форме. Однако, некоторые исследователи считают данную меру наказания слишком мягкой и нецелесообразной, придерживаясь мнения относительно применения более жестких санкций к виновным лицам за такие правонарушения. Многие ученые считают эту меру неэффективной, экономически нецелесообразной и низко результативной [4, С. 288].

Еще одним видом административной ответственности за правонарушения в области защиты Государственной границы и режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации является административный штраф. Данная санкция предполагает денежное взыскание, которое накладывается уполномоченным должностным лицом на виновное физическое или юридическое лицо для воздействия на материальные интересы. Отметим, что административный штраф является наиболее широко применяемым видом наказания, причем, не только в исследуемой области, но и во всей остальных в административном праве.

Все же, необходимо обозначить, что увеличение штрафов вовсе не решает всех проблем в области миграции. Так, сами работники Федеральной миграционной службы Российской Федерации (а именно 72 опрошенных) отмечают, что увеличение размеров административных штрафов за нарушения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации вовсе не выступает гарантом соблюдения правопорядка в области миграционных отношений [2, С. 86].

Выделенный факт обуславливает целесообразность предусмотреть на законодательном уровне несколько вариантов реализации административного штрафа в исследуемой области в случае неплатежеспособности виновного лица. В частности, предлагается следующее:

— установить обязанность выплаты административного штрафа на соответствующие органы того государства, гражданин которого подвергается такой мере ответственности по российскому административному

законодательству, посредством разработки и принятия межправительственных соглашений между российской Федерацией и иностранными государствами;

— предусмотреть возможности возложения обязанности по выплате административного штрафа на приглашающую сторону, если таковая установлена;

— предусмотреть возможность применения альтернативной меры административной ответственности. Например, выполнение общественно-полезных работ [5, С. 227].

Следующим видом административной ответственности является конфискация орудия совершения либо предмета административного правонарушения, что подразумевает под собой принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность либо в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. В исследуемой области конфискация применима лишь как дополнительное альтернативное наказание вместе со штрафом. Данная мера ответственности предусмотрена частью 3 статьи 18.1 и частью 2 статьи 18.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации.

Административный арест является еще одной мерой административной ответственности в исследуемой области и предполагает содержание виновного лица в условиях изоляции от общества под стражей в, предназначенных для данных целей, учреждениях. В исследуемой области данная санкция предусмотрена только статьей 18.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1].

В практической деятельности исполнение данного вида наказания нередко приводит к возникновению ряда проблем, в числе которых следующие:

— нарушение сроков содержания арестованных до отправления в конечный пункт исполнения наказания в непредусмотренных для этих целей помещениях;

— нарушение порядка исчисления срока отбывания административного ареста;

— отсутствие законодательного закрепленного механизма приостановления исполнения административного ареста на время производства процедуры обжалования судебного постановления;

— наличие вопроса относительно материально-технического обеспечения деятельности спецприемников [3, С. 74].

Особой административно-правовой санкцией, которая может быть применима к иностранным гражданам и лицам без гражданства при нарушении установленных российским законодателем правил и норм, является административное выдворение за пределы Российской Федерации. Это принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы нашего государства. Причем, в некоторых предусмотренных законом случаях эта мера ответственности осуществляется выдворяемыми из Российской Федерации

самостоятельно, но под контролем. Эта санкция может выступать и как основное наказание, и как дополнительное.

Отметим, что административное выдворение за пределы Российской Федерации применяется достаточно редко. Можно предположить, что основной проблемой применения этого вида наказания является то, что, как правило, решение суда о назначении дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации не всегда подтверждаются мотивами и данными, которые свидетельствовали бы о реальной необходимости применения к лицу столь жесткой меры ответственности, а также ее соразмерности в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в административном процессе. Например, важным обстоятельством в данном случае является семейное положение иностранного гражданина либо лица без гражданства.

Целесообразно обозначить, что законодателем понятия «выдворение» и «депортация» отождествляются, хотя не все исследователи разделяют такое мнение.

Так, можно предположить, что правильным было бы привести российское законодательство в соответствии с действительным значением рассматриваемых категорий. Например, можно исключить употребление термина «депортация» как равнозначного термину «административное выдворение». Применять же депортацию стоит только как меру пресечения, в то время как административное выдворение использовать только как меру административного наказания.

Наконец, еще одним видом административных наказаний выступает административное приостановление деятельности. Реализация этой меры сопровождается рядом теоретических и практических проблем. В первую очередь, отметим, что имеет большое количество способов, которые позволяют коммерческим организациям скрывать нарушения иммиграционного законодательства. Например, действия осуществляются через подставную фирму. Во-вторых, отмечается весьма неоднозначное за-

крепление в Кодекса об административных правонарушениях сокращения срока приостановления деятельности, когда будет установлено, что обстоятельства, послужившие основанием для назначения данной меры ответственности, были устранены. Отечественный ученый И. В. Максимов по данному поводу считает, что досрочное прекращение указанной меры ответственности — это своеобразное свидетельствование «исправления нарушителя, достижения частной превенции». Представляется, что норма, которая позволяет сократить срок данного наказания, в некоторых случаях «умножает» его карательную функцию на ноль. К примеру, для устранения причин правонарушения, предусмотренного статьей 18.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [1], нужно только уволить нелегальных работников. А это можно сделать сразу же после назначения административного приостановления деятельности. Как результат, правонарушитель получает вполне законную возможность полностью избежать наказания.

Таким образом, административное приостановление деятельности вполне вероятно может решить управленческие задачи, которые призваны прекратить угрозу в некоторых сферах общественной либо государственной жизни, но наказать правонарушителя. В это же время, обеспечить общую и частную превенцию административно наказуемых деяний оно в некоторых случаях не может.

Как видно из проведенного исследования, современное административное законодательство Российской Федерации в части привлечения к ответственности за правонарушения в сфере режима охраны государственной границы и режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории нашего государства имеет целый ряд проблем. Соответственно, необходимо предпринять все возможные меры и реализовать мероприятия, которые будут способствовать совершенствованию данного сегмента административного законодательства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.07.2022) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Андропова, О. В., Сайбель К. В. Административная ответственность за нарушения миграционного законодательства РФ // Студенческий форум. 2021. № 41-3 (177). с. 85-88.
3. Вакулов, В. И. Административная ответственность за нарушение миграционного законодательства // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). с. 73-75.
4. Грипп, Э. Х., Патрикеев В. Е. Порядок действия сотрудников полиции по привлечению иностранных граждан к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. 2021. с. 287-290.
5. Сосновская, Ю. Н., Маркина Э. В. Проблемы реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области защиты государственной границы // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. с. 226-230.

Виды учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы

Ершова Ирина Владимировна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Уголовное наказание является наиболее жесткой формой [6] государственного принуждения, заключающееся в ограничении прав и свобод лицам, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы, целью которого является восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений. Исполнение уголовных наказаний признается исключительной функцией государства. Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства, поэтому совершение любого противоправного действия гражданина, приведшее к нарушению гарантированных государством прав и свобод должно быть наказано. Наказание, как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления и заключается в лишении и ограничении прав и свобод этого лица. Согласно Конституции Российской Федерации, только суд вправе установить виновность обвиняемого в совершении преступления и определить соразмерное деянию наказание, в соответствии с федеральным законодательством. Суд, обвинительным приговором, выносит окончательное решение, назначает вид и размер наказания, подводя, тем самым, итог судебному разбирательству.

В статье 16 УИК РФ приводится перечень учреждений и органов, исполняющих наказания, относительно определенного вида наказания. Одни из них связаны с мерами исправительного воздействия, другие — ограничительного.

Действующее законодательство к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, относит: штраф, обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского и или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничение свободы, принудительные работы. Регламентация исполнения и отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, содержится в разделе втором 22 Особенной части УИК кодекса РФ [7].

Исполнение наказания в виде штрафа согласно части 1 статьи 16 УИК РФ и статьи 103 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229 — ФЗ «Об исполнительном производстве» возлагается на судебных приставов исполнителей Федеральной службы судебных приставов. На суды, вынесшие приговор, возложено исполнение уголовного наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград [10].

В настоящее время большинство уголовных наказаний исполняют учреждения уголовно-исполнительной системы, которые с 1 сентября 1998 года функционируют в составе Министерства юстиции России.

Наказания в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы исполняются уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного, исправительным центром, исправительным учреждением или дисциплинарной воинской частью [9].

Наказание в виде принудительных работ исполняется исправительным центром, арестные дома исполняют наказание в виде ареста.

Несмотря на достаточно адекватную современным правовым реалиям регламентацию данных видов наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) и УИК РФ, наказание в виде ареста до настоящего времени в действие не введено. Сегодня арест, наряду с принудительными работами и смертной казнью, для исполнения которых на настоящий момент правовые основания также отсутствуют, является проблемной мерой, вызывающей неоднозначную оценку в литературе [8].

Согласно официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации на 1 декабря 2021 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 486031 тысячи человек, из них к 256486 тысячам человек применены наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Применение альтернативного лишению свободы наказания обусловлено тем, что сама по себе изоляция может способствовать тому, что цели наказания, которые ставит перед собой государство не будут достигнуты, осужденное к лишению свободы лицо утратит социально полезные связи, приобретет социально вредные связи в местах лишения свободы. В результате потенциально законопослушный гражданин будет потерян для государства и общества.

Очень важно стараться исправить преступника другими, нежели изоляция методами еще и потому, что осуществление контроля за поведением лиц, к которым применена отличная от лишения свободы мера наказания обходится государству значительно дешевле, чем содержание осужденных в исправительных колониях.

За последние годы в России целенаправленно доля наказаний, не связанных с изоляцией от общества, повысилась. Это связано в первую очередь с поставленной целью снижения уровня тюремного населения, а также снижение

уровня так называемой криминальной зараженности лиц, попадающих в уголовные правоотношения.

Система исполнения наказаний функционирует как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта федерации в лице территориальных органов управления и учреждений ФСИН России.

Согласно статье 16 УИК РФ, исполнение наказания в виде лишения свободы возлагается на специальные исполнительные учреждения, в которые входят исправительные колонии общего, строгого, особого режима, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, специальные исправительные учреждения для содержания бывших работников судов и иных правоохранительных органов, следственные изоляторы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию этих учреждений, и осужденных на срок не свыше 6 месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия. Исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, исполняют пожизненное лишение свободы.

Наказание в виде смертной казни исполняется учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. До введения моратория на смертную казнь этот вид наказания исполнялся в строго установленных следственных изоляторах и тюрьмах.

Сегодня мир столкнулся с проблемой переполненности тюрем и быстрого роста тюремного населения. В африканских странах тюремный перелимит достигает 200-250%. В США ситуацию с исполнением наказаний американские криминологи прямо называют катастрофической.

Учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания в отношении военнослужащих, являются: дисциплинарные воинские части (содержание в дисциплинарной воинской части); гауптвахты для осужденных военнослужащих или соответствующие отделения гарнизонных гауптвахт (арест); командование воинских частей (ограничение по военной службе).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная система учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, закрепленная в статье 16 УИК РФ, предусматривает исполнение всех видов уголовных наказаний и иных мер уголовно — правового воздействия. Центральное место в ней отводится уголовно-исполнительной системе. Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает разностороннюю систему контроля за исполнением уголовных наказаний.

Имеющаяся сегодня дифференциация направления осужденных между исправительными колониями общего и строгого режимов не имеет существенного различия. Общий и строгий режим, по существу отличается только условиями содержания. Много коллизий возникает при назначении исправительных работ предпринимателям, иностранным гражданам, сотрудникам правоохранительных органов и иным лицам, продолжению работы которых препятствует наличие судимости. Зачастую нарушается установленный законодательством срок исчисления и суммарный учет количества отработанных осужденным к обязательным работам часов. Ответственность сотрудников организаций за ненадлежащее исполнение уголовного наказания в виде обязательных работ на законодательном уровне не урегулирована.

Многие ученые пришли к выводу, что между ограничением свободы и условным осуждением имеется конкуренция, которую возможно решить путем внесения в действующее законодательство норм, запрещающих назначение ограничения свободы условно осужденному.

Для повышения эффективности работы уголовно-исправительных учреждений, необходимо совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ведомственного контроля, создание и использование комплексной системы непрерывного мониторинга и оценки деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, регулярное проведение прокурорами контроля за работниками уголовно-исполнительной системы, с целью предупреждения и выявления существующих проблем и нарушений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398: [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 01.08.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954: [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.08.2022).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020 с изм. 28.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 198: [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 01.08.2022).
4. Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 (ред. 21.08.2019): [Электронный ре-

- сурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162690/ (дата обращения 01.08.2022).
5. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы от 21.07.993 № 5473-I (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4645/ (дата обращения 01.08.2022).
 6. Грицинина, Т.Г., Швырев Г.С. Создание и основные этапы развития прокурорского надзора // Студенческая доктрина: сборник научных статей. Курск: Университетская книга, 2014. С. 176
 7. Герасимова, О. М. Учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания // Современные научные исследования: актуальные теории и концепции. XIV Международная научно — практическая конференция. М. Издательство «Олимп», 2016. с. 202
 8. Мохов, А. Ю., Голоманчук Э. В. Вопросы правового регулирования исполнения ареста как уголовного наказания // Поиск (Волгоград). 2016. № 1 (3). с. 275
 9. Сыдорук, И. И., Ендольцева А. В., Галустян О. А. Правоохранительные органы: учебник для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/И. И. Сыдорук, А. В. Ендольцева, О. А. Галустян. 8 — е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ — ДАНА: Закон и право, 2013. с. 314
 10. Шахбанова, Х. М. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие/Х.М. Шахбанова. Махачкала: ДГУНХ, 2016. с. 35

Ошибки, допускаемые судом при вынесении приговора. Вопросы теории и практики

Кадыров Денис Уралович, студент магистратуры
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Современное законодательство нашей страны предусматривает необходимость защиты прав не только пострадавшего, но и того, кому предъявляется обвинение. Ввиду особой роли судьи в реализации права граждан на судебную защиту, ошибки, допускаемые судом при вынесении приговора, считаются серьезным нарушением отправления правосудия [7].

Судебная ошибка — это суждения, решения и действия суда, являющиеся результатом добросовестного заблуждения, несоответствующие объективной действительности и закону, и поэтому не приводящая к целям судопроизводства. При определении понимания ошибки в приговоре суда, следует учитывать тот факт, что «ошибка в приговоре суда» относится к ошибкам судебным, то есть допущенным судьей при вынесении решения по окончанию рассмотрения уголовного дела в суде [8].

Понятие судебной ошибки де-факто используется в судебной практике Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Несмотря на это, в нормативно-правовых актах Российской Федерации отсутствует законодательно закрепленное понятие судебной ошибки. Данный факт представляется проблемой, значительно затрудняющей определение соответствия между деянием должностного лица, осуществляющего правосудие и ответственностью, предусмотренной за данное деяние [5].

К причинам возникновения судебных ошибок, можно отнести следующие:

— несовершенство отдельных процессуальных норм в части, например, пассивности суда первой инстанции при формировании доказательственной базы по делу и ограничение полномочий апелляционной инстанции при предоставлении свежих доказательств;

— несовершенство правового статуса апелляционной инстанции, содействующего неглубокому разбору трудоемкого дела судом первой инстанции за счет абсолютного его перерешения и неосуществимости направления его апелляцией на новое рассмотрение, неудовлетворительный характер работы почтовой связи и отсутствие правдивой информации о местонахождений многих частных компаний как причина нарушений сроков рассмотрения арбитражных дел, невнимательность и халатность судей из-за действия принципов их несменяемости и неосуществимости привлечения к дисциплинарной ответственности; разный подход судебных инстанций к оценке имеющихся в деле доказательств, а также к квалификации правоотношений сторон, «местнический» принцип исполнения правосудия;

— разрешение судом дела на основании нормативного акта, далее признанного неконституционным (когда суд либо не усмотрел при его использовании противоречия с Конституцией, или вовсе не задавался данным вопросом в силу сформировавшегося стереотипа мышления судей, воспитывавшихся в атмосфере повиновения только закону, когда Конституция не воспринималась как непосредственно действующее право);

— привычка российских судей к ожиданию принятия конкретизирующих Конституцию законодательных актов, которые подробно расписали бы, когда и как ее применять;

— инерция старых суждений и подходов судей при исполнении ими судебной деятельности в условиях осуженного законодательства; усвоение судьями качества «профессиональной беспристрастности»; предвзятость суда в формах предубежденности либо связи суда с одной из сторон; воздействие «эфекта психической установки» на принятие конечных решений судьями;

— субъективные взгляды, симпатии и антипатии судьи, вдобавок воздействие главенствующих в некоторой местности убеждений и предрассудков и т. п. [4].

Представим классификацию «ошибок в приговоре суда», вне зависимости от порядка пересмотра приговора в вышестоящей инстанции:

— несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

— существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

— неправильное применение уголовного закона;

— несправедливость приговора;

— выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнения им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве [8].

К примеру, решение Соломбальского районного суда Архангельской области, где имело место оправдание гражданина С., поскольку в ходе предварительного следствия ему было предъявлено обвинение в нарушении норм УПК РФ. Исходя из постановления о предъявлении обвинения по ч. 4 ст. 150 УК РФ [1], не были указаны конкретные действия по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления. На основании непричастности подсудимого к совершению преступления районным судом той же области вынесен оправдательный приговор в отношении Я., обвинявшегося в аналогичном преступлении, где также не был указан способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Притом, несмотря на то, что по уголовному делу Р. был допрошен неоднократно, вопрос об осведомленности взрослого обвиняемого о возрасте вовлеченного в совершение преступления несовершеннолетнего у последнего не выяснялся.

Поскольку обвинение по данным фактам было предъявлено с нарушением законного основания, то еще при по-

ступлении таких дел в суды, они могли быть возвращены прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [2]. Исходя из этого, при рассмотрении данной категории уголовных дел были вынесены оправдательные приговоры. Структура и содержание приговора определяются мерой наказания и виновностью и состоят из трех частей: описательно-мотивировочной, вводной и резолютивной. В каждой из частей имеются свои часто допускаемые ошибки, которые подразделяются на существенные, несущественные и технические и влекут за собой в большинстве случаев отмену приговора, а судью — к привлечению к дисциплинарной ответственности. Так, судьей Т. был нарушен уголовно-процессуальный закон, а именно: оглашенный судьей приговор существенно отличался от текста приговора, имеющегося в деле, и текста копий приговора, врученных сторонам, что повлекло за собой отмену обвинительного приговора и привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий [3].

Способы устранения судебных ошибок, связанные с их предупреждением. Пути решения видятся в следующем: при составлении приговора должны строго соблюдаться требования закона к содержанию приговора; введение обратного проводимому в данный момент процессу сокращения сотрудников органов правоохранительной системы, увеличение количества кадров. Данная мера позволит снизить нагрузку на сотрудников органов следствия и дознания, поможет за счет вновь выделенного времени тщательней изучать ими обстоятельства расследуемых дел; считаем, что в приговоре должен быть обоснован вывод о невиновности или виновности подсудимого, причем по всем пунктам обвинения. Кроме того, между резолютивной и описательной частями должны быть логическая связь, внутреннее единство. Какие бы то ни было противоречия между этими частями приговора совершенно недопустимы [9].

Таким образом, судебная ошибка представляется как правовое последствие допущенного судом отступления от целей и задач судопроизводства в судах, установленное в процессуальном порядке уполномоченной судебной инстанцией. Судебная ошибка может быть допущена как по вине судьи, так и при отсутствии таковой, поэтому было бы неправильно во всех случаях проводить знак равенства между судебной ошибкой и правонарушением. Судебная ошибка как отступление от целевых установок судопроизводства может рассматриваться в двух основных плоскостях: фактической и юридической.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022)
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022)
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4.

4. Ахмерова, А. А. Проблема судебных ошибок: причины возникновения и пути решения/А. А. Ахмерова // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (115). — с. 1237-1239.
5. Белова, С. Д. Отграничение судебной ошибки от вынесения заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта/С. Д. Белова // Право. Общество. государство: Сборник научных трудов — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. — с. 170-174.
6. Быкадорова, Е. В. Анализ типичных ошибочных решений суда при постановлении приговора/Е. В. Быкадорова, Н. В. Манилкин, Н. В. Болдырев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2021. — № 1. — с. 117-122.
7. Косян, А. С. Типичные ошибки, допускаемые судами при вынесении приговоров/А. С. Косян // Молодой ученый. — 2018. — № 21 (207). — с. 369-371.
8. Середа, О. В. Теоретические аспекты «ошибки в приговоре суда» как категории в современном российском уголовно-процессуальном праве/О. В. Середа // Перспективы развития институтов права и государства: Сборник научных трудов. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. — с. 113-118.
9. Устюгов, А. А. Судебные ошибки: проблемы, интерпретации, понятия/А. А. Устюгов // Молодой ученый. — 2018. — № 5 (52). — с. 556-558.

Проблемные аспекты определения терминологии экономических преступлений

Кирса Александр Сергеевич, студент

Научный руководитель: Рожнова Любовь Ивановна, старший преподаватель

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассматриваются статистические показатели экономической преступности, история развития данного понятия в уголовно-правовом смысле. Приводятся точки зрения учёных на определение терминологии экономических преступлений, формулируется на основе изученных материалов понятие экономической преступности.

Ключевые слова: экономическая преступность, уголовный закон, виды преступлений, криминологическая литература, выводы исследователей.

Каждый год в РФ официально регистрируется и раскрывается огромное количество преступлений в сфере экономики. Латентная преступность в несколько раз превышает всем известные статистические показатели. Например, в 2009 году было совершено около 400 тысяч преступлений в сфере экономики. Сейчас их стало значительно меньше. За 2021 год было зарегистрировано около 117, 7 тысяч преступлений экономического характера, но это больше в сравнении с предыдущим годом. Раздел 8 УК РФ закрепляет преступления в сфере экономики. В главе 22 УК РФ преступления в сфере экономической деятельности имеют определенные проблемные аспекты. По мнению некоторых ученых, юристов и сотрудников правоохранительных органов несовершенство данной главы выражается в том, что неспособность тех преступных деяний, которые в неё включены, в полной мере отражать суть складывающихся общественных отношений в сфере экономики и действительно осуществлять охранительную функцию. В процессе создания главы 22 УК РФ законодатель, по всей видимости, не учёл, что к концу 90-ых годов сформируется самостоятельная область экономических отношений, а именно: отношения в области предпринимательской деятельности. Возможно, это было связано с тем, что проекты Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года были приняты в разработку в конце

80-ых годов, начале 90-ых годов в период экономической и политической неустойчивости. Многие учёные в области уголовного права включали в число хозяйственных преступлений и некоторых видов посягательств на собственность такие термины: хищения, взяточничество, фальшивомонетничество, нарушение правил о валютных операциях. [1, с. 6-10, 36, 37, 49]

В настоящее время необходимо, в первую очередь, предоставить подходящую оценку понятия «экономическая преступность» (или же экономические преступления). Изучив соответствующую криминологическую литературу, исследователь может прийти к закономерному выводу о том, что характеристика экономической преступности рассматривается через призму определений преступности в области экономической деятельности, корыстной преступности, преступлений в сфере собственности и т. д. На данный момент отсутствует законодательное закрепление термина экономической преступности. Понятие экономической истории было взято отечественной криминологией из западных наук. Социокриминолог Эдвид Сатерленд примерно в 1940 году ввёл в научный оборот понятие «беловоротничковая преступность» в официальном выступлении перед Американской социологической ассоциацией, обратив внимание, что данный термин характеризуется особым слоем преступников. Как пра-

вило, это бизнесмены, представители государственной власти, чиновники, другие люди определенных профессий при осуществлении своей рабочей деятельности совершают общественно опасные деяния в данной области социально значимых интересов. Впоследствии понятие «беловоротничковая преступность» было заменено синонимом корпоративной преступности — преступлений, совершаемых корпорациями. [2, с. 49-51]

Б. Свенсон в собственном научном труде «Экономическая преступность» писал о том, что к понятию экономической преступности относится мотив корыстной материальной выгоды. Кроме того, она должна иметь систематический и повторяющийся во времени характер. Данная выгода может составлять основу уголовной деятельности в определенных случаях. [3, с. 146]

В начале 80-ых годов прошлого века учёные начали касаться проблемы определения термина экономических преступлений. Характеризуя на тот момент действовавшее уголовное законодательство о преступлениях в сфере экономики, они отмечали в нём большое количество уже не актуальных правовых норм и наличие пробелов. Понимание юристами феномена «экономической преступности» слишком сильно отличалось от восприятия деяний, которые относились к данной категории. Можно вспомнить точки зрения некоторых известных учёных, исследователей, сотрудников правоохранительных органов. Так, А. М. Яковлев относит к экономической преступности как преступления против собственности, так и хозяйственные и корыстные преступления. [4, с. 6-7]

А. М. Медведев в своих исследованиях подчеркивал: экономические преступления — это общественно опасные деяния, посягающие на экономику как на совокупность производственных (экономических) отношений и причиняющие ей материальный ущерб. [5, с. 81]

Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов основательно рассмотрели проблему уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности перед принятием УК РФ 1996 года. Исследователи выделили три разновидности преступных деяний в сфере экономики: иные государственные преступления, посягающие на экономические интересы нации, преступления против собственности, хозяйственные преступления. К числу иных государственных преступных деяний, которые посягают на главные экономические интересы нашей страны, следует отнести: преступления, посягающие на её исключительную компетенцию в области внешнеторгового оборота товаров, которые были непосредственно изъяты из свободного обращения (контрабанда), и преступления, посягающие на кредитно-финансовую систему Российской Федерации (изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг). Авторы в своих научных трудах писали, что не слишком то обоснованно является отнесение к числу преступлений, непосредственно посягающих на основные экономические интересы РФ: незаконного экспорта товаров; научно-технической информации и услуг, используемых при создании военной техники, оружия массового

поражения, а также невозвращения на территорию российского государства предметов художественного, исторического и архитектурного достояния народов РФ и зарубежных стран. Непосредственным объектом первого из названных преступлений являются интересы обороноспособности России, а второго — интересы сохранения многообразия культурного наследия России и нормального международного культурного обмена. [6, с. 12]

По мнению П. С. Яни, границы понятия экономического преступления представляется достаточно сложно понять в уголовно-правовом смысле, поскольку за рассматриваемым термином всегда будет подразумеваться некоторая условность. Наиболее строгое понятие экономических преступлений, вполне вероятно, базируется на установлении единого объекта для этой группы преступных деяний. Однако если отмечать выделяемые в законодательстве составы преступлений в отдельную главу, то четкость объекта преступлений ставится под сомнение. Это связано, прежде всего, с тем, что в отличие «от преступлений против собственности здесь видовые объекты весьма разнообразны соответственно сферам хозяйствования: внешнеэкономические, коммерческие, промышленные и т. д». [7, с. 32]

За последние годы всё большее количество учёных признают обоснованным так «называемый» узкий подход к определению категорий экономической преступности. При таком подходе феномен экономической преступности можно было бы рассматривать в качестве рыночного явления, которое ограничивается рамками экономической деятельности в области бизнеса, осуществляемой его субъектами. Ещё в недавнее время у отечественных криминологов такая идея вызвала возражения. Однако со вступлением в силу УК РФ 1996 года количество подобных негативных мнений стало существенно меньше, что объясняется, по всей видимости, переосмыслением криминологами новой социальной реальности и места в ней экономической преступности. Необходимо также устранить множественность трактовки понятия «экономическая преступность», ввести упорядоченную и четко определенную систему регистрации и учёта общественно опасных деяний в данной сфере, более грамотно разграничить компетенцию некоторых правоохранительных органов (например, отделов уголовного розыска и борьбы с экономическими преступлениями). Надо сконцентрировать усилия и ресурсы на борьбе именно с бизнес-преступностью как наиболее масштабным и социально деструктивным видом преступного поведения. [2, с. 51-53]

Таким образом, рассмотрев разные точки зрения исследования, мы можем попробовать сформулировать понятие экономической преступности, которое будет включать в себя все главные признаки. Экономическая преступность представляет собой совокупность противоправных, причиняющий огромный материальный ущерб, общественно опасных, корыстных посягательств, которые нацелены на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управ-

ления экономическими процессами и экономические права и интересы граждан, организаций и целой страны, вследствие совершения лицами, которые выполняет конкретные функции в системе экономических отношений, хищения, а также хозяйственных и корыстных преступлений. [8, с. 1-2].

Литература:

1. Заозерский, А. Статистика преступности в сфере экономики по итогам 2010 года [электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.econcrime.ru>; Состояние преступности в России: 2002-2006 гг. М., 2006
2. Мажитова, С.Р. О проблеме определения понятия «Экономическая преступность» (экономические преступления // Вестник ЧелГУ. 2011. № 35.
3. Свенсон, Б. Экономическая преступность/Б. Свенсон; Перевод со швед. Решетова Ю.А.; Под ред. Могуновой М.А.; Вступ. ст. Могуновой М.А., Решетова Ю.А. — М.: Прогресс, 1987. — 156 с.
4. Яковлев, А.М. Социология экономической преступности/А.М. Яковлев; Отв. ред. В.Н. Кудрявцев; АН СССР, Ин-т государства и права. — М.: Наука, 1988. — 251, [3] с.; 21 см.; ISBN 5-02-012844-9
5. Медведев, А.М. Экономические преступления: понятие и система // Современное государство и право. 1992. № 1
6. Гаухман, Л.Д. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики/Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. М. 1996.
7. Яни, П.С. Экономические и служебные преступления/Яни П.С. — М.: Бизнес-шк. «Интел-синтез», 1997. — 201 с.
8. Тактоева, В.В. Понятие экономической преступности и проблемы квалификации преступлений в сфере экономики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2

Разграничение преступлений, связанных с банкротством, от смежных составов преступлений

Козлова Юлия Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд составов преступлений, которые схожи по своим характеристикам с уголовным банкротством, эти составы содержатся в Разделе VIII «Преступления в сфере экономики». Исходя из этого правоприменители при квалификации составов связанных с разграничением банкротных составов от смежных испытывают сложности. Стоит отметить что при дифференциации смежных составов преступлений в юридической литературе, приводятся разные точки зрения относительно побудительных мотивов и целей криминальных банкротств, но акцент больше делается на корыстные цели, желание виновных извлекать пользу для себя или других, ну и конечно как говорилось ранее, также необходимо правильно разграничивать умысел лица который совершает преступление.

Ключевые слова: банкротство, криминальное, уголовный кодекс, смежные составы, 195 статья УК РФ.

Differentiation of bankruptcy-related crimes from related crimes

Kozlova Yulia Sergeevna, student
Tyumen State University

The Criminal Code of the Russian Federation contains a number of offenses that are similar in their characteristics to criminal bankruptcy; these offenses are contained in Section VIII «Crimes in the Economic Sphere». Proceeding from this, law enforcers experience difficulties in qualifying compositions related to the delimitation of bankrupt compositions from adjacent compositions. It is worth noting that when differentiating related offenses in the legal literature, different points of view are given regarding the motives and goals of criminal bankruptcies, but the emphasis is more on mercenary goals, the desire of the perpetrators to benefit for themselves or others, and of course, as mentioned earlier, it is also necessary correctly distinguish between the intent of the person who commits the crime.

Keywords: bankruptcy, criminal, criminal code, related offenses, article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ряд характеристик с уголовным банкротством, эти составы составов преступлений, которые схожи по своим ха- содержатся в Разделе VIII «Преступления в сфере эконо-

мики». Важно различать конкурирующие нормы, общим для которых является наличие общественно опасного деяния, признаки которого содержатся в двух и более нормах.

При изучении данного вопроса надо обратиться к части 3 статьи 17 УК РФ, где говорится об принципе преодоления конкуренции правил. Если преступление в себе содержит общие и специальные нормы права, а совокупность преступлений отсутствует, то квалификация преступления будет по специальной норме. И другой аспект, заключается в том, что, если в действиях лица предусмотрены признаки ст. ст. 195-197 УК РФ, а также других составов преступлений, которые выступают как способом совершения банкротства, то ответственность за эти преступления может находиться в состоянии конкуренции части и целого. По большей части это возникает тогда, когда одна норма содержит часть признаков, а другая норма включает в себя все признаки, а также и дополнительными, которых нет в первой [1].

Исходя из этого правоприменители при квалификации составов связанных с разграничением банкротных составов от смежных испытывают сложности.

На практике, наибольшую трудность представляет отличить ст. ст. 195-197 УК РФ от мошенничества (ст. 159 УК РФ). Нормы о незаконном банкротстве являются специальными.

Мошенничество имеет аналогичные признаки что и незаконное банкротство. При совершении таких преступлений предполагается, что обман, совершенный в корыстных целях, причиняет материальный ущерб другим лицам. Совпадает также и способ совершения преступления, путем продажи имущества.

Как отмечает в своих трудах Григорьева Л. В, что умышленное банкротство — это особая форма хищения, в виде мошенничества [2].

Также как отмечал А. А. Лохвицкий, преступное банкротство — это своеобразный вид мошенничества. Обратим внимания на слова И. Я. Фойницкого, который в своем произведении «Мошенничество по русскому праву» отмечает такую позицию: «в обоих случаях преступление совершается с помощью обмана, виновный использует обманный способ с целью причинения имущественного ущерба другому лицу и получения личной выгоды, а также виновный злоупотребляет доверительным отношением потерпевшего, представляя ложные сведения, скрывая фактическую информацию» [3].

Но кроме сходств, такие составы имеют и различия. Под мошенничеством понимают хищение чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотреблением доверием. По объекту мошенничество относится к преступлениям против собственности, а объектом криминальных банкротств являются отношения в сфере экономической деятельности, в частности — общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации норм законодательства

о банкротстве, обеспечивающих защиту имущественных интересов всех участников таких отношений. Предмет мошенничества — чужое имущество, которое не принадлежит преступнику или не принадлежит ему на законных основаниях, а предметом криминального банкротства являются находящиеся в его владении активы, которыми он распоряжается на законных основаниях в соответствии с гражданским законодательством.

Также существуют различия и по субъекту состава преступления. Субъектом преступления предусмотренных статьями 195-197 УК РФ, является специальный, а у мошенничества — общий.

Для того чтобы разграничить данные составы, сравним два примера.

В Измайловском районном суде г. Москвы по статье 196 УК, ч. 2 статьи 201 УК, был осужден гражданин У, который совершил несколько сделок, которые были направлены на создание и увеличения платежеспособности ОАО «П», то есть преднамеренного банкротства, на сумму более 100 миллионов рублей. В результате преступных действий гражданина «У». ОАО «П» было признано арбитражным судом неплатежеспособным. Органы следствия решили, что гражданина «У» также надо привлечь по части 4 статьи 159 УК РФ, но суд при постановлении приговора, исключил данное обвинение в связи с тем, что умысел виновного касался только доведения предприятия до банкротства статья 196 УК РФ [4].

Октябрьский районный суд г. Тамбова, признал гражданину «Ш» виновной в совершении деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 195 УК РФ. Гражданка «Ш» была индивидуальным предпринимателем, заключила кредитный договор с «А» на определенную сумму денег, в качестве залога предоставила банку торговое оборудование. В последствии с намерением похитить денежные средства, которые принадлежали компании «А», затем заключила с компании «Б» кредит на определенную сумму, а в качестве залога предоставила оборудование. Получив доступ к денежным средствам, гражданка «Ш», осуществляя свои преступные намерения по частичному погашению кредита, и предавая правомерный вид своим преступным действием, исполняла свои обязательства по выплате кредитов до определенной даты. Затем она прекратила выплачивать задолженность, и сумма задолженности составила определенную сумму. Тем самым гражданка «Ш» похитила денежные средства.

Раз Гражданка «Ш» была индивидуальным предпринимателем, и имея задолженность перед кредитором, она обратилась в арбитражный суд для того, чтобы признать ее несостоятельной. при предоставлении всех необходимых документов она скрыла одного кредитора, перед которым имела задолженность в определенном размере, а также не указала, что у нее имеется дополнительное имущество, стоимость которого равна стоимости задолженности. Затем она заключила трехсторонний договор и передала имущество другому человеку, тем самым она в непра-

вильной очередности удовлетворила требования кредиторов, в ущерб другим при наличии признаков банкротства [5].

Таким образом, проведя анализ двух судебных практик, которые на первый взгляд кажутся похожими так как и там и там есть признаки как мошенничества, так и банкротства, но отличительной чертой является наличия умысла: если в первом случае у виновного был умысел довести компанию до банкротства, то во втором случае у виновной был умысел как доведения до банкротства, так и в совершении мошеннических действий.

Чтобы отличать мошенничество от криминального банкротства, необходимо обращать внимания на умысел лица совершающего преступления. Обман — это способ совершения многих преступлений, но необходимо учитывать цели преступников, для разграничения смежного состава преступления. При мошенничестве обман выступает как средство завладения имуществом. В преступлениях, связанных с банкротством, виновный извлекается от имущества для уменьшения конкурсной массы или умышленно создает признаки банкротства зная, что без этого компания будет лишена возможности выплатить свои обязательства. При этом субъект криминальных банкротств осознает сам факт причинения крупного ущерба. Если это фиктивное банкротство, то не-

состоятельность отсутствует. Во всех случаях обман используется субъектом для введения кредитора в заблуждение, относительно своего имущественного состояния.

Если специальный субъект совершает мошеннические действия, описанные в частях 1 и 2 ст. 195 УК РФ, ст. 196-197 УК РФ, при наличии определенных признаков, то такое деяние содержит признаки мошенничества только в том случае, если умысел возник до совершения криминального банкротства. Если же у субъекта возник умысел на стадии совершения криминального банкротства, то его действия будут квалифицироваться только в соответствии со статьями 195, 196, 197 УК РФ. Если при анализе финансового состояния выяснится, что не только эти действия привели к банкротству, то в этом случае действия лица будут квалифицироваться по совокупности двух преступлений, то есть по статьям 159 УК РФ и статьи 196 УК РФ [6].

Таким образом, подведя итог, всему вышесказанному, стоит отметить что при дифференциации смежных составов преступлений в юридической литературе, приводятся разные точки зрения относительно побудительных мотивов и целей криминальных банкротств, но акцент больше делается на коростные цели, желание виновных извлекать пользу для себя или других, ну и конечно как говорилось ранее, также необходимо правильно разграничивать умысел лица который совершает преступление.

Литература:

1. Корнеева, А. В. Теоретические основы квалификации преступлений. — М.: Проспект, 2014. — с. 106-107.
2. Разыграева, Е. Н. Криминальное банкротство — форма хищения? // Журнал российского права. — 2017. — No 5. — с. 2
3. Лохвицкий, А. А. Курс русского уголовного права. — СПб., 1867. — с. 657. 4 См.: Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. — СПб., 1871. — с. 271.
4. Приговор по уголовному делу No 1-8/2011 Измайловского районного суда г. Москвы/ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.
5. Приговор по уголовному делу No 1-449/10 от 07.10.2010 г. Октябрьского районного суда г. Тамбова/ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.
6. Бердецких, С. В. Проблемы квалификации криминальных банкротств и отграничение их от смежных составов преступлений // Бизнес в законе. — 2011. — No 2. — с. 139.

Соотношение компетенции арбитража и арбитражных судов

Кузнецова Светлана Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Зарубаева Евгения Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Данная статья посвящена особенностям соотношения компетенций арбитража и арбитражных судов. В статье проанализированы положения действующего законодательства, регламентирующие корпоративные споры. Автор анализирует существующие категории споров, подведомственных арбитражным судам.

Ключевые слова: арбитраж, корпоративные споры, аукцион, третейский суд, неарбитрабельные споры.

The ratio of competence arbitration and arbitration courts

Kuznetsova Svetlana Sergeevna, student master's degree
Scientific adviser: Zarubaeva Evgeniya Yuryevna, candidate of legal sciences, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

This article is devoted to the peculiarities of the relationship between the competences of arbitration and arbitration courts. The article analyzes the provisions of the current legislation governing corporate disputes. The author analyzes the existing categories of disputes under the jurisdiction of arbitration courts.

Keywords: arbitration, corporate disputes, auction, arbitration court, unarbitrable disputes.

В соответствии со ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — АПК РФ) арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Разграничивает компетенцию третейских и арбитражных судов ст. 33 АПК РФ, где закреплено, что на рассмотрение негосударственного суда не могут быть переданы споры, подведомственные арбитражным судам, такие как, споры о банкротстве, споры об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами [5, с. 93].

До вступления в силу Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2] (далее по тексту — ФЗ об арбитраже), определяющего постоянно действующее арбитражное учреждение по администрированию споров в сфере контрактной системы в указанный перечень также входят споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [10, с. 28]. До настоящего времени такой орган по-прежнему не определен.

Из категорий споров, подведомственных арбитражным судам неарбитрабельными в судебной практике были признаны споры, возникающие из государственных и муниципальных контрактов. Также не могут быть предметом рассмотрения арбитража споры, возникающие из правоотношений по расходованию бюджетных средств, такие

споры не могут рассматриваться в негосударственном суде и третейская оговорка или соглашение сторон, о передаче возникающих разногласий в арбитраж считаются недействительными. Любые споры характеризующиеся таким признаком как — реализация бюджетных средств для удовлетворения публичного интереса определяет такой спор, как спор с публичным элементом и такие отношения в виду наличия общественного контроля и повышенного общественного интереса, не могут рассматриваться в третейском суде.

Неарбитрабельными являются и споры, отнесенные к подсудности Суда по интеллектуальным правам, споры о защите интеллектуальных прав с участием организаций, споры по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, споры об установлении фактов, имеющих юридическое значение, категории споров о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, споры, связанные с рассмотрением дел о защите прав и законных интересов групп лиц.

Принципы третейского разбирательства (конфиденциальность, закрытость процесса, неформальный характер разбирательства, упрощенный порядок сбора и представления доказательств, отсутствие информации о принятых решениях, а также невозможность их проверки и пересмотра по существу) не позволяют обеспечить цели публичного (общественного) контроля за такими отношениями, а значит — интересы публичного порядка, в связи с этим такие споры и считаются неарбитрабельными [12].

Не могут быть рассмотрены в арбитраже корпоративные споры о созыве общего собрания участников юри-

дического лица и вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, споры, связанные с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о приватизации государственного и муниципального имущества, споры, возникающие из отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде.

Теперь все корпоративные споры делятся на три группы:

1) неарбитрабельные корпоративные споры, с учетом их особого характера либо специфики субъектного состава, затрагивающие публичный интерес.

2) арбитрабельные — внешние корпоративные споры, не требующие соблюдения особой процессуальной формы.

3) внутренние корпоративные споры, признающиеся арбитрабельными при соблюдении особой процессуальной формы.

Рассмотрения третейским судом споров, вытекающих из соглашений участников юридического лица по поводу управления этим юридическим лицом, включая споры, вытекающие из корпоративных договоров, а также споров по искам участников юридического лица о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и применении последствий недействительности таких сделок достаточно заключения арбитражного соглашения между сторонами соглашения участников юридического лица или сделки. То есть не требуется заключение соглашения всеми участниками общества.

Неарбитрабельными признаются корпоративные споры, связанные с исключением участников юридических лиц, споры, связанные с применением положений главы 11.1 «Приобретение более 30 процентов акций публичного общества» Федерального закона «Об акционерных обществах» [4], а также корпоративные споры, связанные с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, а также должностных лиц.

При этом, введен ряд ограничений для третейских судов, создаваемых для разрешения конкретного спора — арбитража *ad hoc*, на рассмотрение таких третейских судов не могут быть переданы никакие корпоративные споры, зато стороны изначально могут договориться о том, что возникающие из договора споры подлежат разрешению в порядке арбитража.

Споры о защите интеллектуальных прав, где стороной является организация, осуществляющая коллективное управление авторскими и смежными правами, неарбитрабельны, хотя деятельность такой организации не имеет публично-правовой характер. Арбитрабельными представляются споры правообладателей, заключивших с такими организациями соответствующее арбитражное соглашение [9].

К неарбитрабельным относятся споры, перечисленные в ч. 4 ст. 34 АПК РФ, поскольку по большей части это споры с публично-правовым элементом, разрешаемые в административном порядке. Данные дела подлежат рассмотрению в Суде по интеллектуальным правам.

Неарбитрабельными являются дела о несостоятельности (банкротстве). В том случае, если в отношении ответчика будет введена процедура наблюдения, дело о банкротстве считается начавшимся, тогда третейский суд не вправе рассматривать такой спор, который подлежит разрешению в государственном арбитражном суде.

Рассмотрим ситуацию, при которой разбирательство в третейском суде началось, пока сторона еще не была признана банкротом, но во время третейского разбирательства государственный суд принимает решение о ее банкротстве. В соответствии с Федеральным законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] с даты принятия такого решения выставленные требования кредиторов могут предъявляться только в ходе конкурсного производства. В такой ситуации, с момента открытия государственным судом процедуры конкурсного производства в отношении должника, участвующего как ответчик в третейском процессе по спору, который в силу закона подлежит рассмотрению государственным судом в рамках дела о банкротстве, негосударственный суд утрачивает компетенцию по его рассмотрению и должен вынести определение о прекращении третейского судопроизводства [11, с. 111].

Отсутствие в материалах дела всех определений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда также не может являться основанием для возвращения заявления о банкротстве должника, если представлены определения о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда в общей сумме, составляющей более трехсот тысяч рублей [13].

Залогом успеха арбитражной реформы является доверие между третейскими и государственными судами. Законом предписать такое доверие невозможно. Компетентные суды на практике часто используют категории публичного порядка и различные доводы для фактического пересмотра арбитражного решения. Кроме того, судебная практика выработала концепцию объективной беспристрастности, устанавливающую высокий уровень независимости постоянно действующего арбитражного учреждения от его учредителей. Формальное изменение соответствующих моментов, внешнее изменение системы

работы арбитража и даже изменения, внесенные в законодательство неспособны моментально поменять такую практику [7, с. 40].

Представляется, что единообразные про арбитражные подходы по делам об отмене и приведении в исполнение арбитражных решений должны формироваться из разъяснений и правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. В первую очередь это касается нового законодательства, в рамках арбитражной реформы [8].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что третейский суд является негосударственным юрисдикционным органом, разрешающим гражданско-пра-

вовые споры, он не входит в судебную систему Российской Федерации, по предмету арбитража выделяют: третейские суды, рассматривающие споры российских субъектов права и Международный коммерческий арбитраж, состав арбитража определяется соглашением сторон (для суда ad hoc) или правилами постоянно действующего арбитражного учреждения, предметом арбитража могут выступать только споры, вытекающие из гражданско-правовых отношений. Следовательно, в арбитраж не могут быть переданы споры по делам, возникающим из административных и иных публично-правовых отношений, если иное не оговорено в законе [6, с. 63].

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. — 2016. — № 1. — Ст. 2.
3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 31. — Ст. 1.
5. Ануров, В. Н., Егоров К. В., Замазий А. В. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»/В. Н. Ануров, К. В. Егоров, А. В. Замазий. — М.: Статут, 2016. — 352 с.
6. Афанасьева, Е. Г., Вайпан В. А., Габов А. В., Шиткина И. С. Корпоративное право/Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов, И. С. Шиткина. — М.: Статут, 2018. — 990 с.
7. Гальперин, М. Л. Третейские итоги/М. Л. Гальперин // Закон. — 2017. — № 9. — с. 40-47.
8. Горленко, А. А. Арбитраж (третейское разбирательство) в России. Новая эра и новые вызовы/А. А. Горленко // Закон. — 2017. — № 9. — с. 88.
9. Зайцев, А. И. Правовые позиции высших судебных инстанций Российской Федерации по вопросам разрешения споров третейскими судами [Электронный ресурс]/А. И. Зайцев. — Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/361577> (Дата обращения: 01.09.2022 г.).
10. Курочкин, С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж/С. А. Курочкин. — М.: Статут, 2017. — 288 с.
11. Мишина, М. М. Практика рассмотрения компетентными судами заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений Третейского суда при АНО «Независимая арбитражная палата»//М. М. Мишина // Третейский суд. — 2016. — № 2-3 (104/105). — с. 110-117.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». (Дата обращения: 01.09.2022 г.).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.06.2017 № 305-ЭС17-1637 по делу № А40-25395/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 01.09.2022 г.).

Современное состояние государственной охраны объектов археологического наследия на территории Иркутской области

Купцова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются отдельные вопросы государственной охраны объектов археологического наследия, как одной из приоритетной составляющей современной культурной политики. Описана практика применения действующего законодательства по охране объектов археологического наследия на территории Иркутской области, а также узловые проблемы в данной сфере. Особое внимание уделяется учёту, мониторингу и популяризации объектов археологии.

Ключевые слова: культура, археология, государственная охрана, культурное наследие, объекты археологического наследия.

Введение.

Объекты археологического наследия являются частью мирового историко-культурного наследия. Несмотря на то, что в стране ежегодно выявляются десятки новых археологических объектов, количество их сокращается в результате воздействия негативных антропогенных и природных факторов. Проблема сохранения археологического наследия, наряду с научным изучением, в настоящее время приобретает особую актуальность на фоне увеличившихся темпов хозяйственного и промышленного освоения новых территорий.

В Российской Федерации закреплён комплекс мер по государственной охране, использованию, сохранению и популяризации археологического наследия, который отражён главным образом в Федеральном законе от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — ФЗ-73) и Положении о государственной историко-культурной экспертизе. Исключительное право по регламентации полевых археологических работ, включая установление на всей территории Российской Федерации единого порядка их проведения и единых требований к методам научных исследований объектов археологического наследия, принадлежит Российской академии наук. Археологические исследования регламентируются Положением о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации и проводятся на основании выдаваемого Министерством культуры РФ разрешения на основании Правил выдачи, прекращения и приостановления действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия [3;4;5].

Согласно ст. 33 ФЗ-73 под государственной охраной подразумевается учёт объектов культурного наследия, установление ограничений права собственности; установление ответственности за причинение вреда, ежегодный мониторинг состояния; утверждение предмета охраны, границ территории объектов. Мероприятия, проводимые уполномоченными государственными органами, позво-

ляют предотвратить нарушение установленного порядка использования объектов культурного наследия, а также защитить их от негативного влияния антропогенных и природных факторов.

Следует отметить, что охрана и сохранение объектов культурного наследия не являются тождественными понятиями. Охрана объектов культурного наследия отражает комплекс «юридических» мер, тогда как сохранение объектов подразумевает выполнение мероприятий, направленных на обеспечение их физической сохранности в современной среде. Как пример можно рассмотреть один из уникальных объектов археологического наследия Иркутской области «Писаницы «Шишкинская шаманка». Объект представляет собой галерею рисунков отражающих духовную культуру древних сообществ на протяжении длительного времени от палеолита до средневековья. Археологический памятник поставлен на государственную охрану в 1960 году, в 2015 году приказом Министерства культуры РФ включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Российской Федерации (далее — реестр). Региональным органом охраны утверждены границы, предмет охраны и режим использования территории объекта, собственнику выдано охранное обязательство. Данные мероприятия являются мерами по государственной охране. В тоже время, администрацией муниципального района, для пресечения актов вандализма со стороны неорганизованных туристов, рядом с объектом установлен стационарный пост охраны с круглосуточно присутствующим сторожем. Силами центральных специализированных реставрационных институтов выполнены консервационные работы на скальных плоскостях с рисунками, что является мероприятиями по сохранению памятника.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть исключительно аспект государственной охраны объектов археологии.

Учет и систематизация объектов археологии.

На территории Иркутской области насчитывается 10016 памятников культурного наследия из них 4610

(46%) объекты археологического наследия. Возраст самых древних находок более 100 тысяч лет, самых «юных» — 200-300 лет от наших дней. Коллекции археологического

материала насчитывают сотни тысяч предметов из камня, кости, рога, бронзы, железа, хранятся и экспонируются они как в музеях области, так и в ведущих музеях страны.

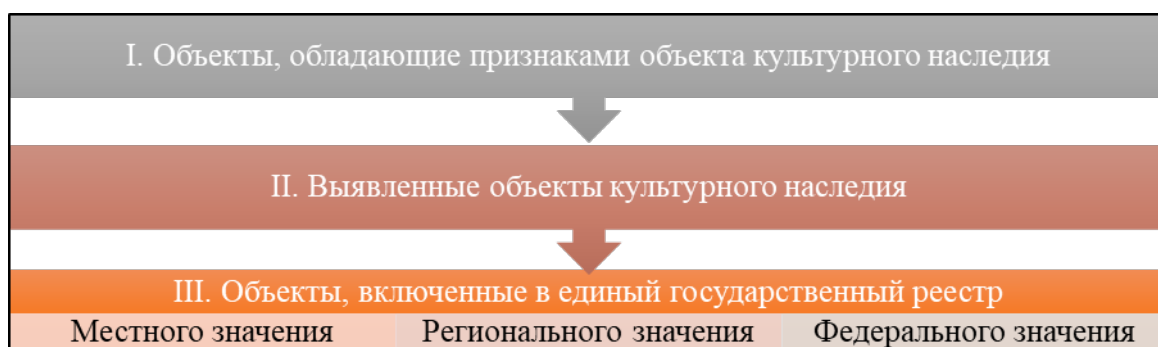

Рис. 1. Систематизация объектов культурного наследия в соответствии с категорией охраны

В соответствии с действующим законодательством в зависимости от категории историко-культурного значения объекты культурного наследия могут быть федерального, регионального и местного значения [6]. Стоит понимать, что разграничение касается только тех объектов культурного наследия, которые уже *включены в реестр*. Помимо объектов, включенных в реестр, региональные органы охраны ведут учет двух других категорий — *объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия* (рисунок 1).

На первом этапе после обнаружения, объект истории и архитектуры получает статус объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия (ООПОКН). Региональные органы охраны ведут учет ООПОКН, но объекты археологии чаще всего данный этап «пропускают», так как в соответствии со п. 16 ст. 16.1 ФЗ-73 после обнаружения сразу получают статус выявленных объектов и встают на государственную охрану.

В отношении объектов истории и архитектуры, после проведения процедуры определения историко-культурной ценности, региональным органом охраны принимается решение о включении или об отказе во включении такого объекта в перечень выявленных объектов. Объекты археологического наследия включаются в перечень выявленных объектов в течение трех рабочих дней после получения уведомления от археолога об их обнаружении. В свою очередь археолог, получивший разрешение (открытый лист) на проведение археологических полевых работ, обязан письменно уведомить региональный орган охраны о выявлении нового объекта в течение 10 дней после обнаружения. Кроме того, археолог обязан не только предоставить текстовое описание обнаруженного объекта, но и характерные точки его границ. Следует отметить, что в большинстве случаев данное требование закона является для археологов трудновыполнимым. Зачастую, новые объекты выявляются на территории, значительно удаленной не только от центров административно-территориальных образований, но и от небольших населенных пунктов. На момент обнаружения

объекта археологии, специалисту не всегда удается связаться с региональным органом охраны по телекоммуникационным сетям, тем более проинформировать его письменно.

В настоящее время в Иркутской области на учете из 4610 числится 4222 выявленных объекта археологии, что превышает в 11 раз число объектов, включенных в реестр. Очевидно, что процесс выявления объектов непосредственно связан с хозяйственным освоением территории, поскольку до начала строительных и земляных работ, в соответствии с действующим законодательством, проводится государственная историко-культурная экспертиза участка, которая имеет форму археологической разведки [6]. Заказчиками историко-культурной экспертизы земельных участков являются физические и юридические лица, которые в большинстве случаев не заинтересованы в выявлении новых объектов на «своей» территории, поскольку это обременяет их денежными затратами на проведение мероприятий по сохранению или проведению спасательных археологических работ. Не все объекты выявляются в ходе экспертиз объектов нового строительства, многие из них обнаруживаются в результате целевых археологических разведок исходя из научных интересов археологов. Небольшая часть объектов выявляется в ходе реализации ведомственных целевых государственных программ.

За последние три года в Иркутском регионе было выявлено около 120 объектов археологии. Территориальное распределение выявленных объектов весьма неравномерно. Причиной тому труднодоступность и не освоенность северных районов области.

Иркутская область занимает 4 место по площади территории регионов России [2]. Регион в основном расположен в зоне тайги, часть территории расположена в районах, приравненных к районам Крайнего Севера, следовательно, процесс освоения территории происходит неравномерно и, к сожалению, большая часть северных районов области остается необследованной археологами (рисунок 2).

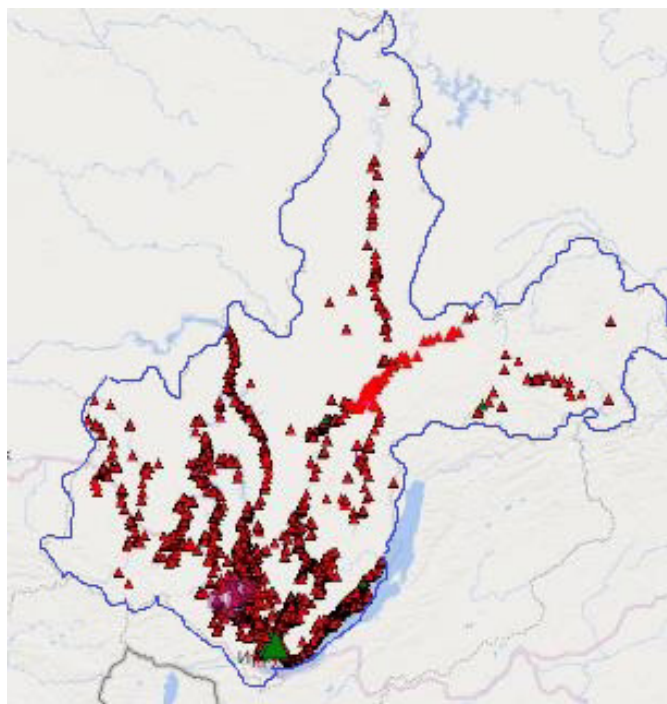

Рис. 2. Карта расположения объектов археологического наследия Иркутской области

В том случае если выявленный объект культурного наследия на основании положительного заключения государственной историко-культурной экспертизы было решено внести в реестр, он получает статус объекта, включённого в реестр. Историко-культурную экспертизу организует региональный орган охраны, но решение о регистрации объекта в реестре принимает Министерство культуры РФ. Стоит отметить, что объекты археологии включаются в реестр исключительно как объекты федерального значения. В настоящее время на учёте в Иркутской области стоят 388 памятников археологии, включённых в реестр. Большую часть из них составляют объекты, поставленные на государственную охрану ещё в 1950-2001 годах и в соответствии со ст. 64 ФЗ-73 «автоматически» включенные в реестр без проведения историко-культурной экспертизы. Только 8 памятников из 388 включены в реестр на основании положительного заключения государственной историко-культурной экспертизы. Это подтверждает, что процесс выявления новых археологических местонахождений значительно опережают процесс их постановки на государственную охрану (внесение в реестр).

Утверждение границ и предметов охраны объектов археологии.

Согласно Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года одним из приоритетных направлений государственной политики в данной сфере является обеспечение государственной охраны 100% объектов культурного наследия путем утверждения границ их территории и предметов охраны. Установление границ памятника — задача археолога, утверждение границ — задача госоргана. Границы определяются археологом в ходе полевых работ, но после их определения региональный

орган охраны передает этим границам нормативно-правовой «вид». Утверждение границ происходит путем издания правового акта, включающего в себя графическую информацию в виде схем, карт, географических координат и текстового описания границ объекта. Проанализировав публикации, посвященные данной проблеме, можно сделать вывод, что определение и утверждение границ является актуальной и первоочередной проблемой в сохранении памятников в большинстве регионов страны. Иркутская область не является исключением, ведь у большинства объектов археологии границы территории до сих пор не установлены и не утверждены. Из 4610 объектов археологии только 764 имеют утверждённые правовым актом границы (17%). Большую часть неустановленных границ имеют объекты, выявленные в советский период. Отсутствие утверждённых границ приводит к невозможности определить правовой режим территории, что в свою очередь повышает риск причинению вреда в результате антропогенного воздействия.

Мониторинг состояния объектов археологии.

Государственная охрана включает в себя мероприятия по осмотру состоянию памятников археологии целях обеспечения их сохранности [6]. Количество объектов, подлежащих осмотру, определено Приказом Министерства культуры РФ от 20.04.2016 г. № 876 и составляет 20% от общего числа объектов, включенных в реестр. Мониторинг выявленных объектов археологии законодатель не регламентирует, но на практике он осуществляется одновременно с осмотром реестровых объектов. Мониторинг позволяет выявить и зафиксировать факторы угрозы разрушения памятников, проследить динамику состояния объекта. Благодаря мониторингу в Иркутской области за последние 10 лет было выявлено около 7-ми нарушений

режимов использования территории памятников, кроме этого ежегодно выявляется около 3-х случаев проведения несогласованных строительных работ, без проведения историко-культурной экспертизы земельных участков.

Несмотря на то, что законодатель определил регулярность проведения осмотра каждого памятника раз в пять лет, в отношении некоторых объектов такой срок не является оптимальным. Объекты, подвергающиеся высокому антропогенному воздействию, входящие в состав туристических маршрутов, для которых существует угроза утраты, осматриваются раз в год. Для повышения эффективности в регионе используется практика проведения мониторинга совместно со специалистами-археологами, профессиональный опыт которых необходим не только для более точного определения местонахождения объекта, но и для установления степени его сохранности.

Одной из главных проблем проведения результативного мониторинга является удалённость большинства памятников от населенных пунктов. Многие объекты расположены в труднодоступных местах, в таежной местности, на берегах горных рек, добраться до которых возможно только пешим способом или водным транспортом. Удаленность объектов, а также ограниченность бюджетных ресурсов, выделяемых для данных мероприятий, делает систематический мониторинг некоторых объектов трудновыполнимым. В этих условиях, совершенно очевидно, что традиционных методов осмотра недостаточно.

В отечественной и зарубежной практике существует опыт применения таких приемов, как аэрофотосъемка, космосъемка, дистанционное зондирование земли не только для выявления объектов, но и для проведения их государственной охраны. Применение данных методов в исключительных случаях позволяет контролировать деятельность строительных организаций, выполняющих работы в непосредственной близости от памятников и оперативно предотвращать нанесение им ущерба [1].

В Иркутском регионе применение подобных методов затруднительно, а зачастую вовсе невозможно. Причиной тому являются географические условия — более 75% территории Иркутской области занято тайгой. Густая темнохвойная растительность надежно «скрывает» как территорию самих археологических объектов, так и возможную хозяйственную деятельность в их границах. В географических условиях Иркутской области методы дистанционного зондирования применимы лишь для наблюдения за строительством крупных объектов — газопроводов и нефтепроводов, дорожной сети, открытой разработки карьеров полезных ископаемых. Следует отметить, что даже в этих случаях ценность наблюдений весьма сомнительна по причине отсутствия «оперативности». Получение информации дистанционного зондирования земли в реальном времени связано со значительными финансовыми затратами, которые трудно резервировать в региональном бюджете органов охраны, а использование общедоступных снимков земной поверхности годичной давности с открытых интернет-ресурсов сводит на нет целесообразность такого «мониторинга».

По мнению автора, решение этой проблемы находится в компетенции государства, путем создания единой информационной системы оперативного спутникового мониторинга для органов исполнительной власти, занимающихся охраной лесов, водных объектов, объектов животного мира и, в том числе, объектов культурного наследия.

Проблема собственности объектов археологии.

Согласно ст. 48 ФЗ-73, объекты культурного наследия могут находиться как в федеральной, так и региональной, муниципальной или частной собственности. В отличие от других типов памятников, объекты археологии могут находиться исключительно в государственной собственности, т.е. в региональной или федеральной. Стоит упомянуть, что объект археологии и земельный участок, на котором он расположен, находятся в гражданском обороте раздельно. В тоже время именно на собственнике земельного участка, на котором расположен памятник археологии, лежит обременение об обеспечении сохранности памятника. Собственник участка обязан соблюдать режим использования территории, обеспечить неизменность внешнего облика и предмета охраны памятника, обеспечить беспрепятственный доступ граждан к объекту культурного наследия. В настоящее время из 4610 объектов археологии Иркутской области, собственник определен только у 25-ти объектов федерального значения. Остальные объекты не учтены в государственном реестре имущества ни Российской Федерации, ни Иркутской области. Отсутствие собственника не дает возможности установить ограничения (обременения) имущественных прав и требования по содержанию и использованию объектов археологии, которые содержатся в охранном обязательстве.

Подготовка и утверждение охранных обязательств собственников объектов культурного наследия является одним из мероприятий по государственной охране. До 2020 года региональным органом охраны Иркутской области велась работа по утверждению охранных обязательств и регистрации их в Едином государственном реестре недвижимости. Собственники земельных участков всегда информировались о наличии на их территории объектов археологии. В настоящее время, в связи с утверждением новой формы охранного обязательства (приказ Министерства культуры РФ от 13.07.2020 г. № 774), в его подготовке возникают определенные трудности. Новая форма охранных обязательств предусматривает обязательное согласование с собственником объекта перечня и сроков мероприятий по его сохранению, а также условия обеспечения доступа к объекту. Отсутствие собственника не дает возможность согласовать мероприятия, и, следовательно, утвердить охранное обязательство.

Проблема популяризации.

Одной из задач государственной охраны является популяризация объектов археологического наследия. На первый взгляд может показаться, что популяризация не является первоочередной и важной задачей, но именно

она является элементом стратегического управления культурным наследием. Зачастую научные археологические открытия остаются известны только в узких профессиональных кругах. От того насколько общество владеет информацией о науке археологии как таковой и об археологических памятниках, в частности, понимает их ценность и значимость, зависит сохранность объектов. Информация о существовании на территории Сибири уникальных археологических объектов не должна быть изложена только в специализированных научных изданиях, она должна получить дальнейшее распространение в обществе через современные средства информации.

Несмотря на сложность и опасность сильной антропогенной нагрузки, объекты археологического наследия должны быть включены в туристический оборот. Объекты археологии, могут стать такой же точкой притяжения туристов, как и объекты природного наследия области. Популяризация памятников археологии и науки археологии в целом может включать в себя такие элементы как увеличение в школьной программе количества часов, уделенных древней истории, быту и хозяйственному укладу древнего населения; повышение информативности и吸引力的 музейных экспозиций; увеличение количества и качества научных информационных интернет-каналов, позволяющих не только познакомиться, но и визуализировать научные открытия и др.

В настоящее время единая концепция археологического туристического развития и популяризации памятников археологии Иркутской области только начинает свое развитие. В 2021 году в рамках работы поручений Правительства о развитии регионального туризма и культурного потенциала области была разработана концепция сохранения уникальных объектов археологии «Стоянка «Мальта» и «Комплекс памятников «Глазковский некрополь». Проект создания археологического кластера «Мальта» разработан на основе частичной музеефикации археологического объекта федерального значения «Стоянка Мальта». Проектом предлагается создать на месте стоянки археологический полифункциональный музейный комплекс, включающий в себя три «квартала»: туристический, рекреационный и научно-музейный. Идея музеефикации «Глазковского некрополя» зародилась в научных кругах еще во второй половине XX века. В 1998 г. были выполнены работы по изучению истории археологических изысканий и разработана схема функционального и охранного зонирования территории памятника. В 2006 г. идея музеефикации памятника была представлена на презентации Иркутской области в Пекине как «музей древностей». В 2008 г. разрабатывается эскизный проект музейного комплекса и в октябре 2010 г. он был представлен в Представительстве Иркутской области в г. Москва на встрече руководителя региона с представителями федеральными органами власти в части культурного потенциала Иркутской области. До настоящего времени проект не реализован, и одной из многих причин этому является отсутствие поддержки бизнес-структур. Проект явля-

ется долгосрочным и требует большого объема финансирования, в связи с этим привлечение элементов государственно-частного партнерства могло бы ускорить процесс его реализации.

Заключение.

Несомненно, культурный потенциал археологического наследия должен быть «широко реализован», как историческое и научное достояние государства, грамотно включен в туристический оборот регионов и бережно сохранен для будущих поколений и науки.

За более чем сто лет развития археологии, в Иркутской области была накоплена огромная база научных исследований, выросли целые поколения именитых археологов. В российском и международном научном сообществе известен термин «иркутская школа археологии». Сильной стороной археологического наследия области является не только большое количество уникальных объектов, но и хорошая сохранность их культурного слоя, что делает возможным их музеефикацию и дальнейшее изучение.

Необходимость проведения работ по музеефикации памятников археологии становится всё более актуальной в связи с угрозой их утраты. С каждым годом ускоряющиеся темпы хозяйственного освоения территорий и новое строительство приводят к разрушению уникальных археологических объектов. Недостаточная осведомленность общества усугубляет существующую проблему. Популяризация научных знаний и введение в туристический оборот памятников археологии, могут быть вариантами выходов из сложившейся ситуации. Вовлечение в туристический оборот памятников приводит в действие механизм проведения работ по их сохранению, включающий реставрацию, исследование, археологические раскопки, которые можно рассматривать как первый этап подготовки к музеефикации и экспонированию.

Другой проблемой сохранения памятников археологии остается отсутствие специализированных фондохранилищ археологического материала. Археологические предметы, требуют специальных методов обработки и хранения. Приказом Министерства культуры РФ от 27.11.2015 г. № 2877 предусмотрена обязанность исследователя в 3-х летний срок после завершения обработки археологического материала сдать его в государственную часть музейного фонда, но, к сожалению, музеи не могут принять все археологические находки. При наличии огромного количества археологических материалов, коллекции временно хранятся в научных центрах, лабораториях университетов. Научные археологические подразделения вынуждено становятся «нарушителями закона», не имея возможности сдать археологический материал в государственный музейный фонд в установленном порядке.

Государственную охрану археологического наследия необходимо рассматривать, как отдельный элемент государственной охраны культурного наследия, который имеет свои особенности. Целью государственной охраны памятников археологии должно быть не только обе-

спечение сохранности объектов, но и создание условий для увеличения общественного интереса к информации о научных археологических открытиях.

Иркутская область является одним из лидирующих субъектов по количеству учтенных объектов археологии,

создание единой концепции сохранения и развития археологического потенциала позволит включить в научный и культурный оборот уникальное историческое достояние, повысит рейтинг и инвестиционную привлекательность региона.

Литература:

1. Кениг Александр Владимирович, Зайцева Евгения Александровна Применение технологии ГИС и методов ДЗЗ в системе выявления, мониторинга и охраны объектов археологического наследия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-gis-i-metodov-dzz-v-sisteme-vyyavleniya-monitoringa-i-ohrany-obektov-arheologicheskogo-naslediya> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Площади территорий регионов России// Worldgeo: Всемирная география, 2022. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=22> (дата обращения 28.08.2022 г.).
3. Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной документации (утверждено постановлением Российской Академии наук от 20 июня 2018 года № 32) URL: <https://base.garant.ru/72031634/> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009 г. — № 30. — Ст. 3812.
5. Постановление Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127. «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 9. — Ст. 910.
6. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 26. — Ст. 2519.

Пытки как квалифицирующий признак превышения должностных полномочий

Миллер Виталия Игоревна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автором рассматривается квалифицирующее нововведение в виде пыток в ст. 286 УК РФ, регламентированную ответственность за превышение должностных полномочий. Анализируется практика совершенного деяния в рамках ст. 286 УК РФ сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний РФ. Акцентируются положительные аспекты данного введения.

Ключевые слова: *превышение должностных полномочий, пытки, должностное лицо, сотрудники исполнения наказаний*

В условиях современного развития государства, где права и свободы каждого человека являются высшей ценностью и все направлено на обеспечение гармоничного развития общества, важнейшее значение имеет деятельность государственных органов, учреждений и их структур, а также добросовестное выполнение своих обязанностей работающих в них служащих.

Вместе с тем, широкие возможности, которыми наделяют служащего государство, общество и граждане для исполнения занимаемой должности, влекут превышение возложенных на них полномочий. Превышение же должностных полномочий представляет собой один самых распространенных и опасных видов преступлений, совершаемых долж-

ностными лицами, поскольку затрагивает права и законные интересы граждан, организаций, общества и государства.

Борьба с любым должностным преступлением, напрямую зависит от степени развития системы управления и контроля, от широты и полноты правовых понятий.

С развитием технического прогресса, большое информационное поле занимают средства массовой информации, информируя о совершенных преступлениях, подлежащие широкой огласке в различных источниках.

В 2021 году широкую огласку, благодаря СМИ, получили пытки заключенных в учреждения ФСИН в Саратове, Забайкалье, Омской области и других регионах, определившие необходимость принятия серьезных мер.

Потерпевшие почти никогда не заявляют о данных фактах, опасаясь мести со стороны сотрудников. Выявляются такие факты, как правило, либо прокурорской проверкой, либо опубликованием видеозаписей с места преступления в сети Интернет. [1] Проверки законности, проводимые общественными наблюдательными комиссиями, нарушений обычно не находят, что заставляет задуматься о качестве проводимых служебных проверок.

В науке уголовного права данный вопрос давно вызывал беспокойство, потому как в российское законодательство не закрепляет прямого запрета на применении пытки, хотя предусматривает ответственность за посягательства, содержащие пытки в п. д ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание» и ч. 2 ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний». [2]

Статья 21 Конституции РФ ставит достоинство личности под государственную охрану. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. [3]

До 14 июля 2022 года ст. 286 УК РФ в части 3 содержала квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий в виде применения насилия или угрозы его применения, применение оружия или специальных средств (умышленные действия, связанные с использованием поражающих свойств указанных предметов, или использование их по назначению), которая была дополнена частью 4 — применением пыток. [4]

Федеральный закон [5] ввел в примечание 1 ст. 286 УК РФ новое определение «пытки», сформулированное с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которое обозначает действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его

или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера.

Не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями.

В определении ввелась такая цель применения пытки, как «запугивание», ведь именно запугивание было основной целью применения пыток в последних громких скандалах в системе ФСИН России.

Своими действиями сотрудники, совершающие преступления, подрывают авторитет ФСИН в глазах населения, распространение подобных случаев формирует негативный образ данного органа и правоохранительной системы в целом.

Должностные лица массово, особенно в колониях, скрывают информацию о пытках. С введением статьи для тех, кто видел и знал, что, например, в ИК практикуются пытки, теперь будет существовать риск уголовного наказания за сам факт укрывательства. Должностные лица не могли быть привлечены к ответственности, потому что они не участвовали, а наблюдали, а в должностные полномочия не входила обязанность сообщить об этом.

В связи с этим устанавливается положительный шаг, ввиду того что пытка становится особо тяжким преступлением, увеличивается срок давности привлечения к ответственности, появляется ответственность за укрывательство преступления.

Однако законодатель сконцентрировал свое внимание исключительно на пытке как такой, не учтя существенные моменты в виде субъекта преступления, которое определяется гораздо шире.

Пытка не стала самостоятельным составом преступления — она стала крайней степенью тяжести превышения должностных полномочий, то есть приписывается в специальной статье к специальному субъекту.

Факт внесения в уголовный закон понятия пыток имеет положительное значение, но требует дальнейшего практического осмысления.

Литература:

1. Серебренникова, А.В. Лебедев М. В. Необходимо ли введение в уголовный кодекс РФ нормы, устанавливающей ответственность за пытки? // *Colloquium-journal*. 2019. № 40. с. 81-83.
2. Пошелов, П.В. Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершенным сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации // *Российский судья*. 2022. № 6. с. 25-28.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // *СЗ РФ*. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (последняя редакция) // *Российская газета*. № 159. 21.07.2022.

Принцип добросовестности: сущность и назначение

Мильчаков Алексей Андреевич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В представленной статье исследуется принцип добросовестности: его понятие, правовая природа и назначение. Проводится анализ норм гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся принципа добросовестности.

Ключевые слова: добросовестность, недобросовестность, bona fides, Treu und Glauben.

Законодательство в сфере осуществления и защиты гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей подчиняется собственным базовым принципам, одним из которых является принцип добросовестности.

На этапе становления общественных отношений и особенно в сфере товарообмена человеку была необходима некая опора, выразившаяся в таком нравственном явлении как доверие к чужой честности. Человек ожидает правильного поведения и выполнения данных ему обещаний, сам при этом обязуется действовать соответственно. С развитием и укреплением правопорядка фактическое ожидание выполнения взятых обещаний получает правовую защиту, образуя при этом принцип доброй совести.

В результате дальнейшего генезиса данный принцип стал служить в качестве основания для возникновения обязанностей помимо предусмотренных нормами формального права, а также вспомогательным средством при толковании формальных норм [5].

Этимология понятия добрая совесть (bona fides, Treu und Glauben, etc.), составляет такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении. Вместе с тем принципом доброй совести выражаются связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого; подчинение каждого равномерно идее общего блага, поскольку она проявляется или отражается на отношении между данными лицами [6, с. 132].

Еще в III в. до н. э. в римском праве bona fides проявляется как активная степень защиты между лицами, участвующими в различных договорных правоотношениях, таких как найм, купля-продажа, мена и т. д. Судьям при разрешении споров рекомендуется разбирать дело ex fide bona, тем самым позволяя использовать большую свободу и самостоятельность в обращении с материалом, опираться не только на формальные нормы, но и на общепризнаваемые моральные и этические основы общественных отношений. Также судьи используют bona fides при толковании договоров, выводят основания для прекращения права требования или лишения правовой защиты, разрешают вопросы злоупотребления правом. В свою очередь, участники гражданского оборота должны определять и строить свои взаимные от-

ношения так, как принято среди добропорядочных и честных людей.

Развитие юридической науки в Европе в Средние века основывалось на изучении римских источников права, результаты которого легли в основу законодательных актов позднесредневекового и послесредневекового периодов.

Появляющиеся в XVIII-XIX вв. кодификации показывают, как интерпретировались в законодательных актах понятия bona fides и Treu und Glauben. Так, в кодифицированном общем праве Прусского государства (prALR) от 1794 г. в § 270 I 5 содержится довольно скромная норма о том, что «договоры должны исполняться в соответствии с их полным содержанием». Значительно дальше в плане нормативных формулировок пошел Французский гражданский кодекс (ФГК) 1804 г., в котором были закреплены нормы, вобравшие в себя значительный объем того, что было наработано европейской правовой мыслью в предыдущие столетия. Именно Кодекс Наполеона в дальнейшем сыграл особую роль для последующих кодификаций. В соответствии с абз. 3 ст. 1134 ФГК при исполнении договоров должнику вменяются обязанности лояльности (obligation de loyauté) и сотрудничества (obligation de coopération). Согласно ст. 1135 ФГК на стороны возлагаются не только те обязательства, которые прямо обозначены в договоре, но и все их последствия, которые возникают в результате соблюдения принципа справедливости, обычаев и закона в соответствии с природой правовой сделки. Считается, что последовавшие сразу за ФГК кодификации Баденского и Рейнского права переняли нормы французского права [5].

Позже немецкие юристы исследуют и развивают принцип добросовестности, и уже 1 июля 1896 года Рейхстаг принимает ГГУ, где данный принцип отражен в § 242 («Должник обязан исполнить обязательство таким образом, как это требует Treu und Glauben с учетом обычаев оборота»).

Следует отметить, что на международном уровне впервые понятие добросовестности получило отражение в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., в ст. 7 (1) предусматривается правило, что при толковании Конвенции необходимо «соблюдать добросовестность в международной торговле». Более широкий подход был применен в США, где Единообразный торговый кодекс в ст. 1-203

установил что «на каждый контракт или обязательство налагается обязанность добросовестности при их исполнении и принудительном осуществлении» и для этих целей ст. 1-201 определяет добросовестность как «честность во всем, что касается поведения или сделки». Статья 1.7. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА устанавливает, что «каждая из сторон должна действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле»; ст. 1.106 (1) Принципов Европейского договорного права содержит правило, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей каждая из сторон должна действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой. Согласно положению 1-1.103 Проекта Общей системы принципов, понятий и типовых правил Европейского частного права (DCFR) термин «добросовестность и честная деловая практика» относится к стандарту поведения, характеризующегося честностью, открытостью и учетом интересов другой стороны в сделке или в иных рассматриваемых отношениях. В частности, противоречат добросовестности и честной деловой практике действия стороны, несовместимые с предшествующими заявлениями или поведением, когда другая сторона обоснованно положила на них, что повлекло причинение ей ущерба [1].

В настоящее время принцип доброй совести содержится почти во всех европейских кодификациях, в том числе и ГК РФ, оказывая необычайное влияние на порядок и качество правовых отношений гражданского оборота.

В современной доктрине существует множество определений понятия добросовестность, однако единого мнения среди ученых не сложилось.

И.Б. Новицкий предлагает понимать добросовестность в субъективном и объективном смысле. Добросовестность в субъективном смысле заключается в формуле «не знал и не должен был знать». В объективном смысле добросовестность следует понимать, как внешнее мерило общественных отношений, стандарт поведения индивида в обществе, образ мыслей честных людей, т.е. требование к должному поведению участников гражданско-правовых отношений.

А.А. Малиновский под добросовестностью понимает желание субъекта осуществлять только правомерное поведение, не нарушая правопорядок, избегая при этом использования пробелов и коллизий права [4, с. 103].

Е.Е. Богданова считает, что под добросовестностью следует понимать сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Нравственность поведения оценивается на противопоставлении категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление общества о добре, следует считать добросовестным. Поведение, от-

ражающее представление общества о зле, — недобросовестным. (Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7.)

С.А. Краснова понимает добросовестность как субъективную сторону поведения участников гражданских правоотношений. Если такое поведение соответствует закону, то оно позволяет беспрепятственно осуществлять свои права и выдвигать требования по исполнению обязанностей, в противном случае, то есть при отсутствии добросовестности, влечет негативные правовые последствия [3, с. 63].

В.И. Емельянов указывает, что лицо, реализующее свое субъективное право, можно расценивать как добросовестное, только при условии, что оно действует без умысла причинить вред и не допускает небрежности в отношении другой стороны [2].

К.И. Скловский понимает добросовестность как изначальную позицию лица уважающего другую сторону правоотношения и считающего ее равной себе [7].

В юридической литературе существуют некоторые взгляды авторов, согласно которым принцип добросовестности является доправовым, и что его скорее можно познать только при помощи внутреннего чувства или внутреннего голоса, чем понять в формально-определенном смысле. Однако, как справедливо замечает И.Б. Новицкий, «это значило бы лишить понятие доброй совести признаков объективного мерила, превратить его в субъективный взгляд каждого отдельного члена общезития, что явно неправильно и недопустимо». По нашему мнению, признаки добросовестного или недобросовестного поведения проявляются объективно, через действия или бездействия конкретных лиц, им можно дать объективную правовую оценку, следовательно, утверждать, что данный принцип можно познать лишь субъективно при помощи внутренних чувств скорее ошибка, чем действительность. Указанный принцип обеспечивает функции и задачи правопорядка, служит ориентиром к социальному идеалу, а также способствует морально-нравственному воспитанию всех участников гражданского оборота, являясь дополнительным помощником не только для суда, разрешающего различные правовые споры, но и для законодателя, занимающегося правотворчеством. Таким образом, принцип добросовестности является скорее правовым, чем доправовым.

Как уже отмечалось ранее, ГК РФ также предусматривает введение принципа добросовестности. Так согласно п. 3 ст. 1 при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Законодатель не раскрывает определение понятия добросовестности, однако в п. 1 ст. 10 ГК РФ указывает на некоторые признаки недобросовестного поведения, к которым относятся:

- 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
- 2) действия в обход закона с противоправной целью; иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Также в ГК РФ содержатся нормы, которые так или иначе связаны с принципом добросовестности (например п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 53, п. 4 ст. 62, п. 4 ст. 65.2, п. 3 ст. 157, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 179, п. 3 ст. 307, ст. 431.1, ст. 431.2, п. 3 ст. 432, ст. 434.1, п. 4 ст. 450, с. 450.1, ст. 451).

В свою очередь п. 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Таким образом, из анализа совокупности правовых норм, касающихся принципа добросовестности следует, что воля законодателя направлена на порядок и организацию правовых отношений ядром которых является честность и взаимное уважение всех участников гражданского оборота, а также разумность и взаимное сотрудничество.

Литература:

1. Богданова, Е.Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве/Е.Е. Богданова. — Текст: электронный // Актуальные проблемы российского права. — 2014. № 7. с. 1366-1369. — URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2015/12/АППР-№-7-2014.pdf>/(дата обращения: 19.08.2022).
2. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами: учебное пособие/В.И. Емельянов. — Москва: Лекс-Книга, 2002. — 160 с. — ISBN: 5-94558-001-5. — Текст: непосредственный.
3. Краснова, С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве/С.А. Краснова. — Текст: электронный // Журнал российского права. — 2003. № 3. с. 62-67. — URL: <https://jrnprnoma.ru/articles/article-1963.pdf?1662732072>/(дата обращения: 19.08.2022).
4. Малиновский, А.А. Усмотрение в праве/А.А. Малиновский. — Текст: электронный // Государство и право. — 2006. № 4. — с. 102-104. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9243300>/(дата обращения: 19.08.2022).
5. Нам, К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики/К.В. Нам. — Москва: Статут, 2019. — 280 с. — ISBN 978-5-8354-1558-8. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/94620.html> (дата обращения: 21.08.2022). — Режим доступа: Цифровой образовательный ресурс IPR SMART; для зарегистрир. пользователей. — Текст: электронный.
6. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права/И.Б. Новицкий. — Текст: электронный // Вестник гражданского права. — 2006. № 1. — с. 124-181. — URL: <https://gendocs.ru/v14117/?cc=1&view=pdf>/(дата обращения: 19.08.2022).
7. Скловский, К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России/К.И. Скловский. — Текст: электронный // Хозяйство и право. — 2002. № 9. с. 79-94. — URL: <http://lawlibrary.ru/article1126860.html?ysclid=17ujx6abue84845086>/(дата обращения: 19.08.2022).
8. Суханов, Е.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1. Общая часть: учебник/Е.А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019. — 576 с. — ISBN 978-5-8354-0701-9. — Текст: непосредственный.

Некоторые проблемы института недостойных наследников

Митин Сергей Николаевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Статья посвящена непосредственному анализу института недостойных наследников, в частности его сущностной характеристике, а также рассмотрению оснований для признания гражданина недостойным наследником. Посредством анализа трудов ученых цивилистов, были сформулированы основные выводы, касающиеся проблематики данного института.

Ключевые слова: наследник, недостойный наследник, наследственная масса, завещание.

Some problems of the institute of unworthy heirs

Mitin Sergey Nikolayevich, student master's degree
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (St. Petersburg)

The article is devoted to the direct analysis of the institution of unworthy heirs, in particular its essential characteristics, as well as consideration of the grounds for recognizing a citizen as an unworthy heir. Through the analysis of the works of civil scientists, the main conclusions concerning the problems of this institute.

Keywords: the heir, the unworthy heir, the hereditary mass, the will.

Юридической науке давно известная такая понятийная категория, как «недостойный наследник». Рассматривая вопрос наследственных отношений ретроспективно, можно отметить, что данные правоотношения во все исторические периоды развития отрасли гражданского права отличались сложностью и многогранностью содержания. На сегодняшний день вопрос наследования достаточно точно законодательно регламентирован. Однако трактование и применение данных правовых конструкций представляет как практический, так и абстрактно-теоретический интерес. Если расширительно трактовать значение статуса недостойного наследника, руководствуясь положениями пункта 1 и 2 ст. 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации, то можно определить, что под данной категорией понимаются лица, отстраненные от права наследования, в силу совершения незаконных действий как в отношении наследодателя, так и иных лиц, имеющих права на часть наследственной массы [1]. Тем самым, анализируя диспозицию данной статьи Гражданского Кодекса Российской Федерации, можно провести условное разделение фокус-группы недостойных наследников на две категории:

К первой группе относятся наследники, совершившие умышленные противоправные действия в отношении наследодателя или иных наследников, а также в отношении последней воли, выраженной наследодателем в завещании, способствовавшие признанию их самих либо других лиц к наследованию. Ключевой позицией в выделение данной категории лиц является противоправность их деяний. Правовая дефиниция «противоправность действий» является весьма широко рассматриваемой в юридической науке. Множество ученых производят различную интерпретацию данной понятийной категории.

Одними умышленные противоправные действия трактуются исключительно в плоскости совершения деяний относительно наследодателя или кого-либо из наследников. Другие же ученые к данной группе относят лишь преступления против личности, например умышленное причинение смерти наследодателю. Руководствуясь п. 19 (а) Постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам наследования» противоправные действия носят исключительно умышленный характер, вне зависимости от мотивов, целей и наступивших последствий [2]. Противоправность действий может носить также характер уничтожения либо хищения завещания, составление заведомо ложного завещания, полное или частичное изменение подлинного завещания, совершение действий, направленных на понуждение к составлению или отмене завещания наследодателем. В данном случае сам факт совершения противоправных действий, а также возбуждения уголовного дела в отношении наследника против указанной группы лиц, не будет являться достаточными основаниями для признания лица недостойным наследником. К юридическим последствиям приведет лишь наличие обвинительного приговора, вступившего в законную силу. Относительно данного вопроса существующая законодательная оговорка определяет, что граждане имеют права на наследование, когда наследодатель после утраты ими данного права отвергая законодательную конструкцию завещал наследственную массу недостойному наследнику. Тем самым, наследодатель имеет «право вето» по отношению к законодательной регламентации, а законодатель предоставляет наследодателю возможность к самостоятельному распоряжению имуществом. Данная позиция законодателя, может трактоваться как приоритет завещания.

В юридической доктрине также существует дискуссионный вопрос о необходимости учета мотива совершения противоправных действий при присвоении статуса недостойного наследника. Рассматривая позицию, представленную в пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам наследования», можно заключить, что мотивация при совершение умышленных противоправных действий не имеет правового значения. К. Спивак в своем обзоре института недостойных наследников, поднимает вопрос «Стоит ли уважать потенциальное намерение наследодателя, который годами и последовательно доводил ситуацию до убийства?» [3, с. 171]. Ситуация обостряется в рамках рассмотрения вопроса домашнего насилия. Когда жертва домашнего насилия — жена, совершает умышленные противоправные действия в отношении наследодателя — своего мужа. Если руководствоваться действующим законодательством, данное лицо будет признано недостойным наследником и соответственно лишено право наследования. В данном случае происходит столкновение норм права и морали. Не смотря на возможное существование состояния аффекта у лица, в отношении которого систематически совершалось насилие, сложно представить норму Гражданского Кодекса Российской Федерации представляющий изъятие из общих правил наследования и исключающую преступность данного деяния.

Рассматривая данное основание, возникает вопрос о возможности оценки действий наследника судом с моральной точки зрения. Граждане-заявители, зачастую ссылаясь именно на аморальные действия наследника, требуют признания лица недостойным наследником. В перечень таких действия заявители включают: сокрытие сведений от других наследников, содержащих информационные данные о местонахождение, размере, и иных характеристиках имущества, входящего в наследство; склонение наследодателя к злоупотреблению спиртными напитками. В данных случаях судебные инстанции, действуя в рамках национального законодательства, отказывают в удовлетворение исковых требований, поскольку ст. 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень оснований для признания лица «недостойным наследником», а морально-этическая оценка действий лица не регламентирована.

Ко второй группе относятся наследники, злобно уклоняющиеся от обязанности по содержанию наследодателя. Руководствуясь, пунктом 20 Постановления Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам наследования» данная обязанность вытекает из алиментных содержания по отношению к наследо-

телю. В соответствии с нормами Семейного Кодекса Российской Федерации данную категорию лиц, можно определить следующим образом: между детьми и родителями, супругами, братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками. Понятийная категория «злостное уклонение» не имеет легальной регламентации, однако исходя из позиции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» категория «недостойности наследника» может иметь место, только при доказанности факта уклонения от обязательств без уважительных причин. Относительно применения данного основания в правоприменительной практике возникает вопрос о признании недостойным наследника, по причине продолжительного отсутствия потенциального наследника в его жизни, в том числе отсутствия социального взаимодействия субъектов [4, с. 74]. Законодательная конструкция основана исключительно на уклонения лица от обязанности по содержанию наследодателя. Научный базис по рассмотрению данного вопроса, основан на том, что категория «общение с наследодателем» не должна входить в комплекс «содержания наследодателя». Данная позиция является весьма верной, поскольку наследник до момента открытия наследства мог не быть осведомлен о факте существования наследодателя.

В заключение необходимо отметить, что спорные вопросы, непосредственно затрагивающие институт недостойных наследников возможно разрешить путем совершенствования юридической техники. Тем самым можно выделить следующие дополнения в Гражданский Кодекс Российской Федерации:

В целях устранения ситуации, когда наследодатель не обладал информацией о совершение против него или иных лиц противоправных действий со стороны наследника имущества, теоретически и практически возможным, является дополнение части 1 статьи 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации следующим положением: «граждане, которым лицо завещало имущественный комплекс после утраты данным субъектом права наследования, наделяется данной наследственной массой, если предполагается, что к моменту формирования завещания наследодатель знал или при прочих равных условиях должен был знать об утрате права наследования».

В силу придания критерию «достойности» наследника достаточного наполнения, существует необходимость дополнения части 1 статьи 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации положением о неумышленном совершение противоправных действий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. — от 28 ноября 2001 г.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании».

3. Антрушина, Д. А. Некоторые проблемы института недостойных наследников: юридическая техника и мотив совершения умышленных противоправных действий/Д. А. Антрушина // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 9. — с. 165-180.
4. Кузнецов, М. Л. Институт недостойных наследников: проблемы теории и практики/М. Л. Кузнецов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2017. — № 2 (22). — с. 74-81.

Механизм наследования по закону

Митин Сергей Николаевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Наследование относится к собственности, полученной по законам происхождения и распределения. Хотя иногда используется в отношении имущества, приобретенного по завещанию, юридическое значение наследования включает только имущество, которое переходит к наследнику по завещанию, когда лицо умерло без завещания. Любая часть имущества лица, не отчужденная по действительному завещанию или доверительному управлению, находится под надзором суда по наследственным делам в соответствии с законами Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Актуальность темы работы predetermined большим практическим потенциалом вопросов наследования имущества. Ведь не вызывает сомнения тот факт, что наследственное право в некоторой степени затрагивает интересы каждого гражданина, действующее на сегодняшний день наследственное законодательство сильно отличается от советского аналога.

Ключевые слова: наследование, закон, имущество.

The mechanism of inheritance by law

Mitin Sergey Nikolayevich, student master's degree
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Inheritance refers to property received under the laws of origin and distribution. Although sometimes used in relation to property acquired in a will, the legal meaning of inheritance includes only property that passes to a testamentary heir when a person dies intestate. Any portion of a person's property not set aside by valid will or trust shall be subject to the supervision of the probate court in accordance with the laws of each state on inheritance without a will.

The relevance of the topic of the work is predetermined by the great practical potential of property inheritance issues. After all, there is no doubt that the inheritance law to some extent affects the interests of every citizen, the current inheritance legislation is very different from the Soviet counterpart.

Keywords: inheritance, law, property.

Как правило, право на наследство имеют только супруг и родственники наследодателя. Живой супруг обычно имеет право на наибольшую долю имущества или на все имущество, если у умершего не было детей. В случае, если у наследодателя не было живого супруга, наследство делится между оставшимися наследниками либо по праву представительства, либо подушно. В случае, если у умершего не было ни живого супруга, ни оставшихся потомков, его имущество переходило к следующему ближайшему родственнику или родственникам или к государству, если родственник не может быть найден. Часть третья Гражданского Кодекса Российской Федерации, которая считается главным источником современного наследственного права показывает качественно новый уровень правового регулирования отношений наследования. Вместе с тем российское наследственное законо-

дательство не лишено минусов, пробелов, а также противоречий, что относится и к теме работы. Анализ точек зрения по обозначенному вопросу дает возможность сформулировать вывод о том, что наследование по закону — это первый по времени, «естественный» тип наследственного правопреемства. Суть наследования по закону метко выражена в одном средневековом изречении, которое относится к характеристике древнегерманского наследственного права: «Solus Deus heredem facere potest non homo» — только Бог может определить личность наследника, однако не человек. Яков Канторович в своей работе «Основные идеи гражданского права» по данному поводу писал, что «исторически наследование по закону предшествовало наследованию по завещанию [7]. Изначально, по древнему праву, которое было проникнуто началами общинного и родового быта, было только на-

следование по закону; завещательный порядок наследования данному праву неизвестен» [1]. Таким же образом рассуждал И. А. Покровский, по мнению которого, самое древнее право отмечено существованием единственного вида наследования — наследования по закону. Таким образом, институт наследования по закону сопровождал человеческое общество на протяжении долгого времени, на разных этапах его развития [2].

Наследование собственности не может происходить, если только имущество не рассматривается как принадлежащие отдельным лицам, а не группам, и если только имущество не обладает такой устойчивостью, что продолжает существовать и быть полезными после смерти владельца. В соответствии с действующим до 01 июня 2019 года законодательством Российской Федерации наследование реализуется по двум основаниям: по завещанию и по закону (ст. 1111 Гражданского Кодекса Российской Федерации) [1]. На первый взгляд, перед нами четкая и лаконичная формулировка, которая исключает двусмысленное толкование. Но, в цивилистической науке ведутся оживленные дискуссии по вопросу о существующей в российском правовом порядке системе оснований наследования. Таким образом, к примеру, советские авторы О. С. Иоффе и В. К. Дронников кроме приведенных в законе двух оснований выделяли еще и третье: О. С. Иоффе указывал на наследование по основанию выморочности наследственного имущества, а В. К. Дронников определял основанием наследования «право на обязательную долю». И закон, и завещание определяют круг лиц, которые подлежат призыванию к наследованию; разница в том, что закон это делает для всех случаев конкретного рода, а также вида, а завещание — для единственного случая открытия определенного наследства. Закон — есть нужное условие существования наследственного права в целом как подотрасли гражданского права. Завещание — это столь же нужное условие появления этого определенного наследственного правоотношения. Стоит отметить, что по сути, завещание и закон можно рассматривать как два разных метода определения круга лиц (наследников), которые подлежат призыванию к наследованию [8]. В. И. Серебровский, рассматривая основания призывания к наследованию на основании норм советского права, пришел к следующему актуальному и для действующего законодательства выводу: при наследовании по закону, непосредственно сам закон основанием наследования не считается, ведь наследование не появляется из него [3].

Институт наследования подвергался критике за то, что он делает возможным приобретение богатства без труда и потому, что оно считается основным источником экономического неравенства. Такие нападки исходили не только от радикалов, которым полное равенство доходов кажется социальным идеалом, но и от более умеренных мыслителей, которым большие различия в распределении богатства кажутся несовместимыми с современными представлениями о достоинстве человека. В ответ на их критику наследование защищалось как по экономи-

ческим, так и по моральным соображениям. Практически наследование появляется из комплекса предусмотренных законом юридических фактов, то есть из фактического состава. Таким образом, при наследовании по закону требуется наличие таких юридических фактов: смерть наследодателя (биологическая или же юридическая), состояние в браке с наследодателем, наличие родства с наследодателем, и т. п. Сказанное в полной мере причисляется и к наследованию по завещанию. Так, как для наследования по завещанию, так и для наследования по закону нужен целый перечень предусмотренных законом юридических фактов. Вместе с тем, по справедливому утверждению Ю. К. Толстого, отсутствие хотя бы одного из них исключает призывание наследника к наследованию по крайней мере по тому основанию, по которому он был бы призван к наследованию, если бы весь данный перечень был налицо. В процессе анализа нормы ч. 1 ст. 1111 Гражданского Кодекса Российской Федерации обращает на себя внимание порядок, в котором приведены виды наследственного правопреемства [1]. Таким образом, на первое место законодатель поместил наследование по завещанию, а на второе — наследование по закону [9]. Современные исследователи, в частности, М. П. Мельникова, отмечают, что «...и наследование по завещанию и наследование по закону базированы на законе и реализуются в строгом соответствии с правилами, которые предусмотрены законом. По этой причине, не надо противопоставлять друг другу основания наследования. Наследование необходимо в рамках экономики индивидуальной собственности, чтобы гарантировать непрерывность предпринимательства, без которого не может процветать долгосрочная экономическая деятельность. Этот аргумент утратил большую часть своей силы, поскольку крупные предприятия стали осуществляться в корпоративной форме и, таким образом, управляться не владельцами, а специалистами по управлению, сменяющимися друг друга наподобие должностных лиц. Тем не менее, по-прежнему имеет силу аргумент о том, что без стимула передачи плодов своего труда конкуренция и, следовательно, функционирование экономики в целом будут затруднены [4].

Наследование по закону и наследование по завещанию считаются методами реализации наследственного преемства». Подводя итог сказанному, можно с уверенностью сделать утверждение, что современный законодатель в части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации следуя уже сложившейся правовой традиции, сохранил систему оснований наследования в виде наследования по завещанию и наследования по закону. Но, приоритеты регулирования отношений наследования принципиально поменялись. Основную роль теперь играет наследование по завещанию, а наследование по закону обладает подчиненным, субсидиарным характером. Помимо этого, завещание и закон, будучи основаниями наследования, по сути, определяют порядок формирования наследственных правоотношений (по воле завещателя либо по воле законодателя). На данный момент в российском наследственном

законодательстве наметилась тенденция расширения перечня оснований наследования. Таким образом, с 01 июня 2019 года самостоятельным методом распоряжения имуществом на случай смерти, наряду с завещанием, стал наследственный договор, имплементированный в российское наследственное право из законодательной практики зарубежных стран. Наследственный договор известен правовым порядкам таких стран, как Германия, Испания, Франция, Украина, Латвия, и др.. Таким образом, к примеру, он широко применяется в Каталонии, и характеризует себя, наряду с законным, «добровольным наследованием». Гражданский кодекс Латвийской Республики (далее — ГК Латвии) предоставляет наследодателю возможность выразить свою волю не только в завещании, однако и в соглашении о наследовании (ст. 389 ГК Латвии). Сложный порядок договорного наследования предусматривает Французский гражданский кодекс (далее — ФГК) [5].

Можно представить себе общественный строй, при котором права собственности прекращались бы со смертью собственника. Если оставленные активы не передавались другому лицу, конечным результатом было бы полное владение всем богатством сообществом, и системе индивидуальной собственности пришел бы конец. Новый индивидуальный владелец может быть определен одним из четырех способов: право собственности принадлежит первому взявшему, практика, которая приведет к раздорам и беспорядкам; переназначение государственным органом, что будет представлять собой осуществление власти считается опасным в свободном обществе; перераспределение по установленным правилам, общеустановленным для всех; или переуступка в соответствии с пожеланиями наследодателя. Последние два являются способами, которыми работают современные системы наследования: имущество перераспределяется в соответствии с правилами закона о завещании или в соответствии с волей наследодателя. Активным сторонником позиции законодателя в его стремлении совершенствовать право, считается В.В. Долинская, которая исследуя тенденции развития, а также современные проблемы наследственного права РФ в контексте вступления в силу ФЗ № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью ГК РФ» подчерки-

вает, что «сомнительное» по своему содержанию правило п. 1 ст. 1118 Гражданского Кодекса Российской Федерации стало одним из контраргументов в пользу и совместного завещания и наследственного договора [1]. А сточки зрения И.В. Матвеева институт наследственного договора «сильно развивает устои наследственного права» и обладает всеми возможностями для того, «чтобы пополнить исторически сложившийся перечень оснований для призвания к наследованию» [6].

Ю.Б. Гонгало полагает, что применение в отечественном наследственном законодательстве правил о наследственном договоре между супругами, аналогично правилам ФГК, возможно и соответствует «принципу диспозитивности, присущему гражданскому праву в целом и соответственно наследственному праву как его части». Позиция современного российского законодателя выражена в появлении новой ст. 1140.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации (введена ФЗ от 19.07.2018 N217-ФЗ), в соответствии с которой наследодатель имеет право заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (статья 1116), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора либо к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор). Сторонами наследственного договора считаются наследодатель, к которому применяются правила Гражданского Кодекса Российской Федерации о завещателе (п. 6 ст. 1118 Гражданского Кодекса Российской Федерации) и граждане, юридические лица, а кроме того публично-правовые образования, беря в учет требования ст. 1116 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1]. Отдельно выделен наследственный договор с участием супругов. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель предусмотрел возможность включение в наследственный договор и таких условий, относительно которых, при заключении договора было неизвестно наступят они либо не наступят, в том числе от обстоятельств, которое полностью находится в зависимости от воли одной из сторон (ч. 2 п. 1. ст. 1140.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации) [1].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ)
2. Барщевский, Михаил. Большая юридическая энциклопедия. Книга для дома и семьи/Михаил Барщевский. — М.: АСТ, Астрель, 2018. — 640 с.
3. Гонгало, Ю.Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции. Сравнительно-правовое исследование/Ю.Б. Гонгало. — М.: Статут, 2017. — 312 с.
4. Егорова, О.А. Настольная книга судьи по делам о наследовании. Учебно-практическое пособие/О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. — М.: Проспект, 2016. — 202 с.
5. Ильичева, М.Ю. Когда в наследниках согласия нет.../М.Ю. Ильичева. — М.: Феникс, 2017. — 256 с.
6. Касаткина, А.Ю. Наследственно-правовое положение ребенка в Российской Федерации/А.Ю. Касаткина. — М.: Проспект, 2016. — 595 с.
7. Лукаш, Ю.А. Права и обязанности участников отношений по наследованию/Ю.А. Лукаш. — М.: Флинта, МПСИ, 2018. — 496 с.

8. Маслова, А. В. Наследники и наследодатели. Практическое руководство/А. В. Маслова. — М.: Библиотечка РГ, 2016. — 144 с.
9. Оглоблина, О. М. Дарение и наследование имущества/О. М. Оглоблина, М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова. — М.: Издание Тихомирова М. Ю., 2017. — 208 с.
10. Спектор, А. А. Как распорядиться своим имуществом. Наследование. Дарение. Рента. Советы адвоката/А. А. Спектор. — М.: Юркомпани, 2017. — 208 с.

Особенности лишения специального права управления транспортными средствами в соответствии с проектом КоАП

Мортяков Евгений Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Ушакова Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проанализированы особенности лишения специального управления транспортными средствами. Отмечена инициатива ввести административную ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в виде лишения права управления транспортным средством. В рамках исследования были выявлены недостатки данной инициативы, которые должны быть в дальнейшем проработаны для ее внедрения.

Ключевые слова: специальное право, лишение специального права, управление транспортными средствами, лишение специального права управления транспортными средствами.

Features of deprivation of the special right to drive vehicles in accordance with the draft Code of Administrative Offenses

Mortyakov Yevgeny Yevgenyevich, student

Scientific adviser: Ushakova Ekaterina Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the features of deprivation of special control of vehicles. The initiative to introduce administrative responsibility for the systematic commission of administrative offenses in the form of deprivation of the right to drive a vehicle was noted. As part of the study, the shortcomings of this initiative were identified, which should be further worked out for its implementation.

Keywords: special law, deprivation of a special right, driving vehicles, deprivation of a special right to drive vehicles.

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 04.06.2019 № ДМ-П4–29пр Министерство юстиции России подготовило проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1]. Новый нормативно-правовой акт позволит реализовать одну из основных целей: обеспечение безопасности дорожного движения путем снижения роста количества дорожно-транспортных происшествий. В качестве реализации данной цели законодатель предлагает ввести административную ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в виде лишения права управления транспортным средством.

Стоит отметить, что данная инициатива предлагается не впервые. Согласно законопроекту № 226369-6 в 2016 г. предлагалось ввести балльную систему учета административных правонарушений. При совершении

систематических нарушений, которые в сумме оценивались бы в двести и более баллов, последовало бы наказание в виде лишения права управления транспортным средством [2].

В новой редакции проекта КоАП Российской Федерации законодатель отказался от балльной системы и в соответствии со ст. 21.29 проекта к систематическим административным правонарушениям предлагается отнести правонарушения, являющиеся основными причинами дорожно-транспортных правонарушений. К административной ответственности будут привлекаться лица, подвергнутые три и более раза административному наказанию за совершение указанных административных правонарушений. Санкция статьи предполагает лишение специального права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет [5].

Отметим недостатки данной инициативы.

Так, совершение однократного грубого правонарушения и совершение правонарушения систематически приравниваются друг к другу путем назначения одного и того же административного наказания. При этом не принимается во внимание степень общественной опасности данных правонарушений. Предлагаемый законодателем перечень систематических правонарушений разносторонен. Очевидно, что вышеуказанные правонарушения имеют разную степень общественной опасности, при этом ответственность за их систематическое нарушение одинакова. Данное обстоятельство также противоречит закреплённому в проекте принципу справедливости и соразмерности.

Кроме того, ч. 4 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 3 ст. 21.12, ч. 6 ст. 21.15 проекта Кодекса предусматривают административную ответственность в качестве отягчающего обстоятельства за повторное нарушение. Но, учитывая данное обстоятельство, считаем отсутствие в списке систематически совершенных правонарушений, зафиксированных посредством технических средств, имеющих функции фотосъёмки и видеозаписи, дискриминацией по отношению к лицам, привлечённым к административной ответственности повторно без использования соответствующих технических средств.

В настоящее время в Российской Федерации внедрение цифровых технологий широко шагнуло как в гражданские правоотношения, так и в сферу правового регулирования технического контроля за перемещением транспортных средств [3]. Но при этом, глава 21 КоАП РФ не содержит правового регулирования средств, использующих цифровые технологии для фиксации административных правонарушений в области дорожного движения.

Кроме того, основной концепцией законопроекта является соблюдение принципов недопустимости повторного административного наказания за одно и то же административное правонарушение, а также проявления гуманизма при его назначении [4]. Однако в соответствии с предлагаемыми нововведениями лицо, совершившее административные правонарушения в совокупности с правонарушениями, которые можно отнести к систематическим, так или иначе несет повторное административное наказание, которое вдобавок является более строгим [6].

Таким образом, лишение специального права является кардинальной мерой административного принуждения и предполагает невозможность совершения лицом новых правонарушений. Однако данная мера не является профилактическим мероприятием при осуществлении безопасности дорожного движения. Кроме профилактических мер, административное наказание должно быть неотвратимым.

Литература:

1. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: подготовлен Минюстом России [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Законопроект № 226369-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кобзева, Е. И., Ушакова Е. В., Ткаченко Д. Г. Внедрение и совершенствование правового регулирования цифровых технологий в транспортную систему Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2 (38). Ст. 146-154.
4. Кожевников, О. А. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: анализ отдельных положений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). с. 173-178.
5. Ушакова, Е. В. Цифровые правоотношения как основной инструмент перехода к информационному пространству России // Трансформация вузовского образования: от локальных кейсов к тенденциям развития. Сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции. М.: 2021. с. 255-254.
6. Ушакова, Е. В., Ткаченко Д. Г. Эволюция цифровых отношений в парадигме цифрового права // Сборник статей участников V Всероссийского межвузовской научно-практической конференции. 2020. с. 131-135.

Административно-правовой статус федеральных государственных служащих и государственных служащих субъектов Российской Федерации

Нестерова Мария Александровна, студент
Пермский институт ФСИН России

Ключевые слова: Российская Федерация, государственная служба, служащий, государственная гражданская служба, административно-правовой статус, субъект РФ.

Для определения административно-правового статуса государственных служащих на федеральном уровне и уровне субъекта Российской Федерации для начала рассмотрим понятийные аспекты, а именно, что такое государственная служба, кто является федеральным государственным служащим и государственным служащим субъекта Российской Федерации.

Под государственной службой понимается профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов РФ; органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов субъектов РФ; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов; лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ [2].

Таким образом, по мнению автора Дёмина А. А., государственная служба — это не только вид профессиональной деятельности, но и важнейший административно-правовой институт, который тесно связан с трудовым правом [4].

Правовое регулирование и организация федеральной государственной гражданской службы находятся в ведении Российской Федерации, тогда как правовое регулирование государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а ее организация — в ведении субъекта Российской Федерации [3].

Например, Закон Пермского края от 07.12.2006 № 34-КЗ «О государственной гражданской службе Пермского края» сформирован в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами «О системе государственной службы Российской Федерации» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Данный закон определяет особенности организации и правового регулирования государственной гражданской службы субъекта.

Далее рассмотрим, кто является государственным служащим Российской Федерации.

Нормативное определение понятия «государственный служащий» закреплено в Федеральном законе «О системе

государственной службы Российской Федерации», в соответствии с которым государственный служащий — это гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств бюджета (федерального либо субъекта РФ). Данное определение в равной степени относится как к федеральным служащим, так и к служащим субъекта РФ [3].

Отметим, что правовой статус государственных служащих — это особый вид установленных и гарантированных государством мер должного и возможного их поведения в области государственно-служебных отношений [2].

Таким образом, административно-правовой статус государственных служащих можно рассмотреть через установление их прав, обязанностей, гарантий, ответственности, ограничений и запретов.

Права и обязанности государственных гражданских служащих закреплены законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и применимы ко всем государственным служащим независимо от должности [6].

Например, перечислим некоторые основные права, указанные в ст. 14 вышеуказанного закона: обеспечение надлежащих организационно-технических условий, необходимых для исполнения должностных обязанностей; ознакомление с должностным регламентом и иными документами; отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности служебного времени, предоставлением выходных дней и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых основного и дополнительных отпусков; оплату труда и другие выплаты в соответствии с настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и со служебным контрактом; защиту сведений о гражданском служащем; государственную защиту своих жизни и здоровья, жизни и здоровья членов своей семьи, а также принадлежащего ему имущества; и другие.

Рассмотрим некоторые основные обязанности, описанные в ст. 15 Настоящего закона.

Государственный служащий обязан: соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации,

конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и обеспечивать их исполнение; исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом; исполнять поручения соответствующих руководителей, данные в пределах их полномочий, установленных законодательством Российской Федерации; соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций; соблюдать служебный распорядок государственного органа; поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей; и другие.

В связи с прохождением гражданской службы гражданскому служащему запрещается: замещать должность гражданской службы в случаях указанных в ч. 1 ст. 17 указанного выше федерального закона; участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией, (за исключением следующих случаев, описанных в п. а ч. 1): приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход; быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он замещает должность гражданской службы, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами; получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц; выезжать в связи с исполнением должностных обязанностей за пределы территории Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц (за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации) и т. д.

В ст. 57 Настоящего закона указано, что за совершение дисциплинарного проступка, то есть за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим его служебных обязанностей, к нему могут быть применены следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; предупреждение; увольнение с гражданской службы.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях государственный служащий несет административную ответственность за совершенное им административное правонарушение, связанное с его служебной деятельностью в качестве должностного лица [1].

Как отмечают авторы Д.Н. Дымшаков и О.В. Первозова, за совершение административного правонарушения государственным служащим могут устанавливаться следующие виды административной ответственности:

предупреждение, административный штраф, дисквалификация [5]. Может быть и так, что госслужащие совершают административные правонарушения, не связанные с их деятельностью, и подлежат привлечению к административной ответственности на основаниях, применяемых к физическому лицу.

Административно-правовой статус федеральных государственных служащих регламентируется Конституцией РФ, федеральными законами различных видов служб, например, военной службы (Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ), службы в органах внутренних дел (Федеральный закон от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», служба в органах УИС (Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы») и другими.

Законы субъектов, в которых отражается административно-правовой статус государственного служащего, принимаются строго в определенном регионе и базируются соответственно и на Конституции РФ, и на федеральных законах РФ.

Сопоставляя федеральные законы РФ и законы субъекта РФ, в которых отражен административно-правовой статус государственного служащего, можно сделать вывод, что законы субъектов в основном дублируют права, обязанности, гарантии, запреты, ответственность государственного служащего, описанные в федеральном законе. Однако есть и отличия, например, в наименовании занимаемых должностей, на государственного гражданского служащего, например, Пермского края возлагается исполнение функций пресс-секретаря, секретаря межведомственного коллегиального органа, обладающего специальными полномочиями, а в федеральном законе данная должность именуется как пресс-секретарь Президента Российской Федерации либо Заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации — пресс-секретарь Президента Российской Федерации и т. п. Также ещё одно отличие — это осуществление финансирования государственной службы. Финансирование государственной гражданской службы определенного субъекта осуществляется за средства данного субъекта и порядок финансирования определяется законами субъекта и указами губернатора края. А финансирование федеральной государственной службы осуществляется за счет средств федерального бюджета Российской Федерации и бюджета федеральной территории «Сириус».

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 — ФЗ (ред. От 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета. — 2001. — № 654.
2. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // «Российская газета» от 31 мая 2003 г. N 104.

3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, N 15, ст. 2139.
4. Дёмин, А. А. Государственная служба в Российской Федерации: учебник для вузов/А. А. Дёмин. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 354 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00502-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/449740> (дата обращения: 25.09.2022).
5. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров/под ред. А. Ю. Соколова. — 2е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРАМ, 2018. — 352 с.
6. Граждан, В. Д. Государственная гражданская служба: учебник для бакалавров/В. Д. Граждан. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2015-641 с. — Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

Суд присяжных: современные проблемы и перспективы их решения

Осипова Александра Михайловна, студент

Научный руководитель: Лямкина Наталья Ивановна, старший преподаватель
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Актуальность данной статьи обуславливает необходимость защиты прав человека, которая находится в тесной связи с существованием гуманного и состязательного производства. Выраженным гарантом такого вида судопроизводства выступает институт народного представительства.

Институт суда присяжных является действительной, реальной необходимостью в целях максимально справедливого разрешения наиболее сложных, общественно опасных категорий уголовных дел. Стоит отметить, что подобный вид судопроизводства несет за собой вероятность избежания судебных ошибок, изменить которые бывает невозможно. Данный институт является своего рода гарантом справедливости, объективности и рычагом контроля общества за отправлением правосудия.

Представляется возможным рассмотреть результаты анализа данных Судебного департамента при Верховном Суде. Согласно статистике, в 2017 году суд присяжных рассмотрел уголовные дела в количестве 224, в 2018 году показатели снизились — 97 дел в отношении 170 лиц, 24 из которых добились оправдательного приговора. На сегодняшний день количественные показатели дел, рассмотренных судом присяжных значительно мало по отношению к общему количеству уголовных дел. Согласно данным Института проблем правоприменения при Европейском университете за первую половину 2020 года присяжные в районных судах оправдали 57 из 191 подсудимых, что почти на тридцать процентов больше показателя аналогичного прошлого периода — 21%. Также, показатели уже сейчас выше общегодовой статистики, составляющей 25% оправдательных приговоров. Согласно аналитическим данным экспертов, аналогичные данные были обнаружены и в областных судах, а именно — начало реформирования суда присяжных в 2018 году зафиксировало 18% долю оправдательных решений. В течение двух лет этот показатель рос,

составив в настоящее время 21,9%. Хочется отметить динамику роста числа вердиктов, которые были отменены вышестоящими судами, процентное соотношение которых составило 90%, согласно данным исследований Института проблем правоприменения.

В настоящее время существует ряд проблем, которые становятся ясно выраженными согласно аналитическим данным судебной практики. Одной из такой проблем применения института суда присяжных является постановка перед коллегией присяжных заседателей вопросов, которые не входят в их компетенцию, что влияет на корректное применение уголовного права при проведении оценочного анализа действий осужденных и на их наказание [1]. Указанные нарушения находятся в прямой причинной-следственной связи между отменой приговоров, а после и направления дел на новое рассмотрение. Согласно ч. 3 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации после постановки основного вопроса, касающегося виновности подсудимого, Судья задает вопросы частного характера о таких обстоятельствах, которые имеют влияние на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности [5]. Также, при анализе судебной практики были обнаружены ошибки профессиональных участников процесса коими являются судьи. Ошибки заключались в неправильной формулировке председательствующим судьей вопросного листа и отсутствие принятия им предусмотренных законом мер для устранения неясности и противоречивости вердикта присяжных заседателей [3]. В отличие от присяжных заседателей председательствующий судья и стороны в процессе подготовки к судебному заседанию имеют возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, а в процессе судебного разбирательства у сторон наличествует копия обвинительного заключения. Присяжные же заседатели возможности полноценной подготовки к су-

дебному процессу лишены и весь ход судебного разбирательства, включая показания свидетелей, потерпевших, подсудимых и экспертов должны воспринимать на слух. Следовательно, получение объективных и правильных представлений об обстоятельствах дела для присяжных заседателей достаточно затруднительно.

Подводя итог указанным тезисам, представляется возможным указать на то, что необходимо обеспечить право обвиняемого на полноценное, всестороннее, объективное рассмотрение уголовного дела, посредством внесения изменений в действующие уголовно — правовые нормы, тем самым обезопасив обвиняемого от ограничения этих прав. Российское право дает возможность индивиду-

альной реализации суда присяжных по каждому отдельному, конкретному делу, позволяет разрешать рассматриваемое судом дело всесторонне, наиболее объективно и справедливо, так как одно наличие данного института народного представительства свидетельствует о намерении государств обеспечить гуманное и справедливое судопроизводство.

Таким образом, руководствуясь вышеизложенным, можно предположить, что возможное расширение компетенции присяжных приведет к увеличению уровня отмененных оправдательных приговоров. Это указывает на необходимость проведения реформ в сфере суда присяжных в других направлениях.

Литература:

1. Бачернихина, М.В., Коломичева В.В. Суд присяжных: проблемы деятельности // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). — Казань: Молодой ученый, 2018. — с. 51-53. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/298/14112/> (дата обращения: 23.01.2021).
2. Быков, В.М. новый закон о суде с участием присяжных заседателей: критические заметки // Право: история и современность. 2018. № 1.
3. Насонов, А. И. О реформировании суда с участием присяжных заседателей // Судебная власть и уголовный процесс. — 2015. — № 4. — с. 245-246.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.01.2021).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021) (дата обращения: 20.01.2021).

Цифровая трансформация налогового контроля

Рябинина Мария Кирилловна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор пытается разобраться что такое цифровизация и как она влияет на налоговый контроль.

Ключевые слова: налоговая служба, система, цифровизация.

Основная функция налоговой службы — это процесс формирования дохода страны для выполнения поставленных задач.

Благодаря процессу цифровизации появляются новые методы контроля и регулирования в разных направлениях. Когда появилась налоговая служба, то стали проводиться различного рода контрольные мероприятия. Процесс модернизации дает новые возможности для налоговых сервисов. Кроме того, происходит процесс влияние на налогоплательщиков. На сегодняшний день налоговые органы активно внедряют новые технологии и IT механизмы регулирования. Такие системы работают в режиме реального времени, обеспечивают доступ ко всем цифровым показателям.

Процесс цифровизации начался с того момента, когда в работу налоговых органов были внедрены компьютерные

технологии. Но для того, чтобы управлять данными системами — нужен был опыт и профессиональные знания. Такие процессы были испробованы на системе учета и аудита. На базе нейросетевого моделирования были разработаны различного рода системы для административного регулирования.

Главной целью совершенствования информационной налоговой системы — это создание единой базы, где будет содержаться вся необходимая информация разных структурных подразделений. Это была бы единая сеть, которая интегрирована в единое информационное пространство органов государственного управления и других заинтересованных организаций (ГУВД, суды, таможня, банки и др.) [1]

Контрольная надзорная деятельность должна быть сосредоточена только на потенциальном нарушителе

или тех, кто находится за пределами цифровой платформы, поэтому, цифровизация должна быть не только в налоговой сфере, но и в каждой компании.

Современные ситуации требуют от налоговых органов новые подходы в осуществление налогового контроля. Требуются выездные налоговые проверки, чтобы повысить эффективность работы. Но в данном процессе существует проблема — для того, чтобы оформить такую проверку нужно подписать большое количество бумаг, документов. На это уходит много времени, но без данной процедуры нельзя выполнять данную деятельность (в соответствии с Налоговым кодексом). Поэтому требуется переводить всю информацию в электронный вид, чтобы она была хорошо структурирована. В такой базе данных будет содержаться вся документация, а также различные материалы проверки.

Эффективность налогового контроля предполагает максимальное поступление налоговых платежей и при этом использование минимальных затрат. Процесс внедрения системы АИС был очень активно внедрен. Например, создание и внедрение в 90-х гг. XX в. АИС, которая аккумулировала на первоначальном этапе в единое информационное пространство всевозможные государственные регистрационные службы и банковские учреждения.

Компьютерные программы с широким диапазоном и набором функциональных операций были и остаются эффективными в проведении налогового контроля вне времени.

Внедрение системы под названием «Налог» было направлено на решение наиболее простых задач.

Но возникали сложности, такие как:

1. Несогласованности и разному типу данных, т.е. базы данных одной прикладной системы нельзя было без специального конвертирования использовать другой системой;

2. Отсутствию точных процедур, которые применялись бы всеми государственными налоговыми инспекциями;

3. Высокие финансовые затраты. [2]

Необходимо было решать данные проблемы.

В Российской Федерации начался активный процесс совершенствования данной системы для проведения контрольных мероприятий. Введение информационных технологий способствовало освобождать налоговиков от рутинных операций, а также обеспечивал снижение коррупционных правонарушений. Благодаря внедрению цифровых технологий с 2014 по 2021 год — налоговые органы увеличили поступления в бюджет в несколько раз.

При переходе налоговой службы на цифровой формат работы в целом и на удаленный налоговый контролинг в частности стоит упомянуть некоторые положительные нюансы нового формата деятельности службы. Например: [3]

1. Все налоговые операции проводятся в прозрачном режиме;

2. Налогообложение происходит в бесконтактном процессе;

3. Снижение налоговой отчетности;

4. Бизнес-сектор выводится из теневой среды, что влечет за собой повышение уровня собираемости налогов;

5. Повышение уровня доверия к государству;

6. Снижение затрат на администрирование;

7. Устранение барьеров в виде потерянного времени.

ФНС подвела итоги 2018-2019 годов, и было выявлено, что в стране увеличились налоговые отчисления и снизились налоговые долги. Все это произошло потому, что были использованы различные информационные технологии. Такие системы, как АСК НДС, ЕГАИС, онлайн-кассы, маркировка товаров, администрирование иностранных поставщиков электронных услуг, способствовали увеличению поступления налогов на общем фоне относительной стагнации экономики. [4]

Стоит отметить, что важным этапом создания цифровых трансформаций является строгое целеполагание под стратегические цели налоговой администрации. Также важно учитывать и по возможности снижать издержки бизнеса, связанные с переходом на новую систему цифровизации налогового контроля.

В 2018 году ФНС перешла на полное информационное обеспечение. Изначально, были созданы только веб-сайты и порталы налоговой системы. Но уже к 2018 году налоговая система преобразовалась. В нее включается:

1. Интернет-сайты каждого подразделения;

2. Мобильное приложение;

3. Адаптивная платформа — здесь собрана вся необходимая информация для налогового администрирования. [5]

Налоговая служба успешно реализовала в себе систему контроля за НДС. В данной программе происходит полноценный контроль за НДС. Те операции, которые обладают НДС — проходят проверку в данной системе. Данная система создана на основе облачных технологий. Это стало предпосылкой для проекта по созданию единой системы электронного документооборота, которая позволит автоматически исчислять налог за счёт доступа к первичным документам в реальном времени. Это исключит нагрузку по предоставлению налоговой отчетности и расчёту налогов для бизнеса.

В ходе развития контрольных систем — будет проведен проект по разработке глобальных стратегий цифрового развития налоговых органов до 2030 года. Был представлен проект «Дорожная карта». В данный проект будет входить следующие направления:

1. Электронный документооборот;

2. Контроль за выполнением плана организации;

3. Процесс цифровой идентификации налогоплательщика;

4. Отчетность;

5. Международный обмен новыми информационными ресурсами для обеспечения более четкого и строго контроля.

Так, в рамках технологического содействия Налоговая служба помогает иностранным государствам имплементировать российскую систему автоматического контроля НДС, что помогает модернизировать их информационные системы и бизнес-процессы.

Таким образом, внедрение цифровизации в систему контроля налоговых органов является важным и необхо-

димым принципом в современном мире. Данный процесс является быстроразвивающимся. Используются новые методы контроля, регулирования и отчетности. Многие технологии, которые разработаны в России — уже используются в зарубежных странах. Цифровые технологии должны изменить парадигму контрольной работы налоговых органов. [6]

Литература:

1. Бирюков, А. Н. Обзор и анализ возможностей интеллектуального моделирования в бюджетно-налоговой системе регионального и муниципального уровней: специальность 08.00.13 «математические и инструментальные методы экономики»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук/Бирюков Александр Николаевич; Первый государственный национальный пермский университет. — Пермь, 2012. — 432 с. — Текст: непосредственный.
2. Гончаренко, Л. И., Малкова Ю. В., Адвокатова А. С. — Актуальные проблемы налоговой системы в условиях цифровой экономики. Финансовый университет, Департамент налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования Финансового университета, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-problemy-nalogovoy-sistemy-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki>
3. Деева, Т. В. Тенденции развития удаленного налогового контроллинга в условиях цифровой экономики и больших вызовов пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания, Креативная экономика— 2020. — Том 14. — № 7. — с. 1401-1412.
4. Жилин, Г. О., Майбуров И. А. Совершенствование методов налогового контроля: внедрение автоматизированных систем // Актуальные проблемы налоговой политики: сб. материалов IX Международной научно-практической конференции молодых налоговых специалистов. ДВФУ: Школа экономики и менеджмента, 2017.
5. Вайпан, В. А. Правовое регулирование цифровой экономики//Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». — 2018. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/cons/>
6. Ряховский, Д. И. Трансформация налогового контроля в условиях цифровой экономики [Электронный ресурс]/Д. И. Ряховский // Наука и Мир. Международный научный журнал. — 2018. — № 4 (56), Том 1. — с. 58-63. — URL: http://scienceph.ru/d/413259/d/science_and_world_no_4_56_april_vol_i.pdf

Практическое применение положений пункта 4.3 статьи 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках принудительного исполнения требований исполнительных документов службой ФССП

Рябинина Мария Кирилловна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор пытается разобраться как на практике применяется п. 4.3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках принудительного исполнения требований.

Ключевые слова: банкротство, исполнительное производство, принудительное исполнение.

Для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях (при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, существенном изменении курса рубля и подобных обстоятельствах) Правительство Российской Федерации вправе ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами (далее для целей настоящей статьи — мораторий), на срок, устанавливаемый Правительством Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» 28.03.2022 Правительство Российской Федерации постановило: [1]

1. Ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.
2. Положения п. 1 постановления не применяются

в отношении должников, являющихся застройщиками многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, включенных в соответствии со ст. 23.1 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в единый реестр проблемных объектов на дату вступления в силу настоящего постановления. [2]

3. Постановление вступило в силу со дня его официального опубликования и действует в течение 6 месяцев.

В акте Правительства Российской Федерации о введении моратория могут быть указаны отдельные виды экономической деятельности, предусмотренные Общероссийским классификатором видов экономической деятельности, а также отдельные категории лиц и (или) перечень лиц, пострадавших в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория, на которых распространяется действие моратория.

Любое лицо, на которое распространяется действие моратория, вправе заявить об отказе от применения в отношении его моратория, внося сведения об этом в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. После опубликования заявления об отказе лица от применения в отношении его моратория действие моратория не распространяется на такое лицо, в отношении его самого и его кредиторов ограничения прав и обязанностей, предусмотренные п. 2 и п. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не применяются. [3]

Согласно п. 9 ст. 40229-ФЗ «Об исполнительном производстве», исполнительное производство подлежит приостановлению судебным приставом-исполнителем полностью или частично в случае распространения на должника моратория на возбуждение дел о банкротстве, предусмотренного статьей 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно п. 4 ч. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», приостанавливаются исполнительные производства по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства).

Рассмотрим практическое применение вышеуказанных норм права при исполнении требований исполнительных документов Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации.

Так, исходя из логики вышеприведенных норм Закона, при введении моратория исполнительные производства, находящиеся на исполнении в службе судебных приставов в отношении физических и юридических лиц, должны быть приостановлены в части применения мер принудительного исполнения (ст. 68229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). [4]

Однако есть некоторые моменты, на которые следует обратить внимание.

Согласно разъяснениям Центрального аппарата ФССП России, при поступлении заявления должника по испол-

нительному производству о приостановке исполнительного производства по основаниям, предусмотренным Постановлением Правительства Российской Федерации № 497 от 28.03.2022, п. 4 ч. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 9 ст. 40229-ФЗ «Об исполнительном производстве», судебным приставом-исполнителем устанавливается наличие информации об отсутствии возможности исполнения должником требований исполнительного документа, а также осуществляется подтверждение данных обстоятельств материалами исполнительного производства (отсутствие или недостаточность имущества на которое возможно обратить взыскание для исполнения требований исполнительного документа).

Так, например, организация-должник имеет активы достаточные для удовлетворения требований кредиторов, исполнения требований исполнительных документов, предоставляет положительную отчетность в налоговые органы (баланс, отчет о прибылях/убытках), простыми словами осуществляет коммерческую деятельность и не находится в «предбанкротном» состоянии, однако являясь должником по исполнительному производству обращается в подразделение ФССП с заявлением о приостановке исполнительного производства по основаниям, предусмотренным Постановлением Правительства Российской Федерации № 497 от 28.03.2022, п. 4 ч. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 9 ст. 40229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Или должник-физическое лицо имеет активы достаточные для удовлетворения требований кредиторов, исполнения требований исполнительных документов (хорошая заработная плата, наличие в собственности несколько единиц дорогого автотранспорта, зарегистрированные объекты недвижимого имущества (не единственное жилье), предметы роскоши и т.д.) и также обращается в подразделение ФССП с заявлением о приостановке исполнительного производства по основаниям, предусмотренным Постановлением Правительства Российской Федерации № 497 от 28.03.2022, п. 4 ч. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 9 ст. 40229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

При таких обстоятельствах приостановление исполнительного производства в части применения мер принудительного исполнения невозможно, т.к. затронет права взыскателя на получения присужденных денежных средств либо имущества несоизмеримо больше.

И наоборот, должник юридическое или физическое лицо пострадал в условиях ограничений (санкций, коронавирусные ограничения), находится в «предбанкротном» состоянии, не имеет ни имущества, ни возможности восстановить свои активы, чтобы рассчитаться с кредиторами и (или) исполнить решение суда. Например, предприятия общепита, торгово-развлекательные организации, которым необходимы «каникулы» для пополнения активов.

При таких обстоятельствах судебный пристав-исполнитель выносит постановление о приостановлении исполнительного производства в части применения мер

принудительного исполнения, тем самым позволяя должнику пополнить активы либо изыскать иные возможности для исполнения требований исполнительного документа.

В современной России мораторий вводится Правительством второй раз, первый был при эпидемии коронавируса, второй сейчас, при нахождении нашей страны под санкциями Запада.

В обоих случаях экономика России претерпевала и претерпевает серьезные испытания и трудности — банкротятся организации и физические лица, безработица, массовые увольнения сотрудников, задержка заработной платы.

В таких ситуациях государству важно соблюсти баланс между необходимостью исполнения судебных решений и поддержкой бизнеса и граждан.

Каждый случай поступления заявления в подразделения ФССП о приостановке исполнительного производства, по основаниям, предусмотренным Постановлением

Правительства Российской Федерации № 497 от 28.03.2022, п. 4 ч. 3 ст. 9.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 9 ст. 40229-ФЗ «Об исполнительном производстве», уникален и находится на особом контроле Центрального аппарата ФССП.

Недопустимо подходить формально к разрешению настоящего вопроса, каждое заявление рассматривается в индивидуальном порядке и также принимается решение.

Судебному приставу-исполнителю необходимо правильно оценить ситуацию, по материалам исполнительного производства, при необходимости предпринять дополнительные действия по получению информации об имущественном положении должника, и только после всестороннего анализа материалов исполнительного производства вынести постановление об удовлетворении, либо отказе в удовлетворении заявления должника о приостановке исполнительного производства в части применения мер принудительного исполнения.

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемых кредиторами» // «Собрание законодательства РФ», 13.07.2022, № 14, ст. 2228.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 2005, № 1 (часть 1), ст. 40.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об исполнительном производстве» // «Собрание законодательства РФ». — 08.10.2007. — № 41. — ст. 4849.

Проблемы применения института особого порядка принятия судебного решения: преимущества и недостатки

Синицына Диана Андреевна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Новеллой в Российском законодательстве стало введение в 2002 г. института Особого порядка принятия судебного решения в уголовном судопроизводстве, предусмотренный главой 40 и 40.1 УПК РФ, который включает две разновидности, а именно — причины его применения: 1) согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением и 2) заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением — упрощенная форма судебного разбирательства в российском уголовном производстве, заключающаяся в том, что «обвиняемый может при отсутствии возражений со стороны государственного или частного обвинителя

и потерпевшего [3]», т.е. стороны обвинения, ходатайствовать о полном (что немало важно) согласии с предъявленным ему обвинением и просить вынести приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Данную льготу можно просить только при совершении преступлений небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). «Послаблением для обвиняемого является назначение наказания за преступление, не превышающего 2/3 от максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление [10, с. 55]».

Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в 2009 году. Понятие досудебного соглашения

определил законодатель в п. 61 ст. 5 УПК РФ. Согласно данной норме под этим соглашением следует понимать «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

Отечественный институт особого порядка схож с соглашением о признании вины в системе англо-американского права, что также относится к сокращенной процедуре уголовного производства. «Сделка о признании вины» применяется в США на протяжении более 100 лет, суть ее заключается в том, что прокурор при участии судьи договаривается с адвокатом о признании подсудимым части обвинений в обмен на смягчение наказания [6, с. 465-467]».

По данным статистики, в США более 90% уголовных дел рассматривается в порядке упрощенного судопроизводства. В основе «сделок о признании вины» лежит переквалификация обвинения в сторону менее сурового состава преступления, а также смягчение ответственности за содеянное в рамках соглашения о степени виновности.

Она активно используется в правовой системе США. По данным статистики за 2020 г. в США более 90% уголовных дел рассматривается в порядке упрощенного судопроизводства. В основе «сделок о признании вины» лежит переквалификация обвинения в сторону менее сурового состава преступления, а также смягчение ответственности за содеянное в рамках соглашения о степени виновности.

Рецепция пришлась весьма кстати — на практике данный институт возымел колоссальный успех, что объясняется показателями судебных статистик — указать проценты и года.

На основе вышеприведённых данных мы видим, что подавляющее большинство уголовных дел в судах Российской Федерации рассматривается именно в особом порядке. Чем же так привлекателен данный институт среди обвиняемых? В любом вопросе есть две стороны медали, так рассмотрим же поподробнее все преимущества и недостатки особого порядка, используя сравнительно-правовой анализ законодательства и практики применения особого порядка в России.

Переходя к сущности научного исследования в данной статье, выделим следующие основополагающие аспекты:

Цель исследования — провести комплексное организационно-правовое исследование преимуществ и недостатков применения особого порядка, раскрыть сущность понятия особый «порядок», выявить ошибки и пробелы его применения на практике, проанализировать взаимодействие участников производства в особом порядке между собой.

Объект исследования — область общественных отношений, возникающих в процессе применения особого порядка в уголовном процессе между его участниками.

Предмет исследования — нормативная база, регламентирующая порядок проведения особого порядка, а также

регламентирующая процессуальные права и обязанности участников.

1. Преимущества

Однозначно судопроизводство в особом порядке значительно сокращает время рассмотрения уголовного дела. Будучи в недавнем прошлом работником судебной системы Российской Федерации, мною сформировалось собственное мнение относительно вопроса, поднятого в данной статье. Основываясь на мнениях коллег, я выявила следующие преимущества рассмотрения уголовного дела в Особом порядке: для судей написание приговора по уголовному делу, рассмотренному в особом порядке занимает значительно меньше времени, поскольку в описательно-мотивировочной части приговора не приходится досконально исследовать все доказательства, а только смягчающие и отягчающие обстоятельства и материалы, характеризующие личность подсудимого, объем приговора не превышает 3-4 страниц, назначение наказания проходит быстрее, в связи с определенно заданными рамками в законодательстве, рассмотрение дела происходит зачастую в 1 судебное заседания (исключения бывают в связи с необходимостью предоставления дополнительных материалов, характеризующих личность, недостающих сведений об отбытии предыдущего наказания для рецидивистов и т.п.), отпадает необходимость исследования доказательств совершения преступления (допрос свидетелей, заключения экспертов, протоколы следственных действий, вещественных доказательств и т.д.), однако при подготовке к судебному заседанию судья в любом случае проводит проверку соблюдения условий для применения особого порядка, проверку материалов уголовного дела, работы следственных органов и утверждает в правильности применения особого порядка. «Исследуются только характеризующие личность подсудимого материалы [2]», смягчающие и отягчающие обстоятельства, что имеет значение только для назначения наказания в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ, «а при заключении подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве, судом исследуется законность и соблюдение процедуры его заключения, характер действия следствию подсудимым [4]»; для секретарей судебного заседания время на написание протокола судебного заседания также сокращается, объем протокола не превышает 1-3 страниц, что экономит рабочее время для выполнения иных обязанностей, также нет нужды вызывать всех свидетелей и отсутствует их обязательная явка в судебное заседание для дачи показаний; для работников канцелярии также есть свои плюсы — подобные дела меньше в объеме и количество томов дела соответственно меньше, вероятность совершения ошибки при регистрации снижается, мобильность материалов дела в здании суда повышается. Также федеральными судьями указано такое преимущество как низкая вероятность обжалования приговора, вынесенного в особом порядке, что выливается в положительную статистику и высокие показатели как работы самого судьи, так и су-

дебной системы РФ в целом. Поскольку при предоставлении отчета о работе судей огромное внимание уделяется проценту обжалования решений и проценту отмен либо изменения данных решений вышестоящими инстанциями. При высоком показателе вышеупомянутых критериев, работа судьи оценивается как неудовлетворительная и ставится вопрос о прекращении полномочий такого судьи.

Государственными обвинителями высказаны следующие преимущества: гарантированность обвинительного приговора, что положительно сказывается на статистике результатов работы органов прокуратуры РФ; нагрузка на работников прокуратуры значительно снижается, как в плане поддержания обвинения в суде, так и составлением представлений для дальнейших инстанций; в ходе рассмотрения дела в суде, государственный обвинитель проверяет только вопросы, влияющие на вид и размер наказания.

Для следственных органов особый порядок также экономит время и силы при расследовании. Однако по сравнению с судебным следствием, работа органов предварительного следствия так или иначе имеет тот же объем, что и при общем порядке. Различия заключаются лишь в скорости расследования, простоте сбора доказательств и их фиксации, ведь фактически подсудимый работает «на стороне» следствия, в интересах государства.

Для защитников работа сокращается до минимума — адвокаты формально исследуют материалы дела, следя за соблюдением прав обвиняемого, делая особый упор на сбор смягчающих наказание доказательств, обычно приводя доводы о положительных характеристиках подзащитного, наградах, особых заслугах, свидетелей защиты для дачи показаний. В положениях УПК четко регламентировано правило об обязательной консультации с защитником по правовым последствиям применения процедуры принятия судебного решения в особом порядке.

Что же до главной фигуры — обвиняемого? Со стороны кажется, что он только выигрывает: он защищен законом от назначения сурового наказания за совершенное им преступление (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), меньше времени проводит под действием мер пресечения. Если к обвиняемому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, то для него сокращается количество перевозок из СИЗО, количество досмотров. Это важный аспект, поскольку каждая доставка в судебное заседание либо для производства следственных действий требует много времени и подготовки. То же самое касается и тех, кто стражи избежал — они реже вызываются для производства следственных действий и в суд и почти не отвлекаются от повседневной жизни. В судебном заседании ему требуется только сознаться в совершенном преступлении и раскаяться.

2. Недостатки

В научной литературе сформировалось мнение, что подсудимый, совершивший преступление небольшой тяжести, проигрывает, выбирая особый порядок.

Согласно отзывам федеральных судей, к особому порядку чаще всего прибегают рецидивисты, что также отмечал судья Московского городского суда Усов [12].

Немало тревоги вызывал факт того, что уже в 2010-х годах в России число уголовных дел, рассмотренных в особом порядке, достигало 70%. На расширенной коллегии Генеральной прокуратуры президентом России Путиным В.В. высказано мнение, что следователями продемонстрирован низкий профессиональный уровень, упрощением своей работы «до предела» в связи с высокими показателями применения особого порядка. В итоге Генеральным прокурором РФ Чайкой поднимался вопрос о деградации следственных органов, «штамповавших» дела с согласием обвиняемого с предъявленным ему обвинением, что привело к отсутствию состязательности уголовного судебного процесса как принципа судопроизводства.

Со стороны судов тревоги не возникало, однако после этого в 2019 г. судья районного суда г. Ярославля Курапин А.В. вынес частное постановление, адресованное Генеральному прокурору РФ, где просил не препятствовать массовому рассмотрению уголовных дел в особом порядке, указывая на появление со стороны государственного обвинения практики беспричинного и бессмысленного препятствования особому порядку рассмотрения уголовных дел. Поводом послужило уголовное дело, которое по словам судьи, «рассматривалось два месяца, хотя могло бы быть рассмотрено за один день [11]».

Доктор юридических наук адвокат Иванчина А. полагает, что «негласное указание уменьшить количество дел, рассматриваемых в особом порядке, действительно существует, но это попытка искусственно создать состязательность в процессе [13]».

Государственные обвинители сознаются, что в ходе рассмотрения дел в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ на ошибки и пробелы следственных органов на стадии предварительного следствия закрываются глаза, внимание на них не акцентируется, что влечет волокиту в ходе расследования, неаккуратность оформления документов и доказательств, нарушение положения уголовного законодательства РФ. Лишь добросовестные государственные обвинители не ленятся поднимать вопрос об ошибках в стадии судебного заседания, чем противостоят рассмотрению дела в особом порядке.

Следственные органы заманивают людей на выбор особого порядка, обещая чуть ли не условное наказание, повышая раскрываемость преступлений для статистики. Применяются при этом ложные обещания, шантаж, угрозы, навязывание невиновным людям так называемых «висяков», провоцируя волокиту и беззаконие. Не доводя до обвиняемых аспекты процедуры особого порядка, следствие вводит людей в заблуждение приводя к печальным последствиям.

Со стороны защиты также пошла порочная практика в убеждении подзащитных о бессмысленности доказывания собственной невиновности. Адвокаты настаивают

на согласии с обвинением в полном объеме, суля назначение наказания в разы меньше. Также согласно негласному мнению адвокатов, судьи охотнее работают с подсудимыми, признавшими вину.

Свои недостатки есть и для обвиняемых. Выбирая особый порядок, обвиняемый безоговорочно соглашается с квалификацией преступления и со всеми обстоятельствами его совершения, что означает отсутствие возможности не согласиться с какими-либо обстоятельствами, даже если они не влияют на квалификацию и наказание. Соблазненные обещаниями следственных органов, они выбирают особый порядок, надеясь на значительные послабления со стороны судебных органов, полагаясь на случай, фортуна или договоренности между следствием и судом. Зачастую надежды и предположения обвиняемого не оправдываются, а он ограничен в возможности обжалования приговора ввиду закона. Доводы же уже осужденного гражданина об обещаниях следователя и прочих причинах никогда не принимаются вышестоящими инстанциями и человек остается ни с чем. По закону осужденный вправе обжаловать приговор только в части назначения наказания ввиду его чрезмерной суровости, а также при допущении процессуальных ошибок.

«Также нередки случаи взятия чужой вины на себя, как добровольно, так и под натиском следователей. Сладкие речи следственных органов об условном наказании соблазняют обычного человека, играя злую шутку [9, с. 44]».

Судами нередко отмечалось, что «заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, само по себе не является безусловным основанием для смягчения наказания [5]».

3. Подведем итоги

Как мы видим, институт особого порядка довольно популярен на практике в Российской Федерации. Однако,

как у любого нововведения в отечественном законодательстве, с течением времени в ходе применения выявляются пробелы и недостатки. На мой взгляд популярность особого порядка связана именно с экономией времени, ленью следственных и судебных органов, нежеланием досконального изучения всех обстоятельств дела, а также надеждой «на авось» обвиняемых, что связано с низким уровнем правосознания населения.

Практические работники стали чаще говорить о целесообразности и явным её примером считают особый порядок судебного разбирательства. Появились публикации о принципе целесообразности [8, с. 18]. Цель особого порядка — удобно, быстро, без особых усилий расследовать и рассматривать уголовные дела [7, с. 97].

Проанализировав все выявленные преимущества и недостатки особого порядка, мною сформировано мнение о том, что всё-таки особый порядок негативно сказывается на практике и приносит больше вреда, чем пользы, ведя к волоките, тотальной безграмотности, неряшливости.

Упрощение процедуры производства по уголовному делу не должно снижать требований к правозащитному и правообеспечительному механизму в уголовном судопроизводстве. И если создать условия для функционирования подобного механизма невозможно, следует отказаться от применения упрощенной процедуры по конкретному делу. Процессуальная экономия, ограничивающая права и законные интересы участников, не оправдана при любой форме уголовного судопроизводства.

В любом случае, каждое уголовное дело индивидуально и подходить к его расследованию и рассмотрению следует ответственно, обдумав каждое решение и действие — относя это к представителям государственных органов. А право выбирать особый порядок обвиняемому или нет — личное дело каждого обвиняемого.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022 г.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 28.06.2012 г. «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».
5. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 07.12.2021 г. по делу 310-6759/2021.
6. Бернам, У. «Правовая система США», М.: Новая юстиция, 2007 г.
7. Бурyleва, Е. В. «Изменение обвинения и квалификации преступления при особом порядке судебного разбирательства» // Право и государство: теория и практика. 2013 г.
8. Галюкова, М. И. «Специфика составления приговора при рассмотрении дела в особом порядке» // Уголовный процесс, 2012 г.
9. Семенцов, В. А., Лошкобанова Я. В. «Проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». М.: Юрлитинформ, 2016 г.
10. Шмарев, А. И., Шмарева Т. А. «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: монография. Юрлитинформ. 2013 г.

11. Рыжиков, Р. «Ярославский судья бросил перчатку Генпрокурору Юрию Чайке». Комсомольская правда. 08.10.2019 г.
12. «Особый порядок судебного разбирательства, или почему в деятельности столичной фемиды нет обвинительного уклона». Архивная копия от 06.03.2018 г. на Wayback Machine «Эхо Москвы» от 08.11.2010 г.
13. «Проблема куда глубже» — эксперт о демарше ярославского судьи Архивная копия от 12.10.2019 г. на Wayback Machine.

К вопросу о взаимосвязи предмета доказывания и стандартов доказывания в цивилистическом процессе

Скиданова Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тихонов Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье изучены сформированные в доктрине подходы к пониманию категории предмет доказывания, а также сформировавшиеся в доктрине подходы к пониманию стандартов доказывания. Кроме того, выявлена взаимосвязь в цивилистическом процессе указанных категорий.

Ключевые слова: *цивилистический процесс, доказательства, предмет доказывания, стандарт доказывания, бремя доказывания.*

Сегодня не только наука доказательственного права, но и практика правоприменения начинает все более активно оперировать категорией «стандарты доказывания». Наблюдается тенденция обращения к стандартам доказывания, как на уровне судов общей юрисдикции, так и арбитражных. Так, в отдельных решениях судов встречается формулировка «...исходя из действующего стандарта доказывания» [1]. Встречается и такая формулировка: обоснованно суд первой инстанции во исполнение положений статей 12 и 149 ГПК РФ применил повышенный стандарт доказывания обстоятельств в отношении требований истца [2].

В связи с этим вполне закономерно возникают следующие вопросы: что понимают под категорией «стандарты доказывания» и как обозначенная категория соотносится с предметом доказывания по гражданским делам. Прежде, чем сформулировать логически-обоснованные ответы на поставленные вопросы необходимо изучить содержательную составляющую сопоставляемых категорий.

Начнем изучение понятия предмет доказывания с мнения, обозначенного М. А. Фокиной. По ее мнению, достижение цели доказывания представляется возможным только при верном установлении предмета доказывания. Содержание предмета доказывания индивидуально в зависимости от категории дела [3].

Безусловно, предмет доказывания имеет высокую практическую значимость, так как способствует в первую очередь установлению объема и направлений судебного разбирательства, а также точное его определение позволяет разрешить вопрос и о квалификации доказательств по каждому гражданскому делу.

Действующее процессуальное законодательство не закрепляет официальной дефиниции такой категории как «предмет доказывания».

Вместе с тем, законодатель при формулировании определения категории «доказательства» указывает на необходимость установления судом наличия либо же отсутствия обстоятельств, обосновывающих имеющиеся у сторон требования (возражения). Кроме того, суд должен устанавливать иные обстоятельства, которые для правильного разрешения дела по существу имеют непосредственное значение (часть 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [4] и часть 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [5].

Присутствует предмет доказывания в каждом деле, даже в неисковом производстве. Обозначим ключевую цель доказывания. Она заключается в установлении фактов, которые следует доказать в рамках рассмотрения в судебном порядке конкретного дела. Четкое формулирование предмета доказывания, в том числе позволяет верно распределить бремя доказывания (является залогом успешного разрешения конфликта между лицами, являющиеся участниками спорного материального правоотношения).

Именно на суд в цивилистическом процессе возложена обязанность формулировать предмет доказывания (часть 2 статьи 56 ГПК РФ и часть 2 статьи 65 АПК РФ). Факты, образующие предмет доказывания, являются для суда искомыми. Соответственно, их суд познает в процессе рассмотрения обстоятельств дела, изучая позиции сторон.

Анализ доктрины процессуального права позволил сделать вывод о наличии двух подходов к понимаю кате-

гории «предмет доказывания» сформировалось два подхода. Обозначим тезисно их содержательную составляющую.

Приверженцы первого подхода утверждают, следующее: предмет доказывания составляют исключительно только материально-правовые факты (составляют основание иска и возражение на него). Такого мнения в своих научных трудах придерживался М.К. Треушников [6]. Что касается остальных фактов, то они своей совокупности образуют пределы доказывания. Аналогичной позиции, но с отдельными авторскими пояснениями, в том числе придерживалась и Т.В. Сахнова [7]. Обозначим их: на такие факты указывает предположительно подлежащая применению к конкретному спорному правоотношению норма материального права, а также факты процессуального отвода. Последние составляют основание процессуальных возражений ответчика (ориентированы на окончание разбирательства по делу без вынесения по существу решения). Резюмируя анализируемый подход, отметим, что в нем не подлежат включению в предмет доказывания ни процессуальные факты, ни доказательственные.

Что касается сторонников второго подхода, в их понимании предмет доказывания составляют, в том числе и иные факты, а не только материально-правовые. Так, в частности, И.В. Решетникова в своих научных исследованиях придерживалась позиции, что предмет доказывания составляет ряд различных фактов. Их можно дифференцировать на материально-правовые, процессуальные, а также, как вспомогательные, так и проверочные [8]. Поясним относительно двух последних. К вспомогательным фактам относят доказательственные, а также факты, подлежащие установлению для целей выяснения частного определения. Проверочные же факты позволяют подтвердить достоверность доказательств либо, наоборот, опровергнуть. Таким образом, придерживаются сторонники второго подхода широкого понимания категории «предмет доказывания», так как, по их мнению, его составляют любые обстоятельства, которые устанавливаются в судебном разбирательстве, и способствующие вынесению по делу решения, признаваемого законным и обоснованным.

Вместе с тем, анализ действующего процессуального законодательства позволяет однозначно утверждать, что первая позиция, сформировавшаяся в науке, является верной, поскольку для разрешения спора, имеющегося между сторонами, достаточно установить только те факты, которые для дела будут иметь значение, то есть материально-правовые факты. Что касается процессуальных фактов, то на существо спора они не оказывают влияние, хотя, безусловно, значение для правильного рассмотрения дела, а также защиты нарушенных прав имеют.

На стадии возбуждения дела в суде первой инстанции начинается формирование предмета доказывания (здесь его формирует преимущественно истец в своем исковом заявлении). Его формирование продолжается на стадии подготовки дела и завершается на стадии судебного раз-

бирательства. Стоит отметить, что лица, принимающие участие в деле, имеют право, как на расширение фактов, которые входят в предмет доказывания, так и на их сужение. Это реализуется посредством использования предоставленных сторонам распорядительных прав и находится в прямой зависимости от изменения характера и направленности интересов уже после возбуждения дела.

Далее изучим содержание категории «стандарт доказывания» Законодатель дефиницию анализируемого понятия не предусмотрел. Вместе с тем, в отдельных решениях судов встречается позиция о том, что «обязанность формулировать стандарт доказывания возложен на судебную практику» [9].

Доктриной предприняты попытки разработать понятие «стандарта доказывания». Например, И.В. Решетникова утверждает, что под ним следует понимать определенную степень уверенности относительно того, что по делу установлены все обстоятельства и, соответственно, вынести на их основе итоговое решение суда представляется возможным [8].

Вместе тем, впервые предпринята попытка обозначить понятие «стандарта доказывания» в Рекомендациях научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа. Согласно разъяснениям под ним следует понимать фактически круг обстоятельств, которые образуют предмет доказывания. Бремя их подтверждения возложено на лицо, заявляющее требование (возражение) [10].

Суд, руководствуясь принципом свободной доказательств осуществляет для целей разрешения спора анализ доказательственной базы. Вместе с тем, практикой выработано четыре степени требовательности к качеству доказательств со стороны суда. Именно их соблюдение позволяют сформировать убежденность у суда относительно существования доказываемых обстоятельств. Применение одного из четырех стандартов доказывания, выработанных судебной практикой, находится в непосредственной зависимости не только от категории дел, но и от конкретных обстоятельств.

Суд должен исходя из подлежащего применению стандарта доказывания установить юридически значимые обстоятельства, которые подлежит доказать (есть обозначить совокупность фактов образующих предмет доказывания), а также распределить бремя их доказывания. При этом суд должен поставить в известность стороны о причине применении конкретного стандарта и его содержании.

В процессе рассмотрения дела по существу допускается корректировка применяемого стандарта доказывания. Суд осуществляет корректировку с учетом доводов, а также представленных доказательств и при наличии к тому необходимости доказательственное бремя перераспределяет.

Обозначим стандарты доказывания, используемые по гражданским делам:

— «баланс вероятностей» (обычный стандарт доказывания). В указанном стандарте в сборе доказательств спорящие лица имеют равные возможности [11]. При применении такого стандарта доказывания требования истца подлежат удовлетворению, если им доказаны будут обстоятельства, являющиеся основанием иска, с разумной степенью достоверности. Используется указанный стандарт по умолчанию по все делам, рассматриваемым, как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами;

— пониженный стандарт доказывания («минимально необходимая степень достоверности»). Он подлежит применению в том случае, если утверждающее лицо не может предоставить самостоятельно весь объем доказательств, так как большая часть находится под контролем процессуального оппонента. Если говорить другими словами, то стороне достаточно предоставить минимальные доказательства, наличие которых зародит у суда сомнение относительно существования оспариваемого факта. В свою очередь, процессуальный оппонент такого характера сомнения должен опровергнуть соответствующими доказательствами, поскольку они находятся в сфере его непосредственного контроля. Правоотношения, осложненные банкротным элементом, являются классическим примером применения такого стандарта. Например, в случае наличия спора, в рамках которого оспаривается одно требование кредитора к другому (один из них является фиктивным, им преследуется цель включиться в реестр требований кредитора). Для возникновения сомнений у суда достаточно одному из кредиторов или заявить такие доводы или указать на косвенные доказательства, которые подтверждали бы малую вероятность развития таким образом событий. Возложено бремя опровержения событий на оппоненте [12];

— повышенный стандарт доказывания («ясные и убедительные доказательства»). Сущность проявляется данного стандарта в следующих аспектах: если одна сторона в возможности доказывания юридически значимых обстоятельств ущемлена, то противная сторона, безусловно, в большей степени обладает такими возможностями. Соответственно, она без особого труда может их доказать. Подлежит применению стандарт к «обычным» кредиторам, которые заявили требования о включении их в реестр. Суду необходимо более тщательно осуществлять проверку обоснованности требований по сравнению с обычным общеисковым разбирательством. Соответственно, истец для удовлетворения требований в свою пользу должен предоставить ясные и убедительные доказательства подтверждающие, как наличие задолженности, так и ее размер. Им также опровергнуты должны быть разумные возражения кредитора, который обжалует судебный акт [13];

— высокий стандарт доказывания («вне разумных сомнений»). Данный стандарт применяется в исключительных ситуациях и преимущественно по делам осложненным банкротным элементом. Применение стандарта связано с тем, что кредитор является с должником аффи-

лированным лицом. В силу наличия таких обстоятельств независимый кредитор в сборе доказательств является слабой стороной, так как наличие тесной связи между такими лицами с документарной стороны внешне безусловно, поэтому независимый кредитор не может предоставить доказательства мнимого обязательства. Использование аффилированного кредитора делается с целью распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора. Бремя доказывания возложено на истца — аффилированного кредитора, который должен исключить разумные сомнения в реальности долга. При этом у суда для удовлетворения требований не должно быть сомнений в обоснованности требований такого рода [14].

На основании исследования, проведенного в научной статье, сделаем ряд выводов и укажем на взаимосвязь предмета доказывания и стандартов доказывания. В доктрине сформировалось два подхода к пониманию содержательной составляющей категории «предмет доказывания». Верной является позиция, согласно которой ее составляют исключительно только факты материально-правового характера, имеющие значение для дела. Что касается процессуальных фактов, то они, безусловно, имеют значение для рассмотрения дела, но на существо спора они влияние не оказывают. На процесс рассмотрения дела в суде первой инстанции и как следствие вынесение итогового решения суда негативное влияние оказывает не только чрезмерное расширение предмета доказывания, но и наоборот его сужение. Это может привести к не правильному решению. Содержательная составляющая предмета доказывания, а также его пределы находятся в прямой зависимости от конкретного спорного правоотношения. Стоит отметить и высокую практическую ценность предмета доказывания, так как его верное определение позволяет установить не только конкретные задачи судебного разбирательства в суде первой инстанции, но и его направление и объем.

Кроме того, его верное установление способствует и разрешению вопроса о видах доказательств, обосновывающих по делу требования (возражения). Также это будет способствовать и минимизации временных ресурсов. Что касается стандартов доказывания, то они фактически представляют собой обстоятельства, которые следует доказать для разрешения дела. Повышение стандарта доказывания по отдельным категориям дел опосредует необходимость доказывания дополнительных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу.

Кроме того, именно они перераспределяют бремя доказывания, а также позволяют установить доказанность конкретных обстоятельств, образующих предмет доказывания. Таким образом, именно суд из стандарта доказывания подлежащего применению обязан установить юридически значимые обстоятельства, которые подлежат доказать (обозначить совокупность фактов, образующих предмет доказывания), а также распределить бремя их доказывания.

При этом суд должен поставить стороны в известность о применении конкретного стандарта и его содержании. Говоря об взаимосвязи анализируемых категорий обозначим следующее ключевое заключение: стандарт доказывания определяется через перечень обстоятельств, которые образуют по конкретному делу предмет доказывания. Соответственно, стандарт доказывания, являясь

характеристикой предмета доказывания, зависит от категории дел и их сложности. Так, в частности, если предмет доказывания опосредует необходимость доказывания дополнительных обстоятельств (например, как в спорах сложным банкротным элементом), то это приводит к повышению и стандарта доказывания.

Литература:

1. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 04 октября 2018 по делу № 33-2465/2018 // Суд Ямало-Ненецкого автономного округа. — URL: <http://oblsud.ynao.sudrf.ru>
2. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03 октября 2018 по делу № 33-17572/2018 // Свердловский областной суд. — URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>
3. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы: Монография. — М.: Новый Индекс, 2010. — 621 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 4532.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Треушников, М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021-304 с.
7. Сахнова, Т. В. Цивилистический процесс: учебно-методическое пособие/Т. В. Сахнова. — М., 2014. — 218 с.
8. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве/под ред. И. В. Решетниковой. — 7-е изд., доп. и перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 472 с.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 декабря 2018 № Ф03-5605/2018 по делу № А24-4281/2016 // Арбитражный суд Дальневосточного округа. — URL: <https://fasdvo.arbitr.ru>
10. Рекомендации научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа № 1/2019 от 15.11.2019 (утверждены на заседании президиума Западно-Сибирского округа) // Арбитражный суд Западно-Сибирского округа. — URL: <https://altai.arbitr.ru/files/pdf/14-2.pdf>
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 № 305-ЭС16-18600 (5-8) // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <http://supcourt.ru>
12. Определение Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.18 № 308-ЭС18-9470 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <http://supcourt.ru>
13. Определение Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 № 305-ЭС17-4004 (2) // // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <http://supcourt.ru>
14. Определении Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2019 № 308-ЭС18-16740 // // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <http://supcourt.ru>

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 39 (434) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 12.10.2022. Дата выхода в свет: 19.10.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.